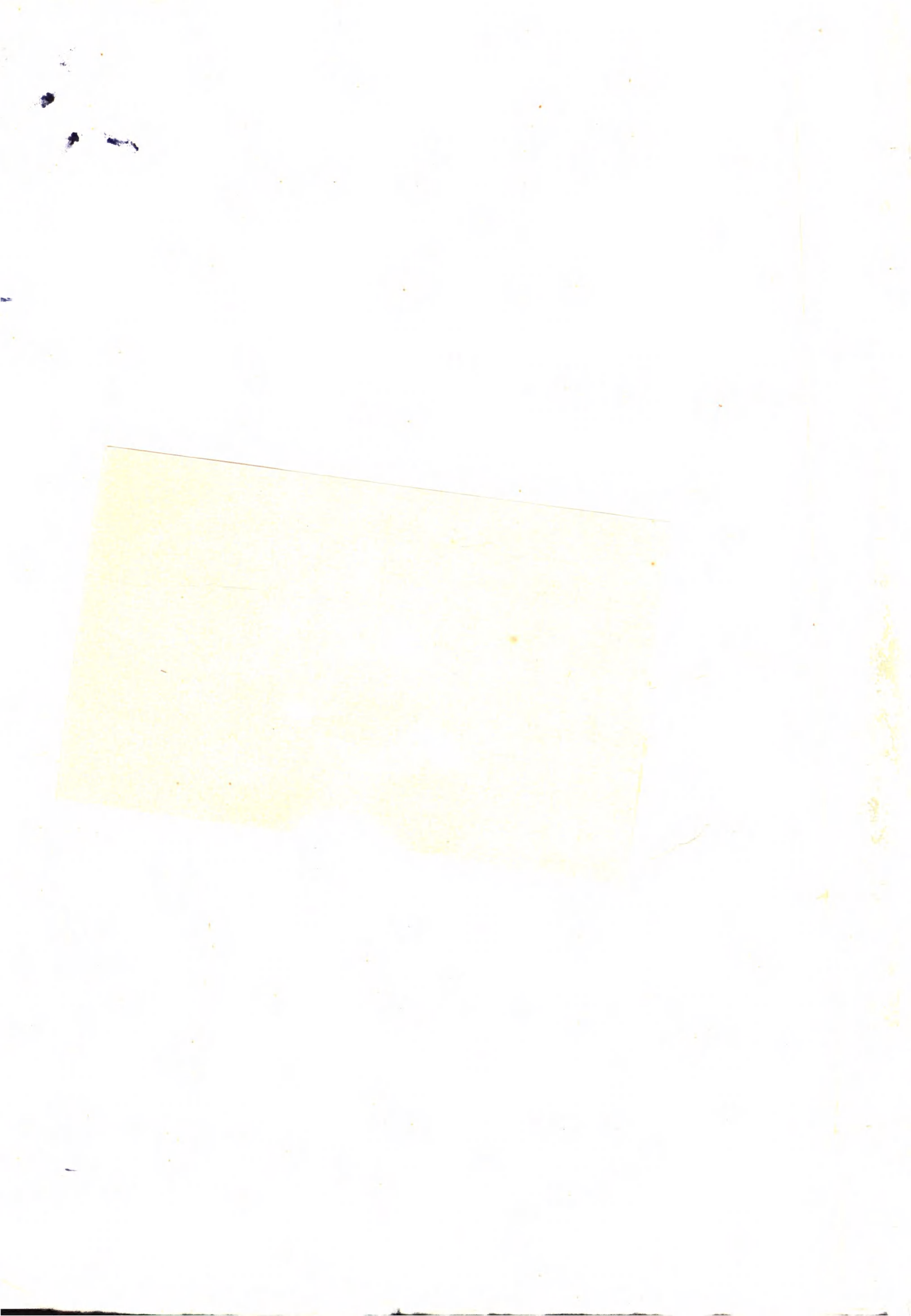
Г. И. ЧЕРНОВ

ГЕРОИ 14 ДЕКАБРЯ

Г. И. Чернов

ГЕРОИ 14 ДЕКАБРЯ

Записки о декабристах-владимирцах

ВЕРХНЕ-
ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ
1973

9(с)15
4—49

Чернов Г. И.

Герои 14 декабря. Записки о декабристах-владимирцах.

Ярославль, Верх-Волж. кн. изд., 1973.

136 с.

Со времени декабрьского восстания на Сенатской площади прошло почти 150 лет, но эти события волнуют нас до сих пор. Несколько крупных представителей движения дворянских революционеров вышло из среды владимирских дворян: Одоевский, Митьков, Басаргин, Спиридов и другие. Со страниц книги встают их обаятельные образы.

$\frac{2\text{-}8\text{-}4}{65\text{—}73}$ 9(с)15

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Несколько лет тому назад мне по служебным делам пришлось быть в селе Липна, что стоит на шоссе Москва — Горький, километрах в 50 от Владимира. И вот там я совершенно случайно «подслушал» разговор о сносе одного здания.

Мне вспомнилось, что этот дом некогда принадлежал декабристу Басаргину и, конечно, заслуживает увековечивания, а не разрушения. При посещении дома оказалось, что живущие в нем ничего не знают о его бывшем хозяине. В Петушинском райисполкоме подтвердили, что предложения и просьбы от колхоза о сносе этого дома действительно имеются.

Интересуюсь, что известно о Басаргине в Липне. Захожу в восьмилетнюю школу. Здесь обнаруживаю книгу А. Гессен «Во глубине сибирских руд», в которой много страниц посвящено Басаргину.

На память пришло и другое: в Юрьев-Польском районе жили декабристы Митьков и Одоевский. Навел справки в Юрьев-Польском музее. Оказалось, что там имеются самые скудные сведения. В областном музее — всего несколько документов, а в архиве — только одни книги дворянских родов.

В то же время в обширнейшей декабристской литературе очень часто говорится об участниках этого события, прямо или косвенно связанных с Владимирщиной. Их было много. Но собранных воедино материалов, дающих более или менее полное представление о каждом из них, нет. Так возникла мысль написать эту книгу.

Автор будет благодарен читателям за замечания и отзывы о ней.

Помещенные в этой книге портреты декабристов-владимирцев Басаргина, Митькова, Одоевского, Панова исполнены декабристом Николаем Бестужевым во время их пребывания в острогах Читы, Петровского завода и на поселении, причем все они, кроме портрета Одоевского, являются единственными. В этой портретной галерее нет только портрета Спиридова. Исследователи данного вопроса не знают, чем объяснить это обстоятельство. Портреты Басаргина и Митькова написаны Бестужевым перед их выходом на поселение.

Всего сейчас собрано около 170 бестужевских художественных произведений, в том числе 115 портретов главных участников восстания на Сенатской площади и их жен, 10 акварелей, изображающих камеры в Петровской тюрьме, свыше 30 сибирских ландшафтов и видов Читинского и Петровского острогов.

Часть работ Бестужева погибла, но, к счастью, сохранились фотографические, или, как тогда их называли, дагерротипные снимки с них. Этим мы обязаны «уволенному от службы инженеру А. Довиньону», который, путешествуя по Сибири, был в Иркутске, селе Уриковском, слободе Оёк, где и сделал несколько портретов декабристов, в том числе Муханова и Панова. Портреты Поджио, Панова, посланные ими своим родственникам, оказались перехваченными полицией, о чем немедленно было доложено Николаю I, находящемуся тогда в Венеции. От него последовало указание: «Пресечь и наказать», а портреты отобрать, что и было сделано.

Фотографирование декабристов было запрещено всем.

Николай Бестужев выполнил неоценимую работу, занимая для ее исполнения все свое свободное время. Он ясно представлял себе цель: сохранить облик этих замечательных людей. Он требовал от декабристов оставить на портретах свои автографы или другие надписи. И это тоже единственная память о многих из них.

Бестужев верил, что придет время, когда потомки будут с любовью и благодарностью рассматривать его портреты и рисунки.

Бестужев не только нарисовал, но и сохранил до своей смерти «основную галерею портретов» — 68, завещав ее своей сестре Елене Александровне, которая в 1858 году привезла портреты в Москву и продала известному «ревнителю просвещения и издателю», а также и собирателю редких вещей Казьме Солдатенкову, человеку прогрессивному для своего времени.

Но Солдатенков почему-то эту коллекцию не опубликовал, она исчезла. И только в 1944 году Бестужевское собрание портретов декабристов было обнаружено. Оно хранилось у того же человека, которому в 1900 году его подарил Солдатенков за год до своей смерти.

Таким образом, лишь спустя 150 лет после создания бестужевские творения увидели свет [1].

В сборе материалов для книги помогали библиографы областной библиотеки им. Горького, и особенно Лия Васильевна Зайкова; в подготовке книги к печати — заслуженный учитель школы РСФСР Владимир Павлович Третьяков; в подготовке фотографий — Александр Владимирович Дунаев и Александр Александрович Дубов. Автор выражает им сердечную благодарность.

---

[1] Опубликованы: «Огонек», 1950, № 51. Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 60, кн. 1—2, М., 1956.

Наш край так богат воспоминаниями, он может гордиться своим былым величием и быть уверенным, что всякий русский с благоговением прочтет подробности былой его жизни.

А. И. Герцен

ГНЕЗДО ДЕКАБРИСТОВ

Декабристы... Нет людей, равнодушных к смелому, бескорыстному и героическому подвигу первых русских революционеров. Поражает и восхищает в декабристах все: их подвиг, жизнь на каторге и в ссылке, удивительная стойкость, беззаветная преданность своей мечте. Выходцы из дворян, передовые, высокообразованные люди, они раньше других поняли неизбежность уничтожения крепостного строя и самодержавия и бросили вызов своему классу. Отбыв каторгу, они не отказались от служения обществу, несли ему просвещение и культуру, организовывали школы, больницы, передовые сельскохозяйственные предприятия и т. д. Не следует забывать, что декабристы до самой смерти находились под неусыпным надзором полиции. Самодержавие их боялось. С благоговением произносишь их имена и с чувством восхищения останавливаешься перед каждым памятником декабристам.

Действительно, они заслужили всеобщее народное признание и уважение.

Недаром В. И. Ленин так высоко оценил их роль и место в истории. «В докладе о революции 1905 года» он говорил: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»[1]. А в статье «Памяти Герцена» читаем: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

Заметим, что В. И. Ленин и его товарищи называли себя «декабристами», так как и они были арестованы в декабре, но 1895 года. Об этом он упомянул в книге «Что делать?»: «Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие...» [1]

О том, что Ленин и группа его товарищей называли себя «декабристами», пишет в «Воспоминаниях о Ленине» и Н. К. Крупская.

Достойное место заняли декабристы в истории революционного движения России.

«Декабристы явились первыми русскими революционерами, которые не только выдвинули лозунги борьбы с крепостным правом и самодержавием, но и организовали для осуществления этих целей первое открытое восстание с оружием в руках» [2].

Автор не ставит своей целью пересказывать все, что известно о декабристах. В этом нет необходимости.

Его цель — собрать воедино разрозненные сведения о декабристах — уроженцах Владимира или имевших какое-то отношение к нашему краю. Из среды владимирских дворян вышло несколько крупных представителей движения дворянских революционеров.

Случайно ли это? Нет!

Владимирская губерния расположена в самом центре России. Через нее шли важнейшие пути, соединяющие Москву с Волгой, Уралом. Соседство таких крупных городов, как Москва, Ярославль, Нижний Новгород, оказывало свое влияние на развитие хозяйства губернии.

В губернии рано начала создаваться промышленность. Уже в начале XIX века имелись текстильные, бумагоделательные, стекольные, чугунные и другие предприятия. Формируется рабочий класс, правда, в его среде поначалу большинство еще составляют крепостные крестьяне, но есть предприятия и с вольнонаемными работниками.

Многие владимирские помещики для получения больших доходов заводили в своих имениях различные промышленные предприятия, а потом продавали их купцам или предпринимателям.

В первой четверти девятнадцатого века, накануне декабрьского восстания, отмечены первые волнения рабочих, вызванные

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 34.

[2] «История СССР». Под редакцией М. Нечкиной. Т. 2. М., 1954. стр. 115.

чрезмерным угнетением и отменой порядков, установленных прежними владельцами. 23 июля 1822 года чиновник Московского горного управления А. Г. Герасимов доносит берг-инспектору, что на Гусевском чугунолитейном заводе, принадлежавшем Баташевым, начались волнения: 500 рабочих вследствие невыдачи им заработной платы оставили работу и направились во Владимир к губернатору с жалобой на действия администрации. На заводе собралось также много крестьян из окрестных сел и деревень с требованиями платы за доставленный ими на завод уголь.

Крестьяне кричали: «Без уплаты уголь доставлять не будем». Часть ушедших во Владимир рабочих с дороги вернулась назад, а 270 продолжали свой путь. По указанию меленковского предводителя дворянства, зачинщики Клим Андреев, Степан Юлин, Ермолай Филиппов были арестованы, доставлены во Владимир и преданы суду.

В сентябре на заводе возникла новая волна возмущения, рабочие требовали освобождения арестованных.

«Порядок» удалось восстановить только «воинской командой». На завод прибыло 50 рядовых при 8 обер- и унтер-офицерах. И только 27 октября 1822 года министр внутренних дел граф Кочубей сообщает правительству, что командою, усиленною до 100 человек, волнение на Гусевском заводе Баташевых «усмирено», а также подавлено выступление на Сынтульском заводе Баташевых, связанном по технологии с Гусевским, но находящемся в Касимовском уезде Рязанской губернии[1].

Это событие, видимо, было настолько тревожным, что о нем сообщили царю в Верону, где тот находился. Александр I распорядился послать на усмирение взбунтовавшихся рабочих целый пехотный полк.

А в сентябре-октябре начались новые волнения фабричных крестьян деревень Клочково и Иваново Шуйского уезда, работавших на фабрике Носова. Эта фабрика раньше принадлежала помещику, который на летнее время всех крестьян распускал для работы в своем хозяйстве. Новый хозяин отменил эту льготу и начал так невероятно притеснять рабочих, что они взбунтовались и написали жалобу Александру I. Принудить рабочих к повиновению удалось только «военной экзекуцией».

Не прошло бесследным для Владимирской губернии и пребывание здесь выдающегося демократа Александра Николаевича Радищева. Он приезжал сюда к своим родственникам, вел переписку с некоторыми деятелями губернии, неоднократно упоминал в своих произведениях Владимир и отдельные наши города. В сво-

---

[1] «Из прошлого Владимирского края». Сб. 1, Владимир, 1930.

ем дневнике Радищев записал путь печально известной «Владимирки», по которой он возвращался из ссылки. Описание Радищевым Владимирки помогает восстановить ее местоположение. В имении Андреевское возле Ундола жил граф Воронцов, бывший президент камер-коллегии, помогавший Радищеву в трудные годы ссылки.

В Воронцовском имении хранилось первое издание «Путешествия» и поясной портрет А. Н. Радищева, вероятно, написанный крепостными художниками Иваном Борабиным и Федором Страховым во время приезда Радищева к Воронцову. Обе вещи уникальные, о существовании которых даже специалисты-радищеведы не подозревали. Появление их на выставке в Государственном литературном музее в Москве было настоящей сенсацией.

Не так давно в руки краеведов попала небольшая книжечка — «Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большей частью сам был очевидным свидетелем» сочинение С. фон Ф., издано в Москве в 1818 году в типографии С. Сельвинского. Тот же прием, что и в радищевском путешествии, — описание виденного в пути. Кто же автор? Им оказался учитель немецкого языка Владимирской губернской гимназии Савелий Карлович фон Ферельтц. В делах Московского цензурного комитета за 1810 год в журнале о записи разрешений напечатания обнаружены интересующие нас пометки. В графе «Название рукописи» записано: «Путешествие критики», в графе «Автор»: «Сав. фон Ферельтц — учитель». Значит, книга была написана в 1810 году, напечатана только в 1818 году. Видимо, автор считал обстановку в стране неблагоприятной для опубликования своей работы. Пример Радищева был еще свеж, и Ферельтц побаивался, как бы ему не разделить судьбу того, кому он явно подражал. Можно предположить, что с книгой Радищева он был знаком. Когда обстановка стала более благоприятной, он выпустил книгу в свет. С тех пор прошло много времени, и книга, изданная небольшим тиражом, практически исчезла. К счастью, в 1951 году ее переиздал Московский университет и, таким образом, она дошла до советского читателя.

Любопытно, что издатель Сельвинский был «уличен» в связях с декабристами и в том, что он является сподвижником владимирского крамольного издателя Матвея Пономарева. Вот какая интересная и совершенно не случайная складывается цепочка. Если учесть явный антикрепостнический характер владимирских «Путешествий», то можно сделать вывод, что на Владимирщине были активные противники крепостного права.

Автор не называет деревень, через которые он проезжал, и помещиков, с какими встречался. Это понятно.

Фон Ферельтц начал свою службу в 1804 году учителем главного училища во Владимире (позднее переименовано в гимназию). По Уставу главное училище управляло всеми другими училищами в губернии. Очень часто учителя по поручению дирекции объезжали их. Значит, и фон Ферельтц совершил свое путешествие во время служебной командировки. Вряд ли на свою зарплату учитель мог совершить такое путешествие. Можно предположить и вероятный маршрут его поездки. Училищ в то время было пять: кроме Владимирского, реорганизованного в гимназию, Суздальское, Переславское, Муромское, Шуйское и Юрьевское, открытое в 1788 году. Вероятнее всего, он ехал в сторону Юрьева или Мурома — это были более оживленные дороги.

Фон Ферельтц начинает свою книжку как бы спором с сочинениями сентиментального характера, рисовавшими картины сельской идилии: «Не везде миртовые аллеи, не везде резвые ручейки с нежным журчанием пробегают по камешкам; не везде слышно сладкогласное пение соловья. Есть места дикие...». И вот, задав одному седому старцу вопрос: «Почему деревня страшится помещика?» — получает ответ:

— Страшен, что как задумаешь на него, так волосы дыбом ставятся. Десять лет как мы ему достались в руки, десять лет он гнетет страшными налогами, сосет нашу кровь. Работаем день и ночь — и все на него. Он же последний кусок ото рта отнимает у нас.

В другом месте путешественник встретил крестьян, закованных в кандалы. Помещик Н., картежник и кутила, проигравшись продал их на фабрику.

Старый крестьянин в другой деревне сказал ему: «Если бы господь услышал бы молитву мою да прибрал меня поскорее, жить больше мочи нет».

Автор описал помещика, владеющего 700 душами, который дошел до такой степени жадности, что стал брать деньги «с себя самого за каждый обед и ужин».

Скупец угостил своего гостя пивом. Гость выплеснул его и подумал: «Этот стакан вылить на бешеную собаку, и та облезет».

Автор обращается к лучшим людям России с призывом — разоблачать помещиков-крепостников, стать на защиту крестьян, «без лести и прикрас говорить русскую правду!»

Книгу Ферельтца по духу можно приравнять к «Путешествию» Радищева.

Волнения среди владимирских крестьян были явлением не только довольно частым, но и постоянным. В 1797 году «волно-

валось» сразу 99 селений, около 11 тысяч крестьян [1], что заставило серьезно беспокоиться владимирских помещиков за свою судьбу. Для подавления восстаний крестьян вызывались воинские команды.

Крестьяне хорошо знали, что делалось на Волге, когда армия Емельяна Пугачева осадила Казань. Один из отрядов пугачевцев даже занял Арзамас, расположенный на границах Владимирской губернии, в 70 километрах от Мурома. Отдельные пугачевские лазутчики появлялись на Стромынской (от Москвы к Покрову) и Александровской дорогах.

В 1806 году в деревне Назариха Вязниковского уезда произошло событие, которое всколыхнуло весь уезд.

Помещица Полуэктова — «владимирская Салтычиха» — до смерти забила девочку Машу, дочь своей «дворовой девки», за малозначимый поступок. Возмущение этим зверским отношением помещицы к своим дворовым людям было так велико, что уездный суд, как ни тянул ее дело, вынужден был приговорить Полуэктову в 1808 году к лишению дворянства и ссылке на поселение.

Через губернию пролегала знаменитая «Владимирка», и не одна тысяча колодников — крестьян, солдат — проходила по ней в Сибирь, гремя кандалами и поднимая дорожную пыль. Не они ли посеяли первые зерна сомнения в душе Коли Басаргина, будущего декабриста, который видел колонны этих несчастных, измученных людей, одетых во все серое, идущих в жару и стужу, дождь и метель мимо усадьбы, окна которой смотрели прямо на «Владимирку»?

Не прошли мимо владимирской земли и грозные события 1812 года. Когда французская армия стала непосредственно угрожать Москве, то согласно манифесту Александра I в 10 губерниях, расположенных вблизи от Москвы, стало создаваться народное ополчение. Было принято решение о формировании народного ополчения и во Владимирской губернии.

Ополченцы набирались только из крепостных крестьян. Желание крестьян попасть в ополчение и участвовать в защите отечества было так велико, что к 20 августа ополченцев в губернии набралось уже 25 тысяч, и формирование его закончилось. Гражданский губернатор, чтобы пресечь стремление крестьян попасть в ополчение, объявил всех их, прибывших в ополчение сверх разверстки, данной помещикам, беглыми, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Владимирские ополченцы выполняли вспомогательные задачи: они несли охрану дорог, имений, фабрик, границ Владимир-

---

[1] «Из прошлого Владимирского края». Сб. 1, Владимир, 1930, стр. 34.

ской губернии, вылавливали шайки французских мародеров и отряды фуражиров, отбирая у них продовольствие и награбленные вещи, конвоировали пленных французов во Владимир и другие города.

После того, как французская армия оставила Москву, один из полков ополчения нес в Москве караульную службу и принимал участие в ликвидации последствий пожара и в очистке города. Другие полки продвинулись далеко на запад, они были в Минске, Борисове, Могилеве, Бобруйске, Белеве, выполняя те же обязанности, что и в Москве.

Владимирские ополченцы службу несли очень хорошо, о чем в своих письмах к командующему ополчением князю Голицыну неоднократно сообщал М. И. Кутузов.

Вот только дворяне скоро стали забывать о своих крестьянах-ополченцах. Как только прошел первый страх за свои имения, а неприятеля отогнали от границ губернии, они перестали посылать продовольствие и деньги, начали отзывать крестьян обратно для работы в имениях. Командующему армией Кутузову пришлось из своих армейских запасов выделять продовольствие владимирским ополченцам.

В декабре 1813 года командующий ополчением князь Голицын сообщает в военное министерство, что в полках имеется больных 2275 человек (в госпиталях), больных при полках 154, а беглых числится 172 и умерших 4001. При этом нельзя забывать, что полки ополчения непосредственного участия в боях не принимали [1].

В 1814 году крестьяне-ополченцы вернулись домой, их надежды на волю, о которой все они мечтали, лопнули, как мыльный пузырь. Началась безрадостная жизнь у помещиков, жесточайшая эксплуатация. Ничего не изменилось. Помещики и слышать не хотели об облегчении участи крестьян. Крестьяне роптали, начались волнения. Конечно, все это не могло пройти мимо прогрессивно настроенной части дворянства. Офицеры знали мысли и чаяния своих солдат об освобождении от крепостного права. Поэтому не случайно декабристы, в том числе и декабристы-владимирцы, участвуя в выработке программы переустройства общества, выдвигали мысль об освобождении крестьян.

Поход в Европу, знакомство с более передовой культурой, устройством общества — все это убедило мыслящих людей, участников похода, в том, что общество может быть без крестьян-

---

[1] «Владимирское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сб. документов. Облархив, Владимир, 1963.

ского рабства, укрепило веру в необходимость ликвидации крепостничества и самодержавия, пробудило ожидания прогрессивных изменений в русском обществе, в русской государственности.

Характеризуя это время, А. И. Герцен писал, что не велик промежуток между 1810 и 1825 годами, но между ними находится 1812 год. Нравы те же, помещики, возвратившиеся из своих деревень в сожженную столицу, те же. Но что-то изменилось. Проснулась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было. Как верно схвачена суть перемен. Внутри русского общества зрели новые, грозные силы, с которыми нельзя было не считаться.

Среди владимирских дворян встречается много образованных, передовых людей, воспитанных на идеях Радищева, Новикова, Вольтера, Руссо, французских энциклопедистов. Эти люди, знакомые с передовыми учениями, были полны решимости реформировать существующий строй, добиться освобождения крестьян от крепостного права. В списке дворянских родов губернии мы встречаем такие, теперь всемирно известные фамилии, как Пестели, Одоевские, Огаревы, Грибоедовы, Жуковские, Языковы, Басаргины, Мусины-Пушкины, Калошины, Митьковы.

Передовое дворянство Владимирщины выдвинуло из своей среды деятелей декабристского движения не случайно. На то, как мы видим, были определенные экономические и социальные причины.

Даже в имении графов Уваровых, что расположено в селе Карачарове, родине былинного Ильи Муромца, в библиотеке хранилось несколько прекрасно изданных книжек альманаха «Полярная звезда», редактируемого и издаваемого К. Рылеевым и А. Бестужевым.

В той же библиотеке имелись книги Руссо и Вольтера, французских энциклопедистов, журнал «Северные цветы» и другие, в которых печатались произведения прогрессивных авторов. Правда, удивляет не то, что эти книги **были** в библиотеке, это считалось хорошим тоном каждой сколько-нибудь богатой и образованной дворянской семьи, удивляет, почему эти книги **не уничтожили** после казни декабристов. Библиотека в усадьбе Уваровых хранилась до октября 1917 года. После революции была переведена в фонды Муромского краеведческого музея. Граф Уваров — тот самый реакционный министр просвещения, автор знаменитого изречения: «православие, самодержавие, народность». Заподозрить его в симпатиях к декабристам, естественно, нельзя. Значит, можно предположить, что даже в реакционно-настроенных семьях были люди, не безразличные к идеям декабристов.

Декабристы-владимирцы

Фамилия, имя, отчество	Социальное положение, звание	Год рождения	Место пребывания на Владимирщине	Годы пребывания в Сибири	Приговорен по разряду, срок каторги	Место поселения	Годы выхода на поселение	Год смерти
1	2	3	4	5	6	7	8	9
БАСАРГИН Николай Васильевич	дворянин, поручик	1799	с. Липна, Вореево, Покровский уезд	1827—1856	II—15 лет	Туринск, Курган, Омск, Ялуторовск	1836	1861
МИТЬКОВ Михаил Фотеевич	дворянин, полковник	1791	с. Варварино, Юрьев-Польской уезд	1828—1849	II—15 лет	Иркутск, Красноярск	1835	1849
МУХАНОВ Петр Александрович	дворянин, штабс-капитан	1798	с. Успен-Мухановское, Александровский уезд	1828—1854	IV—8 лет	Братский Острог, Усть-Куд	1832	1854
ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович	князь, корнет	1802	с. Николаевское, Юрьев-Польской уезд	1827—1837	IV—8 лет	Тельма, Елань, Ишим	1832	1839
ПАНОВ Николай Александрович	дворянин, поручик	1803	Александровский уезд	1827—1850	I—20 лет	Михалево, Урик	1839	1850
СПИРИДОВ Михаил Матвеевич	дворянин, майор	1796	с. Нагорье, Переславский уезд	1827—1854	1 —20 лет	Доронино, Красноярск	1840	1854

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ШАХОВСКОЙ Федор Петрович	князь, майор	1796	г. Суздаль	1826—1829	8	Туруханск, Енисейск	1826	1829
ЕНГАЛЫЧЕВ Николай Парфентьевич	дворянин, подпоручик		с. Доротнино, Переславский уезд		В действующую армию			1849
КАЛОШИН Петр Иванович	дворянин, подполковник	1797	с. Смольнево, Покровский уезд		Выслан в Смольнево			1826
ПЕСТЕЛЬ Павел Иванович	дворянин, полковник	1793	с. Станки, Вязниковский уезд		Казнен			1854
КАЛОШИН Павел Иванович	дворянин, коллежский асессор	1799	с. Смольнево, Покровский уезд		Выслан в Смольнево			1859
ЩЕПИН-РОСТОВСКИЙ Дмитрий Александрович	князь, штабс-капитан	1798	г. Шуя, Шуйский уезд					

Академик М. В. Нечкина в своем двухтомном исследовании, посвященном декабристам, пишет, что во Владимирской губернии сложилось целое «гнездо декабристов», в которое входили Кривцов, Митьков, Одоевский, Басаргин, Спиридов, Муханов, Панов [1], в другом месте упоминаются братья Калошины Петр и Павел. Но С. И. Кривцова из этого списка придется исключить. В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина имеется книга «Декабрист Кривцов», написанная М. Гершензоном, второе издание ее вышло в 1923 году в издательстве «Геликон» (Москва—Берлин), в которой автор утверждает, что Сергей Кривцов родился в селе Тимофеевском Болоховского уезда Орловской губернии. Из этого села он 15-летним мальчиком вместе со своими братьями отправился за границу для продолжения образования, обучаясь до этого полтора года в Москве. В Тимофеевское же Кривцов вернулся и после отбытия ссылки и здесь же 5 мая 1864 года, 62 лет от роду, умер. Хотя М. В. Нечкина и открывает перечень декабристов-владимирцев с фамилии Кривцова, но, к сожалению, здесь, очевидно, вкралась какая-то ошибка.

Попытаемся дать характеристику отдельным представителям движения декабристов, связанным с Владимирской землей.

«ПЕСТЕЛЕВА ОБЩИНА»

Павел Иванович Пестель, 1793—1826

Руководитель Южного общества, автор первой русской конституции — «Русская правда», один из виднейших представителей декабристского движения Павел Иванович Пестель был хорошо знаком с Владимирской губернией. Его сестра Софья Ивановна владела селом Васильевским в Меленковском уезде, а брату Борису Ивановичу принадлежала часть села Станки Вязниковского уезда. Брат Александр Иванович, благодаря браку с Гудович, стал владельцем сел Новоселки, Вача и некоторых других деревень в Муромском уезде. В 1831 году в списках прихожан Молотицкой церкви имелась фамилия помещицы Пестелевой. Станковская усадьба еще в 1870 году была собственностью Пестелей. Она принадлежала Софье Николаевне Пестель, а затем, по завещанию перешла к ее внучке Софье Отт. Таким образом, в первой половине XIX века многочисленное семейство Пестелей было прочно связано с Владимирщиной. Известно, что Павел Иванович Пестель не только знал о вотчинах своих родственников в губернии, но и бывал в некоторых из них. Это подтверждают хотя бы воспоми-

[1] М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. 1, М., 1955, стр. 82.

нания крестьянина села Станки И. В. Майорова, которые были напечатаны в журнале «Былое» в мае 1906 года. Майоров пишет, что в 1815 году братья Павел и Борис Пестель по просьбе своего отца Ивана Борисовича приезжали в Станки. Из воспоминания Майорова мы узнаем интересные вещи.

Вероятно, стоит все это письмо станковского крестьянина из журнала «Былое» поместить полностью. Журнал стал библиографической редкостью, и найти его трудно. К счастью, несколько его номеров сохранилось в Вязниковском историческом музее. Научный работник этого музея Д. В. Шимина проявила любезность и прислала нам копию этого письма. Она же сообщает, что материалы под заголовком «Пестель перед верховным уголовным судом» печатались в февральском, мартовском и апрельском номерах журнала.

Вот это письмо:

«Крестьянские воспоминания о П. И. и Б. И. Пестель»

(Из села Станков Вязниковского уезда Владимирской губернии)

«Община, в которой я родился и живу, носит и до сего времени название Пестелевой. Официально по уставной грамоте пишется бывшая госпожа Отт. Путем опроса стариков выяснилось, что г-жа Отт была сестра или близкая родственница Пестелей, которой за смертью их и перешли крестьяне вместе с землей. В 1888 году, в первый раз мне пришлось прочитать о декабристах, я заинтересовался и стал расспрашивать стариков, знают ли они, кто были их господа Пестели. Один из самых старых и грамотных объяснил, что нашего барина Павла Ивановича Пестеля вместе с Муравьевым-Апостолом и другими повесил Николай I за то, что они хотели освободить крестьян, а Борис Иванович был Владимирским губернатором. Тут же присоединились и другие крестьяне, помнящие крепостное право. Какое крепостное право, тогда мы жили лучше, чем теперь, говорили крестьяне. У нас не было никакой барщины, нас ничем не теснили, живи как хочешь, были мы на оброке, да и тот плохо платили, одни недоимки были за нами. Вот когда накопилось за нами много недоимков, а барам денег нет да нет, тогда братья Пестели потребовали к себе нашего бурмистра Тихона, которого у нас, надеясь на бар, плохо боялись. Конечно, Тихон поехал с книгами, где писались недоимки, и стал объяснять разные причины, по которым плохо платят оброк. Это было приблизительно в 1815 году. В комнате, где давал отчет Тихон своим господам, топилась печка, тогда братья Пестели распорядились, чтобы бурмистр бросал книги в печку. Тихон от радости перепугался и положил с краю. Тогда подошел Павел Иванович Пестель и ногой швырнул их в самый огонь, приговаривая: «Вот так их, подальше». Потом наказали бурмистру передать мужикам, что недоимки сгорели, и чтобы больше этого не было. Возвратившись домой, Тихон рассказал об этом крестьянам, конечно, все были довольны и хвалились своими господами на зависть соседям, где были порядки суровые. Оставшуюся наделом землю госпожа Отт отдала бесплатно всю крестьянам, притом говорила, чтобы мы добром поминали своих помещиков. Память о Пестелях жива еще в нашей общине и старики с гордостью передают потомству историю с недоимками и о бесплатно полученной земле. Слова, что мы бывшие Пестелевы, сейчас часто слышатся с сел, и нам, молодым крестьянам, теперь ясно, почему это до сих пор не забывается. Во время

ужасного крепостного права нашим предкам жилось лучше, чем теперь. Даже теперь, если заглянуть в сборники оценочно-экономического бюро Владимирского земства по Вязниковскому уезду, то у общин бывших Пестелей все есть десятины полторы-две лишней земли против других крестьян соседей.

Крестьянин Майоров»[1].

Павел Иванович Пестель. Таким он приезжал в с. Станки

Пожалуй, будет полезно напомнить биографию П. И. Пестеля. Павел Иванович родился в Москве в июне 1793 года в семье московского почтдиректора. Он закончил Пажеский корпус и в 1811 году был выпущен прапорщиком и направлен в действующую армию. В Отечественой войне Павел Пестель проявил отменное мужество и героизм. Фельдмаршал М. И. Кутузов, главнокомандующий русской армией, вручил Пестелю на поле боя шпагу с надписью «За храбрость». В Бородинском сражении Пестель был ранен, но, не закончив лечение, в мае 1813 года отправился в действующую армию, участвовал в заграничном походе, видел Францию, Париж. Он, участник многих сражений, был награжден тремя орденами.

Пестель был хорошо знаком с передовой социологической литературой того времени. Он читал книги по политической экономии, философии, истории.

В Пажеском корпусе он хорошо изучил не только военные науки, но и различные социально-экономические учения. Заграничные походы позволили ему как бы завершить свое образование, а главное, укрепили его взгляды на будущее России и на необходимость освобождения крестьян от крепостного права. Свою жизнь он посвятил борьбе за освобождение России от самодержавного гнета. Именно этим можно объяснить его поступок в Станках. Это был продуманный и как бы символический шаг.

Взгляды Пестеля отличались решительностью и последовательностью. Он был сторонником свержения самодержавия и истребления императорской фамилии, установления республики и освобождения крестьян с землей. Недаром Николай I так жесто-

---

[1] «Былое», 1906, май.

ко расправился с Пестелем: он был повешен вместе с другими виднейшими руководителями движения декабристов.

Во время одного из допросов член следственного комитета генерал Адлерберг, прервав Пестеля, сказал: «Я хотел бы услышать от вас подтверждение такого факта: при вашем посещении принадлежащего вам именьица вы изволили бросать в огонь оброчные книги с записью накопившихся недоимок на ваших крестьян и, глядя, как эти книги пожираются пламенем, приговаривали: «Вот так их, подальше».

Пестель провел рукой по лбу и кратко ответил:

— Да, именно так было.

«Пестелева община» — разве не является это народным признанием дела, которому П. И. Пестель посвятил свою жизнь?

Жаль, что сейчас ничего не сохранилось, что напоминало бы о приезде Павла Ивановича Пестеля в Станки, исчезла и усадьба Пестелей, стало забываться место, где она находилась. Возможно, стоило бы поставить хотя бы памятный камень об этом событии. Ведь и последующим поколениям людей следует знать о тех борцах, которые отдали свою жизнь за то, чтобы они могли жить свободно.

Следопыты Станковской восьмилетней школы открыли еще одну любопытную страницу истории своего села. Они установили, что в XVIII веке оно принадлежало графам Чернышевым. Именно из этого рода Чернышевых вышла Александра Григорьевна Чернышева, жена декабриста Никиты Муравьева, с которой, как известно, Александр Сергеевич Пушкин отправил декабристам свое знаменитое «Послание в Сибирь». Так события 14 декабря еще раз перекликнулись с Владимирской губернией.

ДОМ НАД КОЛОКШЕЙ

Михаил Фотеевич Митьков, 1791—1849

На крутом берегу реки Колокши, среди полей и перелесков живописно раскинулось большое село Варварино, а на одной из его окраин, за церковью—бывшая усадьба Митьковых, знаменитая тем, что в ней 23 ноября 1791 года родился декабрист Михаил Митьков.

Первое упоминание о Варварине относится к 1328 году, оно записано в двух грамотах Московского князя Ивана Даниловича Калиты, это одно из старейших сел нашей губернии.

Когда-то барский дом окружали величественный липовый парк, спускавшийся террасами к реке, и большой фруктовый сад.

Усадьба Митькова в Варварине. Современный вид

За садом — бескрайние просторы ополья. Из дома, и особенно с балкона, который поддерживали колонны, открывался чудесный вид на реку, ее пойму, луга. Насколько мог охватить глаз, до самого горизонта, являлась взору изумительная картина русской природы. Кругом веяло тишиной и чарующим покоем. От самого дома к реке шел красивый спуск, обсаженный кустарником и деревьями, который заканчивался напротив искусственного островка. Видимо, с этого островка впоследствии Репин и написал свою картину «Вид села Варварино».

Отец Михаила, Фотей Михайлович, как и большинство дворян тех лет, был военным, но, видимо, на этом поприще особых успехов не имел. Дослужившись до чина майора, он вышел в отставку и поселился в деревне. Затем снова вернулся на государственную службу, но уже пошел по чиновничьей линии. С 1812 года он живет в имении и занимается управлением своими землями и сельским хозяйством. В 1826 году в имении числилось 234 души (ревизскими душами считались крестьяне мужского пола). Следовательно, село Варварино было довольно многолюдным.

Брат Михаила Митькова — Николай Фотеевич — тоже служил в армии, сначала юнкером в третьем егерском полку, из которого был переведен в лейб-гвардии Финляндский полк. Этим полком командовал Михаил. В 1822 году Николай в чине майора вы-

шел в отставку, некоторое время служил в государственном иностранном архиве в Москве, а затем поселился в Варварине Юрьев-Польского уезда.

Детство Миша Митьков провел в своем родном и горячо любимом Варварине. Много счастливых дней и воспоминаний связано с этим селом. Набегавшись до изнеможения по парку, мальчик отправлялся со своими сверстниками купаться на Колокшу, которая подходила к самому парку и была тогда глубокой и красивой рекой, или уходил в поле, в видневшийся на горизонте лес. А зимой... Какой простор! Кругом бело, бело. Бывало, закладывали легкие санки и мчались по зимним дорогам.

Миша много учился, читал, с увлечением занимался точными науками. Но детство было недолгим. В 1804 году он уже кадет второго кадетского корпуса, ему было в то время всего 13 лет. Из формулярного списка Митькова узнаем, что он хорошо знал французский и немецкий языки, на которых свободно говорил, был увлечен математикой, в совершенстве овладел артиллерией, фортификацией, военным искусством. Серьезные военные знания, личная храбрость, умение быстро принимать решения позволили ему быстро продвигаться по службе. В 26 лет он уже полковник, командир лейб-гвардии Финляндского полка. Митьков пользовался большим уважением у своих товарищей и любовью у солдат, они знали о его антикрепостнических взглядах. Он был внимательным командиром и не допускал плохого обращения с солдатами.

Когда предоставлялась возможность, во время отпусков, Михаил Фотеевич приезжал в Варварино для того, чтобы отдохнуть в деревенской тиши, тем более что здоровье его не было прочным. В последний свой приезд в Варварино в 1825 году он почувствовал себя совсем нездоровым и из деревни послал «просьбу в отставку», как записано в формуляре о прохождении службы.

Михаил Фотеевич Митьков участвовал во многих сражениях и заграничных походах. 1807 год — он находится в Пруссии, участвует в битве за города Гаутштат, Гельзеберг, Фридлянд. За храбрость, проявленную в сражениях, 21 июня награждается орденом св. Анны 4 класса. В Бородинском сражении проявил мужество и героизм, находился все время на поле битвы. За это получает золотую шпагу с надписью «За храбрость». В битвах под Тарутином, Малым Ярославцем, селом Красным находится в первых рядах наступающих войск, увлекает за собой солдат, проявляет личную отвагу. Его награждают орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. За сражение при г. Буцине в 1813 году он получает орден св. Анны 2 класса. За участие в сражениях под Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом Митьков получает алмазные знаки ордена св. Анны 2 класса.

18 марта 1814 года вместе с русскими войсками вступает в Париж. Здесь завершился славный победный путь одного из героев Отечественной войны. Обратный путь в Россию лежит через Францию, герцогства Баденское и Вюртембергское, Кетень, Пруссию, Мекленбург, Стрелен, Любен.

Здесь полк Митькова грузится на корабли и по Балтийскому морю прибывает в Петербург.

К моменту принятия Митькова в члены Северного общества (в 1821 году) он уже командует полком.

В общество декабристов вступил через содействие своего друга декабриста Николая Тургенева. Блестящая карьера, которая ждала его в будущем, не увлекала Михаила Фотеевича. Его благородная душа была на стороне народа, и служению ему Митьков посвятил свою жизнь.

Будучи видным членом Северного общества, он понимал необходимость широкой агитации среди солдат, проведение такой же работы в народе, доказывал необходимость введения в России республиканского строя. Понимая, что царь добровольно своей власти не уступит, Митьков был сторонником физического уничтожения царской фамилии. Митьков высказывался за необходимость отмены крепостного права, предоставления крестьянам свободы, но «сверху».

Из следственного дела известно, что, бывая в деревне, Михаил Фотеевич не только отдыхал, но и общался со своими крестьянами. Из бесед с ними устанавливал, что у них столько «здравых мыслей и истины в суждениях» и что «они скоро поймут как свои права, так и обязанности свободного крестьянина».

Митьков принадлежал к числу наиболее деятельных членов общества, участвовал на совещании в декабре 1823 года, где присутствовали «убежденные члены Северного общества»: К. Ф. Рылеев, А. В. Поджио, И. И. Пущин, Н. М. Муравьев, М. М. Нарышкин, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, М. И. Муравьев-Апостол, т. е. руководители общества. Квартира Митькова была выбрана для этого совещания «по соображениям конспирации», как более удобная.

Именно здесь рассматривались и были приняты статутные (уставные) документы общества, решался вопрос о том, как быть с царской фамилией, рассмотрены «меры действия на умы простого народа, путем распространения среди него пародий, катехизисов, песен, таких как «Ах, тошно мне...» Митьков принимал самое активное участие в обсуждении всех документов. Он так сформулировал цель общества: «Стараться изыскать средства к изменению правительства. Под сим последним правилом разуметь долж-

но было изыскать средства к получению конституции, в чем и состояла цель общества»[1].

Устав, принятый на квартире Митькова, — большое событие в истории Северного общества.

Митьков был участником более ранних совещаний общества в 1821 году, в октябре 1823 года, где его ввели в состав Северной думы общества. Он же внес предложение о необходимости обязать каждого члена общества вести агитационную работу среди крестьян в интересах тайного общества, ссылаясь при этом на свой опыт бесед с крестьянами в своей деревне.

При его участии обсуждались в 1824 году и кандидатуры Мордвинова и Сперанского в состав Временного правительства. Когда в Петербург приехал П. И. Пестель для переговоров об объединении обществ, Митьков выступил последовательным сторонником объединения. Представляя левое, республиканское крыло движения, группирующееся вокруг Рылеева, он был борцом за объединение усилий, ради «святого» дела.

Михаил Митьков был очень активным и деятельным членом Северного общества даже в период его упадка.

В августе 1823 года Митьков вместе с другим декабристом С. М. Семеновым приезжает в Москву. Собираясь в отставку, в конце августа Михаил Фотеевич снова побывал в своем любимом Варварино. Это был его последний приезд в родное село. Долго там он быть не мог: дела Общества звали в Москву. Именно в это время, при его участии, произошло заметное укрепление Московской управы Северного общества.

Митьков информирует москвичей о делах в Петербурге, вселяет в них дух уверенности, принимает участие в выработке плана действия в день восстания. Он привез известие, что восстание имеет все основания рассчитывать на большую часть гвардии. Митьков вместе со всеми обсуждает предложение Якубовича об убийстве царя. После смерти Александра I открылась возможность поездки Митькова в Петербург для агитации в Финляндском полку, в котором он имел большое влияние. Накануне восстания в Москве появился еще один декабрист-владимирец П. А. Муханов, с которым Митьков был хорошо знаком.

В день восстания в Петербурге 14 декабря Митьков находился в Москве. 15 декабря декабристы собрались у него на квартире, чтобы решить, что делать. Митькову поручается трудная обязанность: воздействовать на начальника штаба пятого корпуса полковника Гурко, чтобы тот вывел части корпуса и арестовал при их помощи корпусного командира и московского градоначальника.

---

[1] К. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 169.

Совещание затянулось, долго и много спорили. До 4 часов утра 16 декабря решения никакого не приняли. Сказалась нерешительность многих членов Московской управы, плохая связь с Петербургом, заговорщический характер восстания, отсутствие связи с народом. А скоро пришло известие о разгроме восстания на Сенатской площади, начались аресты.

21 декабря в Москве был арестован и М. Ф. Митьков и доставлен в Петропавловскую крепость с запиской Николая I: «посадить по усмотрению под строгий арест». Комендант крепости генерал-майор Сукин докладывал: «Митьков посажен в доме комендантском во вновь отделанный арестантский покой № 1, где он ни с кем никакого сношения иметь не будет». Митьков был болен, беспокоила чахотка, из-за которой ушел из армии. Однажды Митькову передали из дома большой узел с бельем, вещами и продуктами. Узнав, что другие заключенные ничего не получают, он завязал все вещи снова и велел возвратить, так как разделить все это товарищам не разрешалось, а один ими пользоваться он не мог. Такими бескорыстными, готовыми на самопожертвование во имя дружбы, были все декабристы.

Митьков был осужден по второму разряду — политическая смерть и вечная каторга — за то, что «участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к тайному обществу со знанием сокровенной цели». Осужденный должен был положить голову на плаху, затем над ним полицейским ломалась шпага (знак разжалования), а после — кандалы и этап. Позже пожизненную каторгу заменили 20-ю годами, сокращенными затем до 10 лет.

После вынесения приговора Митьков два года сидел в крепостях Свеаборга, Свартогольма, Кексгольма, а в марте 1828 года был отправлен в Сибирь.

Митьков отбывал наказание в Нерчинских рудниках, и в 1832 году был переведен на поселение в село Ольховское Иркутского округа, а затем в Красноярск. В 1839 году его посетил Пущин. В Красноярске, кроме Митькова, жили Спиридов, Бобрищев-Пушкин. «Приняли меня радушно, — писал Пущин, — у них отдохнул телесно после ужасной дороги... душевно нашел отраду в дружеском кругу». О Митькове он сообщает, что тот живет своим домом, хозяином совершенным — все по часам и все в порядке. Кормил обедом — все время они были почти неразлучны.

М. Ф. Митьков умер от чахотки в Красноярске 23 октября 1849 года, 58 лет от роду.

Вот что пишет об этом И. И. Пущин в ноябре 1849 года из Иркутска Михаилу Ивановичу Муравьеву-Апостолу: «...нечего сообщить вам нового — одна только печальная весть — это смерть

Михаил Фотеевич Митьков. Акварель Николая Бестужева. Петровский завод. 1836 г. Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

М. Ф. Митькова. Страдания его окончились 23 октября. Будучи в Красноярске, привезу оттуда все подробности. Его земные счеты хорошо кончены». Имение Митькова (дом, вещи) было продано комитетом, в который вошли И. И. Пущин, В. А. Давыдов, М. М. Спиридов. Вырученные деньги розданы сосланным декабристам. Причем на это пришлось добиваться разрешения читинского губернатора.

Сохранился портрет Митькова, написанный Н. А. Бестужевым в 1839 году в Красноярске. Он изображен уже немолодым, в белой рубашке с открытым воротом.

Своей семьи Михаил Фотеевич не имел.

* * *

История варваринского дома на этом не кончается. Дом вновь как бы оживает, когда в 1878 году в село Варварино, в бывшее имение Митьковых, ссылается известный русский публицист и писатель Иван Сергеевич Аксаков, младший сын известного писателя XIX века Сергея Тимофеевича Аксакова. Теперь село Варварино принадлежит сестре его жены Екатерине Федоровне Тютчевой, дочери знаменитого русского поэта.

Дом Митьковых в Варварине, сохранившийся до наших дней, сейчас внешне напоминает большую часовню: нет балкона и террас, и это искажает его прежний вид. Дом имеет четырехугольную форму, сделан из кирпича, крышу венчает стеклянный купол. В зале имеется четыре симметрично расположенные ниши с каминами; окон зал не имеет.

Своеобразен план этого здания. Хорошо, что внутренняя планировка сохранилась до наших дней почти в первоначальном виде, хотя дом и служил разным хозяевам; в нем помещались детский дом, сельсовет, правление колхоза, а теперь — дом культуры и библиотека.

Иван Сергеевич Аксаков свою деятельность в Славянском комитете начал в 1858 году и после смерти Хомякова, братьев Киреевских, известных славянофилов, остался почти единственным представителем «правоверного славянофильства» и занял ведущее

положение в комитете. Он был блестящим оратором, ярким публицистом и в московских кругах пользовался широкой известностью и даже славой. Кульминационным пунктом его деятельности и вершиной ее были 1875—1878 годы, когда борьба за славянские идеи в связи с войной Сербии и Болгарии за свое освобождение, волновала весь русский народ и особенно честные умы интеллигенции. А это время Аксаков произносил много речей, они были страстны, взволнованны. Но самой решительной и яркой явилась его речь, произнесенная на заседании Московского славянского комитета 22 июня 1878 года, направленная против пересмотра Сан-Стефановского мирного договора Берлинским конгрессом.

Иван Сергеевич Аксаков. Из собрания Мурановского музея

Русская общественность выражала свое возмущение уступками, сделанными царским правительством на конгрессе.

Аксаков назвал уступки на Берлинском конгрессе «надругательством над Россией». «Мы собрались сюда, — говорил он, — чтобы хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совесть»[1].

Он говорил дальше, что весь конгресс есть не что иное, как «заговор» против русского народа, заговор с участием самих представителей России, вот почему волнуется, ропщет, негодует народ. Речь имела далеко идущие последствия и вызвала отклики не только в России, но и за границей. Во все европейские газеты полетели телеграммы. Иностранные корреспонденты сообщали подробности заседания комитета. Речь была напечатана в Болгарии и встретила там огромное сочувствие, вызвала шум в Париже, Лондоне, Германии, где впоследствии на нее наложили арест и изъяли.

Не надо удивляться, что после этого Александр II приказал Славянский комитет закрыть, а И. С. Аксакова «со строжайшим выговором» самого царя 8 июля 1878 года выслали из Москвы. Выбирая место своей ссылки, Аксаков остановился на Варвари-

---

[1] С. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1, 1886, стр. 336.

не. Исполнилось предсказание Достоевского. Когда он узнал о готовящейся речи Аксакова, он сказал ему: «Вас вышлют за эту речь».

Наказание Аксакова заставило многих задуматься над произволом, царившим в России.

П. И. Чайковский в письме к фон-Мекк писал: «Мы переживаем ужасное время и когда начинаем вдумываться в происходящее, то страшно делается. С одной стороны, совершенно оторопевшее правительство, до того потерявшееся, что Аксаков ссылается за смелое правдивое слово...» [1]

На письмо русского канцлера князя Горчакова, адресованное его знакомой О. А. Новиковой, о положении в Москве, она отвечала, что все страшно недовольны изгнанием Аксакова из Москвы, за его «правдивое слово». Иван Николаевич Крамской писал Третьякову: «Ужасное время. Точь-в-точь в запертой комнате в глухую ночь... Неужели Аксаков прав, говоря в конце эти ужасные слова: «Замолчите, честные уста».

Именно эта волна всеобщего возбуждения, которое разделял и П. М. Третьяков, побудила его просить Илью Ефимовича Репина написать портрет Аксакова для его картинной галереи.

С И. С. Аксаковым Репин познакомился еще в 1873 году, когда собирался писать портрет Ф. И. Тютчева. В одном письме Репин пишет по этому поводу: «Во вторник я был у И. С. Аксакова». Вторая встреча состоялась в Варварине (а не знакомство, как утверждают некоторые авторы).

И. Е. Репин сразу же принял предложение Третьякова, это поручение отвечало и его взглядам и настроениям.

И вот, вспоминает Анна Федоровна Аксакова, ранним утром 10 августа 1878 года раздался звон колокольчиков, в доме началась тревога, подумали: «Какое еще несчастье несется к нам?» Но из остановившейся брички вышел молодой человек и представился: «Репин». Сразу же началась работа над портретом, который был закончен за три дня. Аксаков, русский богатырь, с крупными чертами лица, выражавшими силу воли, умными и добрыми глазами, огромным носом, был изображен сидящим за письменным столом. Аксакову и его друзьям портрет пришелся по душе. Сам Репин был не очень доволен работой.

Репину Варварино очень понравилось: он был от него в таком восхищении, что решил на память написать пейзаж, который был исполнен за несколько часов. Ничто не могло остановить работы: ни испортившаяся погода, ни дождь, ни холод. Выбирая минуты, иногда прямо под дождем, Репин продолжал работать. Так поя-

---

[1] Художественное наследство. Репин. Т. 1, М., 1948, стр. 412—413.

вился этюд «Вид села Варварино, 1878 год», он подписан И. Е. Репиным.

Картина долгое время была личной собственностью Тютчевых и хранилась в одной из их усадеб, а в 1944 году передана Третьяковской галерее.

По отзывам современников и специалистов, картина художнику удалась. Хмурое утро, грозовой горизонт переданы с большой экспрессией. На переднем плане река Колокша, на горе — парк, деревня, церковь... Все выписано тщательно, просто, по-репински.

Нам эта картина дорога не только потому, что ее написал Репин, но и потому, что она позволяет полностью представить одну из наиболее сохранившихся усадеб декабристов. Увидеть то, чего сейчас уже нет. Есть тут и одна деталь, которую надо еще разгадать.

Аксаков в письме от 13 августа к Е. Ф. Тютчевой в Царское село с большим удовольствием сообщает о работе Репина в Варварине. Описывая этюд, он указывает: «...это снизу, недалеко от берега реки, влево от мостков, где стирают белье и стояла купальня, перейдя луг из рощи, поднимающейся вверх по горе, где дорожка на мельницу, через воду и часть сада видны, вся церковь с деревней и часть рябин бывшей Пушкинской усадьбы».

Что за Пушкинская усадьба? Вот в чем загадка!

Эта деталь заинтересовала и В. Солоухина. В Москве он встретился с профессором Зильберштейном. Вот что сказал по этому поводу ученый:

«Милый человек, я десять лет занимаюсь этой загадкой. Я разговаривал с Тютчевым, я копался в архивах Аксакова. Но я так и не знаю, что имел в виду Иван Сергеевич. Ясно одно: сделать описку он не мог. Боюсь, что мы никогда этого не разгадаем» [1].

В «Родовой книге» владимирского дворянства, последний раз которая составлена в Юрьев-Польском уезде в 1904 году, значится род Мусиных-Пушкиных, начинающийся от Тимофея Пушкина. В 1806 году он еще существовал, причем усадьба занесена вслед за Варварином, возможно, что эти две усадьбы были соседями в одном селе.

И сейчас в Варварине есть тропа, которая идет от реки Колокши, поднимаясь по косогору к юго-западной части села, туда, где сохранились деревья другой усадьбы. Эту тропку все еще называют «мусинкой». Не подтверждает ли она, что другим имением и было имение кого-то из Мусиных-Пушкиных? Село Варварино — село большое, и вполне вероятно, что у него было два вла-

---

[1] В. Солоухин. Лирические повести. Ярославль, 1967, стр. 130.

Екатерина Федоровна Аксакова. Из собрания Мурановского музея

дельца. Таких примеров в истории дворянства много. Я думаю, что «Пушкинская усадьба» не связана с родом Александра Сергеевича Пушкина.

И. С. Аксаков тяжело переносил опалу, но прибыв в Варварино, он скоро успокоился. По свидетельству священника Благонравова, близко его знавшего в то время, Ивану Сергеевичу по душе пришлась мирная сельская жизнь «в укромном и малом Варваринском приюте».

Его время было занято приведением в порядок своих мыслей, составлением записок, относящихся к эпохе борьбы России с Турцией, переписке, которая была обширной. Любопытно, что к этому времени относится выдвижение его кандидатуры на болгарский престол. Правда, это никаких последствий не имело. Там же, в Варварине, Аксаков начал писать стихи. Чудесная русская природа, тишина, создавали благоприятную обстановку. В одном из писем к Тютчевой он писал, что любуется этим гармоническим сочетанием: изящной щеголеватостью первого плана барских покоев с сельской простотой второго плана, миловидной укромностью и величавой ширью; что домик — прелестная игрушечка, а когда войдешь на террасу, то взор погружается, уходит в необозримую даль, покой и тишина охватывают душу, простор полонит сердце.

Два стихотворения Аксаков посвятил Варварину, одно из них так и называется «Варварино. Послание к Е. Ф. Тютчевой», другое без названия. Поскольку эти стихотворения найти трудно, ниже приводим их оба.

Екатерина Федоровна Тютчева еще многие годы жила в Варварине. В 1878 году ею была построена начальная школа, которая долго называлась «Екатерининской». Она на свои средства содержала школу, выписала учительницу, от которой до сих пор сохранилось старинное и очень оригинальное пианино (стоит в Варваринской восьмилетней школе). Тютчевскую школу давно разобрали и перевезли в село Красное, использовав ее материал на пристройку к восьмилетней школе, а в Варварине построили дру-

гую — большую школу. В школе имеется хорошая выставка, посвященная Тютчевым, подаренная Мурановским музеем (ст. Ашукинская Ярославской ж. д.), хранителем которого является правнук Ф. И. Тютчева Константин Васильевич Пигарев. Несколько лет назад на месте кладбища обнаружен гранитный памятник, на котором имеется надпись «Николай Фотеевич Митьков». Это брат декабриста.

Варваринская ссылка Аксакова закончилась в декабре 1878 года, а в ноябре 1880 года он начал издавать в Москве еженедельную газету «Русь». Общественность сначала проявила к ней большой интерес, была большая подписка. Все ждали газеты смелой, интересной, но «Русь» с ее «квасным патриотизмом» не оправдала возлагавшихся на нее надежд и через пять лет перестала издаваться. В 1881 году «Русь» дала резкую, необъективную критику выставки картин этого года, по поводу чего Репин заметил, что «Русь» мчится за «Московскими ведомостями» по ею проторенной дорожке, что издатели «Руси» уподобляются холопам по плоти и крови и мыслям по приказанию.

К такой убийственной характеристике аксаковской «Руси» добавить нечего.

Портрет И. С. Аксакова на выставке был представлен в 1881 году и хорошо оценен критикой, после чего прочно занял место в Третьяковской галерее.

Вот сколько интересных событий и имен связано с бывшей усадьбой декабриста Митькова. Жаль, что мы пока мало знаем о самом Митькове и его жизни.

ВАРВАРИНО

Послание Е. Ф. Тютчевой

Как будто вихрем бури злой
Снесли мой дом, и я — изгнанник!
Но дружба путь водила мой,
И вот я в пристани. Я твой
Отныне гость и сердцем данник.

Как тихо дни мои текут!
Как мил, укромен твой приют!
Как сердцу вид его отраден,
Как нежит душу, тешит взор,
Как в простоте своей наряден,
Как величав и безогляден
Пред ним раскинулся простор!

Реки серебряной извив,
Блестящий в мураве зеленой;
По зыбким скатам желтых нив
Бродящей тени перелив

И рощей сумрак отдаленный...
Виднеют села... здесь и там
Сверкает крест; белеет храм.

Куда ты взор ни обратишь,
Какая ширь! Какая тишь!
Но всюду в ней снует, бесшумный,
Рабочей Руси труд святой...
О чудный мир, земли родной,
Как полон правды ты разумной!

Великий мир, родимый мир!
Ты бодр и мощен, как стихия...
Твоей лишь правдою Россия
Преодолеть возможет мир
И свергнуть идолы чужие!
Но час не близок. Злая мгла
Вершины Руси облегла.
В той безнародной вышине
Родная мысль в оковах плена;
Одни лишь властвуют вполне
Там лесть и ложь, и буйство тлена!
Но внемлет бог простым сердцам:
Сквозь смрад и чад всей этой плесни,
Восходит с долу фимиам,
Несется звук победной песни,
Поющей славу небесам.

18 августа 1878 г.

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога;
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей.
В моей изгиаinнической доле
Как благодатно было мне,
Радушный кров — приют неволи —
В твоей привольной тишине!
Когда в пылу борьбы неравной,
Трудов подъятых и тревог,
Так рьяно с ложью полноправной
Сразился я — и изнемог,
И прямо с бранного похмелья
Меня к тебе на новоселье
Судьба нежданно привела, —
Какой отрадой и покоем,
Каким внезапным звучным строем
Душа охвачена была!
Как я постиг благую разность,
Как оценил я сердцем вдруг
Твою трезвительную праздность,
Душеспасательный досуг!...

с. Варварино

ОСУЖДЕННЫЙ ПО ВТОРОМУ РАЗРЯДУ

Николай Васильевич Басаргин, 1799—1861

В Москве на Пятницком кладбище стоит памятник из черного гранита, на нем текст: «Декабрист Николай Васильевич Басаргин, 1799—1861». Рядом — могила другого декабриста — И. Д. Якушкина.

Басаргин — наш земляк; он родился в селе Липна, теперь Петушинского района. В самом центре села, на магистрали Москва — Горький у развилки дорог, идущих на Костерево и к фабрике «Труд» и сейчас стоит одноэтажное кирпичное здание с мезонином, довольно хорошо сохранившееся, построенное еще в конце XVIII века. 10 окон его фасада обращены в сторону шумного шоссе, по которому днем и ночью стремительно несутся потоки автомобилей. В те далекие годы мимо усадьбы лишь иногда проезжала крестьянская колымага, чаще же — скакали фельдъегери и почтовые тройки да колодники нарушали покой звоном кандалов.

К главному зданию примыкает большая пристройка, частично уцелевшая, а весь дом имеет форму буквы «Т». Его окружали многочисленные деревянные постройки — людские, амбары, всякие службы. Их было много. Главная часть усадьбы через аллеи переходила в большой липовый парк. Липы уцелели и до наших дней. Это была типичная дворянская усадьба центра России. Она принадлежала надворному советнику Василию Ивановичу Басаргину. Здесь прошли детство и юность одного из трех сыновей Василия Ивановича — будущего декабриста Николая Басаргина.

О своем отце Н. В. Басаргин вспоминает, что это был «человек чрезвычайно добрый», но с устаревшими понятиями. На систематическое образование он смотрел скорее как на роскошь, чем на необходимость. Воспитанием Николая занималась его мать Екатерина Карловна — дочь известного московского архитектора Блана. Но она умерла рано, когда Басаргину исполнилось всего 14 лет, после этого он был предоставлен самому себе. «До 17 лет я бил баклуши в деревне у отца».

Юноша много читал и повышал свое образование, благо в домашней библиотеке он находил лучшие произведения не только русских писателей, но и передовых мыслителей того времени. Не случайно, когда после завершения домашнего образования в семье стали решать, куда Николаю пойти учиться дальше, выбор был сделан единогласно — Московский университет. Это было в 1817 году.

17 лет с благословения отца и «с его небольшой материальной поддержкой» Басаргин отправился в Москву «устраивать свою

Дом Басаргина в Липне. Современный вид

жизнь». Поступил в университет и начал посещать лекции в качестве «стороннего слушателя», но скоро разочаровался в выборе: многие студенты не желали учиться, вели себя недостойно. К тому же отсутствие системы домашнего образования затрудняло усвоение курса. Он сам писал, что приехал в Москву с весьма «поверхностным образованием и скромными познаниями». В это время Басаргин случайно встретился со старым знакомым отца — Тучковым, который очень хвалил московскую школу колонновожатых и обещал посодействовать поступить туда, а пока помог устроиться на службу в сенат. Это было тем более важно, что средства Басаргина были весьма ограничены. После разговора с начальником школы генералом Н. Н. Муравьевым Басаргина зачислили в ее состав вначале вольнослушателем, а затем в кадровый состав, в младший класс, где Басаргин оказался самым рослым и старшим. Но это не помешало Николаю быстро сдружиться со своими одноклассниками.

Московская военная школа колонновожатых, из стен которой вышло 23 декабриста, в их числе четверо из Владимирской губернии, была передовым учебным заведением. В 1825 году училище закрыли, как «неблагонадежное в политическом отношении».

Хорошая военная подготовка, чтение передовой литературы, дух свободомыслия и товарищества, демократические отношения между учащимися способствовали воспитанию людей с передовыми взглядами, которые критически относились к существующему строю. И не случайно, из училища вышла большая группа будущих декабристов.

Военные науки вел генерал Н. Н. Муравьев, добрый, внимательный и хороший наставник, которого воспитанники очень любили и ценили.

Теоретические занятия проходили в Москве. Школа размещалась в доме самого генерала. На лето все 70 слушателей с офицерами приезжали в село Осташево Московской губернии — имение Муравьева, где проводились полевые занятия, съемки местности.

Слушатели жили в крестьянских избах. Это позволяло многим из них непосредственно наблюдать крестьянскую жизнь, видеть мужицкую нужду и горе, желание выбиться из этой тяжелой доли. Такие наблюдения заставили Басаргина над многим задуматься и содействовали формированию его антикрепостнических взглядов.

Когда Басаргин поступил в школу колонновожатых, в ней работали такие передовые по своим взглядам люди, как гвардии поручик Петр Калошин (наш земляк), преподававший фортификацию и всеобщую русскую историю с географией; князь Ф. Шаховской, преподававший математику.

Школа содержалась на средства генерал-майора Н. Н. Муравьева — отца известных декабристов Муравьевых — Александра и Михаила, человека прогрессивного, передового, образованного, и хорошего военачальника.

Воспитание в этой школе было построено на спартанской основе: воспитанники ходили пешком, шинель позволялось надевать только при 15° мороза.

Учился Басаргин упорно, много читал. В школе была хорошая библиотека. Уже в I классе его назначают старшим в отделении, а одно время он состоял даже преподавателем математики, которую очень хорошо знал и любил.

В январе 1819 года начались экзамены на офицерское звание. Басаргин их все сдал весьма успешно, а математику отлично. 10 марта 1819 года он был выпущен из школы, произведен в офицеры и на год оставлен в школе преподавателем.

3 Заказ 3757

Получив отпуск, Николай явился в деревню. Старик отец был в восхищении, признавался, что никак не ожидал, что из его сына что-либо выйдет.

В марте 1820 года Басаргин был переведен во вторую армию. Перед поездкой на юг, где стояла эта армия, месяц провел у отца в деревне, а в мае прибыл к новому месту службы. В 1822 году также приезжал в отпуск к отцу. В каждый приезд он по-новому смотрел на порядки в усадьбе и на жизнь крестьян в своей деревне и в окрестных местах.

Прибыв в Тульчин (место расквартирования второй армии), Басаргин получил направление в штаб армии. Здесь он сразу же попал в круг офицеров — адъютантов командующего армией, начальника штаба, генералов, сблизился со всеми молодыми людьми, составлявшими цвет армии. Большинство офицеров были хорошо образованными, умными, начитанными людьми, критически относящимися к самодержавно-крепостническому строю.

Басаргин в своих «Записках», касаясь этого периода, пытается объяснить причины движения. Он правильно указывает на значение закончившейся Отечественной войны, на невыполненные обещания Александра, данные в обращении к народу и посеявшие смутные надежды на облегчение его судьбы. Эти обещания, данные в тяжелую годину для России, но преданные забвению после победоносно закончившейся войны с Наполеоном, вызвали разочарование и протест как среди крепостных крестьян, так и у передовой части дворянства.

Воспоминания Басаргина, касающиеся движения декабристов, и особенно «Южного общества», являются весьма полным и «ценным образцом революционной концепции движения»[1]. Они выявляют закономерности, исторические корни этого движения. Басаргин дал подробное описание Тульчинской управы Южного общества, Союза благоденствия, сделал довольно полный отчет о том, чем занимались, что читали члены тайных обществ, раскрыл свои и их замыслы. И в этом смысле его записки имеют огромное историческое значение. Именно поэтому цензура и не разрешила их опубликовать в свое время.

Служа во Второй армии, Басаргин бывал во многих городах страны. Во время этих поездок встречался с А. С. Пушкиным, К. Рылеевым, близко сошелся с Пестелем и стал его единомышленником. Он вошел в круг дел и мыслей членов тайных обществ — офицеров армии, ставящих своей целью освобождение России от царской тирании.

---

[1] М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. 1, М., 1955, стр. 10.

Члены тайного общества характеризуются Басаргиным как люди умные и образованные, горячо любящие свое Отечество и желавшие быть ему полезными. Готовые на самопожертвование, они принимали к сердцу каждую несправедливость, возмущались каждой мерой правительства, направленной против общественных интересов.

Эти взгляды и настроения импонировали Басаргину, хорошо знавшему жизнь народа, его надежды и чаяния. Закономерным было вступление его в тайное общество.

По рекомендации Брунера, активного участника движения, Басаргин в 1819 году вступает в Союз благоденствия, а после его роспуска становится членом Южного общества. Некоторые авторы ошибочно полагали, что Басаргин был принят в тайное общество через декабриста Бурцева. М. В. Нечкина в своем труде «Движение декабристов» исправляет эту неточность и называет Брунера (т. 1, стр. 82).

Басаргин, как один из более деятельных членов Тульчинской управы Южного общества был введен в члены Директории общества. В своих воспоминаниях Басаргин писал: «Мы часто собирались вместе, рассуждали, спорили, толковали, передавали друг другу свои задушевные помыслы, желания, сообщали все, что могло интересовать общее дело, говорили о правительстве. Предложениям, теориям не было конца. Разумеется, в этих собраниях предводительствовал Пестель. Его светлый логический ум направлял нашими прениями и нередко соглашал наши разногласия».

Пестель в своих показаниях говорил, что Басаргин разделял полностью и «цель и способы достижения» его программы, принимал участие в ее выработке, безоговорочно во всем ее поддерживал, являясь сторонником цареубийства. Он участвовал в первом и втором съездах Южного общества в Киеве.

Басаргин бывал в знаменитом Каменском, имении Давыдовых на Украине, где встречался с А. С. Пушкиным, участвовал во всех жарких спорах в кабинете Александра Львовича Давыдова, поддерживал всегда более решительную, радикальную точку зрения. Когда Давыдов однажды заметил, что нужно учиться у мудрых философов и западных гуманистов, Басаргин с жаром воскликнул, что нельзя оставлять народ в длительной летаргии, надо разбудить, растолкать его от этого пагубного сна. Если же он не умеет найти путь к собственному благополучию, то долг благородных людей — указать этот путь, научить управлять делами государства, сделать все, чтобы прервать этот кошмарный сон. Нельзя на целый век отодвигать помыслы о свободе. Народ порабощен крепостным правом, надо думать, как его освободить, жить ради этого. «Русский народ способен на подвиг, никто не любит так Ро-

дину, как русские... дайте ему хороших, честных вожатых, укажите, куда идти, и он заплатит неограниченной преданностью, самым бескорыстным усердием».

Николай Васильевич Басаргин. Акварель Николая Бестужева. Петровский завод. 1836 г. Основное собрание. Москва

Во время поездки в Бессарабию для подготовки квартир свите прибывающего туда царя на смотр войск, Басаргин встретился с генералом Чернышевым, будущим своим судьей — «неумолимым, пристрастным и — дерзким». Во время смотра царь был в хорошем настроении, картинно держался на гарцующем коне, выступил перед строем офицеров и с нескрываемой радостью сообщил, что в Испании арестован Риего — национальный герой испанского народа. «Все ответили молчанием и потупили глаза», — замечает Басаргин. После смотра войск он выехал сопровождать царя вместе с генералом Киселевым на ревизию военных поселений генерала Аракчеева и получил возможность составить правильное представление об этих поселениях. Увидел жестокость, произвол офицеров, забитость и озлобленность солдат и поселенцев.

После возвращения в Тульчин (1824 г.) он получил отпуск и уехал к родным. Поездку на родину Басаргин хотел использовать в интересах общего дела: для установления более тесных контактов «южан» и «северян». В Москве он встретился с генералом Киселевым и вместе с ним отправился в Петербург, куда приехал Пестель по делам общества.

В среде декабристов вызревали планы цареубийства, что послужило бы сигналом к восстанию. Басаргин позднее писал, что обсуждение этого акта имело место еще во время приезда Александра I на смотр Второй армии. Уже тогда Александр I почувствовал неладное. Усилилась жандармская слежка, охрана царя. От цареубийства пришлось отказаться.

Вспоминая поездку к родным в 1824 году, Басаргин пишет: необходимо было получить их «согласие на союз мой с девушкой, которую я давно уже полюбил». Княжна Щербатова не имела состояния, хотя и принадлежала к роду аристократическому. Это бы-

ло сердце пылкое, благородное. Басаргин как-то читал ей поэму К. Рылеева «Войнаровский», только что изданную и сразу же привлекшую к себе огромное внимание общественности, особенно молодежи.

Басаргин читал с большим чувством, переживая события, раскрывающиеся в поэме, часто прерывал чтение.

Заметив глубокий интерес невесты к содержанию произведения, судьбе ее героев, Николай признался в том, что хорошо знает автора, руководителя Северного общества, что сам принадлежит к тайному обществу, что его, возможно, ждет каторга.

С надеждой и страхом он ожидал реакции любимой... Девушка после короткого раздумья тихо, но с уверенностью, исключающей другие решения сказала:

— Ну что ж... Это не остановит меня. Я выхожу замуж за человека, которого люблю... И судьба его — моя судьба... В каком бы ты положении ни находился — в палатах или хижинах, в Петербурге при дворе или в Сибири — я примирюсь с судьбой... последую за тобой.

Басаргин обратил внимание невесты на слова Данте, служащие эпиграфом к поэме: «Нет больше горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье».

— Тем более, я приду утешить тебя и разделить в несчастье твою участь, — сказала девушка, горько улыбаясь и взяв книгу из рук жениха.

Вера друг в друга явилась основой их супружеского союза.

Но судьбе было угодно слишком рано разрушить этот союз молодых и пылких сердец, рвущихся к свободе. Их счастье продолжалось всего одиннадцать месяцев. Жена Н. В. Басаргина умерла в августе 1825 года, оставив крошечного ребенка, который не дождался отца и скончался, когда тот находился в Сибири.

Вскоре после смерти жены (в октябре 1825 года) Басаргин приезжает к отцу и навещает живущего во Владимире младшего брата. Со старшим они встречались часто: он тоже служил во Второй армии.

В декабре, возвращаясь из отпуска, в Богородске Московской губернии он узнал о смерти Александра I, в Могилеве — о восстании 14 декабря. В Бердичеве услышал, что здесь находится арестованный Пестель, но встретиться с ним не смог. По дороге к месту назначения узнавал о новых и новых арестах.

Прибыв в Тульчин, Басаргин остановился у Вольфа, от которого узнал все подробности разгрома Южного общества. На другой день, 28 декабря отправился в штаб Киселева.

Киселев первым допросил Басаргина:

— Вы принадлежите к тайному обществу? Правительству все

известно. Советую вам чистосердечно во всем признаться, отрицать это бессмысленно.

Официальный тон означал конец товарищеских отношений. Басаргин попросил разрешения отвечать на вопросы письменно.

— Хорошо, вы получите вопросы, — сказал генерал.

Но когда Басаргин откланялся и хотел уходить, Киселев задержал его и, переменив тон, предложил: «Приходи же обедать к нам, либерал, мы давно с тобой не видались. Помочь я тебе ничем не могу. Завтра пришлю запечатать твои бумаги».

Этим генерал давал Басаргину возможность подготовиться к аресту или даже оставить Тульчин. Выехать из города, как вспоминает сам Басаргин, не было никакой трудности: он часто отлучался по делам службы.

Находясь в Тульчине, в штабе Второй армии, за несколько дней до ареста, он обнаружил в ящике служебного стола чистый бланк заграничного паспорта, приготовленный для француза, находящегося при штабе и уезжающего в Париж. Какой-то тайный друг позаботился о судьбе декабриста. Велик был соблазн, до границы от Тульчина 250 верст, несколько перегонов и — свобода, заграница, место, недосягаемое для русского правительства.

«Мысль оставить родину в такое время, когда угрожает опасность, отделить свою судьбу от судьбы товарищей... заставила меня отказаться от первого помысла и, чтобы избавиться навсегда от искушения, я тут же изорвал и сжег паспорт» [1]. И так поступил не только он, многие не воспользовались возможностью скрыться и избежать каторги.

8 января 1826 года было получено предписание об аресте Басаргина. Дежурный генерал дал сутки на приведение в порядок дел и бумаг, после чего вместе со своим слугой Василием, крепостным из Липны, Басаргин в сопровождении фельдъегеря отправился в Петербург. По дороге договорились с Василием обо всем молчать, чтобы не запутывать товарищей. Василий был последним близким человеком, с которым Басаргин не расставался до самого возвращения из Сибири.

После первого допроса его отправили в кронверкскую куртину Петропавловской крепости, поместили в камере в 4 шага ширины и столько же длины, с окошком, замазанным мелом.

Следующий допрос состоялся только в конце января

«До сих пор не могу освободиться от чувства первой ночи, — писал позже Басаргин, — ужас настоящего и безнадежность будущего...»

На допросы арестованных из крепости увозили ночью, надевали на голову колпак, пока вели по крепости, а в Зимнем дворце

---

[1] Басаргин. Записки. ПП., изд. «Огни», 1917, стр. 41.

вводили в ярко освещенную комнату, в которой сидели генералы, члены следственной комиссии, в парадных мундирах, при орденах и звездах. Это был своеобразный психологический прием, рассчитанный на то, чтобы произвести впечатление силы, устойчивости царского двора и вызвать чувство растерянности, смятения у арестованных. Здесь, в комиссии, Басаргин встретился со Сперанским, которого знал. С семьей Сперанских был хорошо знаком его отец.

Басаргин отрицал свое участие в Южном обществе, отказывался что-либо говорить о товарищах, считая для себя непозволительным быть доносчиком и предателем.

Каземат, куда поместили Басаргина, оказался очень сырым: в 1824 году крепость была затоплена во время наводнения, и камеры все еще не просохли. По просьбе Николая Васильевича, его перевели в другое помещение, оказавшееся совсем темным. Соседом по камере стал Бестужев-Рюмин, с которым удалось установить связь и разговаривать по ночам. Это как-то успокаивало и спасало от жуткого одиночества. Сторожа, солдаты-гвардейцы, этому не мешали. Нижние чины проявляли к арестованным величайшую благосклонность: они даже отходили от дверей, чтобы не мешать общению.

Допросы и очные ставки закончились только к пасхе, а 11 июня 1826 года в одной из комнат крепости был объявлен приговор. В этот день декабристы впервые встретились друг с другом. Все были рады встрече, говорили без умолку, здоровались, целовались. Затем осужденных вывели на крепостной двор в мундирах, которые с них срывали и бросали в костер, а над головой поставленных на колени осужденных ломали шпаги — это был акт политической казни. Все это происходило в присутствии большого числа войск, генералов, сановников и прочей именитой знати. После свершения такого акта осужденных снова развели по камерам. На этот раз Басаргин был помещен вместе с полковником Муравьевым и Ивашевым, с которыми ему было суждено пройти весь долгий и скорбный путь в Сибирь. «Весь этот день провели с Ивашевым в каком-то чаду, были рады, что снова вместе».

После казни пяти декабристов Басаргин записал: «Они проложили в России новый путь, усеянный терниями и опасностями... Вероятно, будут и еще жертвы, но, наконец, этот путь когда-нибудь угладится и по нему безопасно уже пойдут будущие последователи»[1]. Эти слова звучат настоящим пророчеством и рисуют Басаргина человеком, умеющим заглянуть в будущее.

Когда Николая Васильевича Басаргина арестовали, ему исполнилось всего 26 лет. Приговор — 20 лет каторги «за участие в

---

[1] Н. В. Басаргин. Записки. П., изд. «Огни», 1917, стр. 78.

умыслах на цареубийство». В 1832 году срок пребывания на каторге был сокращен до 10 лет.

Из Петропавловской крепости Басаргину предоставлялась возможность бежать. Один унтер-офицер предложил свой план побега: он выведет Басаргина за ворота, спрячет в дровах, а ночью переведет на один из иностранных кораблей и отправит за границу. Конечно, для этого понадобятся деньги — 5—6 тысяч рублей. План побега был реальным, хотя и связан с определенным риском. Но у Басаргина не было столько денег, а главное, он не мог подло поступить по отношению к своим товарищам. От предложенного побега он отказался.

Унтер-офицер на это сказал: «Жаль мне вас, господа, и удивляюсь я на вас. Все вы, кажется, не потеряли еще надежду на милость царя, а я так совсем не надеюсь на нее для вас. Не такой он человек...» И солдат оказался прав.

Из «Воспоминаний» Басаргина, написанных уже после амнистии, мы узнаем, как встретили декабристы приговор. «Мы так еще были молоды, — писал он, — что приговор нам к двадцатилетней каторжной работе в сибирских рудниках не сделал на нас большого впечатления. Правду сказать, он так был несообразен с с нашей виновностью, представлял такое несправедливое к нам отношение, что как-то возвышал нас даже в собственных наших глазах... давал право смотреть на себя как на очистительные жертвы будущего преобразования России».

Жестокость и несправедливость приговора вызвали к декабристам чувство всеобщего уважения, участие к их судьбам.

Как относился простой народ к осужденным? Басаргин в своих воспоминаниях приводит несколько характерных эпизодов.

Летним солнечным днем 1826 года к Басаргину в камеру зашел один из сторожей и увидел, что Басаргин чем-то расстроен. Николай рассказал, как он проводил мальчиком такие дни дома, как бывало забирались в малинник и лакомились сочными крупными ягодами.

Сторож на это сказал, что тяжко сидеть в каземате, да куда же деваться, и вышел. Отпросившись у плац-адъютанта в город, он скоро вернулся с корзиной фруктов и ягод и предложил все это заключенному. Басаргин отказался, сославшись на отсутствие денег.

— Кушайте на здоровье и ни о чем не беспокойтесь. Я не истратил на них ни одной копейки.

Это было правдой. Сторож пришел в лавку купца Милютина, попросил для несчастных продать малины. Узнав, для кого малина, купец дал целую корзину фруктов и ягод бесплатно и наказал еще приходить.

После объявления приговора режим в тюрьме несколько смягчился: стали выводить на прогулку, во время которой разрешали разговаривать. Это было неописуемой радостью для заключенных. Чаще других Басаргин встречался с Одоевским, камера которого была по соседству. Это был веселый, простосердечный человек, «очень молодой и пылкий поэт». С ним Басаргину было легче. Ко многим декабристам приходили родственники на свидания, приносили передачи, но у Басаргина никого не было, и это нагоняло тоску. Было разрешено чтение, но книг было мало. Осужденный по второму разряду, одному из наиболее строгих, Басаргин был лишен права переписки даже с родственниками. Здоровье его ухудшалось с каждым днем.

В январе 1827 года Басаргин вместе с Фонвизиным, Вольфом и Фроловым ночью, в кандалах был вывезен из Петербурга. Начался долгий путь в Сибирь. Ехали в открытых санях, плохо одетые, через Тихвин, Ярославль, Кострому, Вятку, Тобольск. В Тихвине и Ярославле осужденных встречал народ. Дарили вещи, деньги, белье, хлеб.

По дороге, когда проезжали сибирские села, жители бросали в повозки медные деньги, а однажды в избу, где отдыхали декабристы, вошла нищая старуха и, протягивая несколько медных монет, сказала:

— Вот все, что у меня есть. Возьмите это, батюшки, отцы наши родные, вам они нужнее, чем мне.

Басаргин одну такую монету, старую и истертую, хранил всю тридцатилетнюю каторгу и ссылку в Сибири и привез ее с собой в Москву, когда получил амнистию.

Примеров такого доброго отношения народа к декабристам много и в воспоминаниях других участников декабристского движения.

Недаром Николай I из следственных материалов приказал изъять все, что относилось к планам декабристов по отмене крепостного права. Он очень боялся, как бы мысли декабристов об освобождении крестьян не стали известны народу. И это еще больше подняло бы их авторитет в глазах народа.

К концу апреля 1827 года в Чите собрались 70 осужденных. В камерах было очень тесно, нельзя было сойти с нар, чтобы кого-то не задеть. Все они были в оковах. Постоянный звон железа очень раздражал и действовал на психику людей. Кормили на 6 копеек меди в сутки. Стало немного лучше, когда приехали жены декабристов. Они взяли на себя обязанности по приготовлению обедов, стирке и ремонту одежды, организации переписки. В Чите начал получать письма и Басаргин.

Одно пришло от брата, находящегося в турецком походе, другое из деревни от отца, были также письма от родственников жены.

Декабристы-владимирцы: Басаргин, Муханов, Одоевский, бывшие в Чите, часто встречались и помогали друг другу.

Группа декабристов, содержащаяся в Читинском остроге, деятельно готовилась к побегу. Из рассказа Басаргина стал известен план побега. Он заключался в том, чтобы запастись продовольствием, оружием, инструментами, построить баржу и на ней спуститься по Амуру до океана, а там действовать по обстоятельствам. Басаргин в подготовке этого плана принимал самое деятельное участие. Он впоследствии писал, что успех дела был почти обеспечен, к побегу готовились семьдесят человек, молодых и решительных людей. Обезоружить караул не представляло больших трудностей, так как большинство солдат сочувствовало декабристам и перешло бы на их сторону. Расчет строился и на отдаленности Читы от Иркутска, на трудности связи: пока бы шло сообщение о побеге, декабристы могли бы успеть далеко уплыть по Амуру.

Комиссия, назначенная Сибирским генерал-губернатором Муравьевым, проверила этот план и пришла к выводу о возможности его осуществления, если бы декабристы сами от него не отказались.

Побег предполагалось осуществить летом 1828 года. Но в марте этого же года раскрылся Зерентуйский заговор, возглавленный декабристом Сухиновым. Расправа с участниками его была дикой. Начальники каторги приняли дополнительные меры по охране декабристов. Все усложнилось. Мысли о побеге были оставлены. Декабристы с достоинством прошли весь свой долгий и тяжелый путь сибирской каторги и ссылки.

Пока декабристы отбывали каторгу в разных местах Сибири, правительство строило новую тюрьму на Петровском заводе, в которой должны были собрать всех осужденных. Это делалось для того, чтобы облегчить за ними надзор и ослабить их влияние в Сибири.

Начались приготовления к переходу в новую тюрьму на Петровский завод.

«Если бы нас встретил какой-нибудь европеец, только что приехавший из столицы, он непременно подумал бы, что где-то тут близко есть большое заведение для сумасшедших и их вывели гулять». Такой странный, дикий вид был у декабристов, когда их переводили из Читы во вновь выстроенную тюрьму в августе 1830 года. Шли пешком, переход был рассчитан на полтора месяца. Декабристы вырвались на свежий воздух и скоро почувствовали себя хорошо. Шли не спеша, отдыхали, многие декабристы вели наблюдения за природой, собирали гербарии, коллекции бабочек, описывали виденное, зарисовывали.

Место стоянок выбирали около речки или источника на лугу.

«В Восточной Сибири, и особенно за Байкалом, природа так великолепна и красива, так богата флорою и приятным для глаз ландшафтом, что, бывало, невольно с восторженным удивлением простоишь несколько времени, глядишь на окружающие предметы и окрестности. Воздух же так «благодатен» и так напитан ароматом душистых трав и цветов, что дыша ими, чувствуешь какое-то особое наслаждение», — читаем мы в басаргинских записках.

Декабристы играли в шахматы со встречными бурятами и, к удовольствию бурят, — проигрывали.

Новая тюрьма превзошла все мрачные ожидания. Это был сырой, совсем без окон каменный гроб. Правда, в дальнейшем декабристы добились ослабления режима и устройства окон в камерах.

В ссылке среди декабристов процветал дух товарищества. Они создали даже артельную кассу, из которой помогали нуждающимся и выдавали пособия на устройство хозяйства по выходе на поселение. Басаргин вспоминает, что когда он уезжал на каторгу, то имел всего десять гривенников, спрятанных в одежде, которые тайком передал ему при отъезде из Петропавловской крепости плац-адъютант Подушкин.

«Это было все мое богатство, с которым я, слабый и больной, отправился в сибирские рудники, за тысячи верст от родных и близких», — вспоминал Басаргин.

Выйдя на поселение, он из артельной кассы получил 700 рублей, которые позволили ему на первое время как-то устроить свою жизнь. Позднее он был руководителем этой артели.

Декабристы с грустью расставались друг с другом; они сроднились за время невзгод и лишений.

«Может быть, — писал Басаргин, — мне не поверят, но припоминая прежние впечатления, скажу, что грустно мне было оставлять тюрьму нашу. Я столько видел здесь чистого и благородного, столько любви к ближнему, что боялся, вступая опять в обыкновенные общественные взаимоотношения, найти совершенно противное, жить, не понимая других, и, в свою очередь, быть для них непонятным... Меня утешало только то, что я буду жить вместе с Ивашевыми и, следовательно, буду иметь два существа, близкие мне по сердцу, которые всегда поймут меня и не перестанут мне сочувствовать».

Басаргин был хорошим товарищем. Хотелось бы напомнить один случай, который произошел во время его пребывания в Петровском заводе. Его товарищ Ивашев, доведенный до отчаяния тоской по родным, любимой девушке, решил бежать из тюрьмы. С одним заключенным он даже сумел в частоколе, окружающем тюрьму, проделать лаз. К побегу все было готово, осталась

одна ночь. Ивашев намеревался бежать за китайскую границу. В это время план Ивашева стал известен П. Муханову, заключенному с ним в одной камере, и Басаргину. Они пытались отговорить Ивашева от исполнения его безумного плана, который в условиях сибирской тайги, наступающей зимы без теплой одежды осуществить было невозможно. Но Ивашев упорствовал.

— Далее оставаться в каземате я не в состоянии. Уже сколько лет я страдаю. Лучше умереть, чем жить так...

Тогда Басаргин при поддержке Муханова прибег к крайней мере. Он пригрозил Ивашеву, что обо всем расскажет коменданту Лепарскому, если он не отложит своего побега хотя бы на неделю, надеясь за это время или убедить Ивашева отказаться от своего плана или подготовить его к побегу лучше и обязательно проверить предполагаемого проводника.

Ивашев сдался. И именно в эту неделю пришло письмо от родителей, что Камилла ле Дантью (француженка по национальности), любившая Ивашева, получила разрешение на выезд в Сибирь. Настроение декабриста изменилось. Скоро была отпразднована его свадьба с Камиллой. Дружба Басаргина с Ивашевым стала еще более прочной, они вместе провели весь срок заключения и ссылки.

Вспоминается и такой случай. Однажды, когда декабристы еще находились в Петровском заводе, в тюрьму явился пьяный офицер Дубинин и грубо набросился на жен декабристов, находящихся в остроге, требуя их удаления, оскорбляя их. Он приказал солдатам даже стрелять в несчастных женщин, пытался стрелять и сам. В это время Басаргин вместе с Захаром Чернышовым, рискуя жизнью, скрутил офицеру руки и попросил солдат не выполнять его приказов. К счастью, солдаты подчинились декабристам, а на другой день комендант Лепарский нашел действия их правильными. Дубинина же убрали из надзирателей.

Когда кончился срок заточения (это было в конце августа 1835 года), Басаргин, прощаясь, обратился со словами благодарности к начальнику каторги генералу Лепарскому, много сделавшему для облегчения участи заключенных декабристов.

— Генерал, — сказал он, — в течение десяти лет вы доказывали вашим обращением с нами, что можно соединить человеколюбие с обязанностями служебными. Вы поступили с нами, как человек добрый и благородный, и много этим облегчили наше положение. Несколько раз я хотел выразить вам искреннюю мою признательность, но считал это неуместным, пока мы были под надзором вашим, и отложил это до дня отправления из Петровского. Этот день настал. Благодарю вас от души. Я уверен, что вы не усомнитесь в искренности моих слов теперь, когда мы, вероятно, расстаемся с вами навсегда.

Генерал Лепарский был тронут.

— Ваши слова, — ответил он, — лучшая для меня награда, но и с моей стороны я должен отдать вам полную справедливость. Вы все, господа, вели себя так, как если бы на вашем месте были все Вашингтоны, то и они не могли бы лучше вести себя.

Беседуя как-то с декабристами, незадолго до смерти, Лепарский сказал:

— Что скажут и напишут обо мне в Европе? Скажут, что я бездушный тюремщик, палач, притеснитель; а я дорожу этим местом только для того, чтобы защищать вас от худших притеснений, от несправедливостей бессовестных чиновников.

Отбыв срок каторги, Басаргин переводится из Петровского завода в г. Туринск Тобольской губернии. 30 августа он прибыл в Иркутск, где встретился с семьей декабриста Ивашева, освобожденного из каторги раньше. До Тобольска они ехали вместе, но здесь Ивашев заболел, и Басаргин один добирался до Туринска. У него не было теплой одежды, обуви, жилья, спасали средства, полученные от товарищей. Басаргин на поселении почти нищенствовал, но затем его младший брат, имевший имение в Покровском уезде Владимирской губернии — с. Вореево, прислал ему вместе с родственником Барышниковым 1400 рублей, а немного позже тот же Барышников выслал еще 1400 рублей. На эти деньги Николай Васильевич построил дом и обзавелся хозяйством. Надо заметить, что даже на это, казалось бы, необходимое и совсем безобидное дело, потребовалось попросить разрешение генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова. Надзор за постройкой дома осуществлял тобольский губернатор Павло Швейковский. Обо всем было доложено самому Бенкендорфу — шефу жандармов. Унизительный надзор, сыск преследовали Басаргина всю жизнь. Царизм боялся всякого самостоятельного шага декабристов.

Вскоре в Туринск приехали Ивашевы, Анненков с женой, Пущин, Оболенский.

В Туринске похоронили Ивашевых. Осталось трое детей — шести, четырех и двух лет. Вся туринская колония декабристов — Анненковы, Басаргин и Пущин помогали приехавшей сюда матери Камиллы. С трудом удалось им вывезти детей из Сибири.

Декабрист Пущин писал Фонвизиной: «Бедная власть, для которой цыпушки могут быть опасны! Бедный отец, который на троне не понимает их положения... Бедная Россия, которая называет его царем-отцом».

Сведения о жизни Басаргина на поселении довольно скудные, но некоторые подробности можно извлечь из писем И. И. Пущина своим товарищам по ссылке. Так, в письме Е. П. Оболенскому из Туринска 18 декабря 1839 года он пишет, что Басаргин с августа

месяца — семьянин, женился на девушке 18 лет Марии Алексеевне Мавриной, дочери служащего здесь офицера инвалидной команды. Она его любит, уважает, а он надеется «сделать счастье молодой своей жены». Он долго не имел постоянной квартиры, «гулял по разным домам», но еще будучи холостым купил свой домишко, теперь пристроен, и все же живет довольно тесно. В городе плохо с квартирами.

Пущие пишет, что с Басаргиным виделся часто. Он же в письме к Фонвизину от 28 апреля 1840 года сообщает, что у Басаргиных родился сын, назвали Александром, но «малютка не совсем что-то здоров и вряд ли будет жив». В 1841 году родился второй сын, назвали Василием в честь Ивашева, а Пущин был его крестным отцом. Но и этот мальчик не выжил.

В начале 1842 года Басаргина перевели в Курган и разрешили поступить на государственную службу канцеляристом. Правда, этого разрешения он добивался целых четыре года. В 1846 году он был назначен в канцелярию начальника сибирских киргизов, для чего пришлось переехать в Омск, а в 1847 году переведен канцелярским чиновником в земский суд в г. Ялуторовск, где и прослужил до возвращения в Россию.

В этом городе поселилась целая группа декабристов: Басаргин, Спиридов, Оболенский, Якушкин, Пущин, Муравьев.

Ялуторовск был грязным, запущенным городком с кривыми улицами, маленькими домишками, ушедшими в землю. Декабристы развили в нем бурную деятельность.

Прибывшие начали с благоустройства города, перепланировали его, проложили прямые, широкие улицы, посадили сад, рощу, аллеи деревьев по улицам, открыли мужскую и женскую школы, сами в них преподавали, занимались метеорологией и т. д.

Здоровье жены Басаргина катастрофически ухудшалось, надо было постоянно заботиться о лечении, а на весь туринский округ был один лекарь, приходилось обращаться в другие города, а стоило это дорого. На хлопоты уходила масса времени, на все требовалось разрешение генерал-губернатора. В марте 1844 года, когда здоровье Марии Алексеевны стало совсем плохим, она с разрешения самого Николая I переехала на жительство в Екатеринбург и поселилась в местном монастыре, а в 1846 году умерла. Басаргин снова остался один.

Он постоянно бедствовал: из России деньги поступали не всегда, а жалование было маленькое, ведь он состоял в самом низшем чиновничьем чине.

Но Басаргин, как и другие декабристы, находясь на поселении, даром времени не терял. Служа канцеляристом, он провел экономическое исследование Сибири, изучал имеющуюся о ней ли-

тературу, а главное, составил подробные «записки» о жизни декабристов в Сибири. Написал несколько статей, посвященных развитию сибирской промышленности, транспорта, торговли, природы.

Эти работы раскрывают неограниченные возможности Сибири, рисуют перспективы развития и позволяют проследить мысли и идеологию их автора.

Ничего крамольного в них не было, но ярлык «государственный преступник» закрывал дорогу автору статей в печать. Хотя внимательное изучение взглядов, советов и планов автора помогло бы освоению Сибири.

Басаргин был среди первых оценивших Сибирь, как страну больших богатств и возможностей. Он заметил в ней большое количество людей свободных, смышленных и образованных, способных справиться с любыми задачами экономического развития; наметил пути развития Сибири, которые по характеру были чисто капиталистическими, «по американскому образцу», что в то время было несомненно очень прогрессивным. Не всякий мог подняться над уровнем феодального хозяйства с его крепостническими устоями.

Басаргин разработал план привлечения капиталов из России в Сибирь для освоения ее богатств, справедливо полагая, что промышленность и торговля — «главнейшие источники народного богатства» и что состояние их «далеко не соответствует тому», что можно извлечь из Сибири.

Он призывал создавать акционерные компании, осваивать реки, строить железные дороги, разработать меры, ограждающие права личной собственности, открывать высшие учебные заведения, привлекать в Сибирь специалистов и переселенцев, чем «создать достаточное народонаселение».

Он отмечал как положительное явление в Сибири — отсутствие крепостничества, которое задерживает экономическое развитие. «Хорошо, что в Сибири нет крепостного права», — записал Басаргин.

Басаргин рассмотрел и роль ссылки для Сибири, определив, что она имеет две стороны: положительную и отрицательную. Первая способствует увеличению народонаселения, притоку в Сибирь умных, талантливых людей, а вторая — пагубно «действует на общественную нравственность». Здесь Басаргин имел в виду, что в Сибирь ссылаются не только политические ссыльные, но и довольно большое число уголовного элемента, что вредно сказывается на местном населении.

Как видим, взгляды Басаргина были взглядами либерального буржуа, отражающими необходимость капиталистического развития этого большого края России.

Пророчеством звучат слова Николая Васильевича: «Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило».

Когда Басаргин находился в Тобольске, он познакомился с семьей Менделеевых. На квартире Менделеевых часто бывали декабристы, между ними шли жаркие споры, они делились воспоминаниями. Будущий гениальный химик Дмитрий Иванович Менделеев, которому было в то время 16 лет, внимательно прислушивался к этим дискуссиям, которые, конечно, оказывали влияние на формирование его мировоззрения .

Здесь же Басаргин встретился с сестрой Дмитрия Ивановича — Ольгой Ивановной. Между ними завязалась дружба. В 1848 году они поженились. Как пишет сама Ольга Ивановна, она вышла замуж «по страстной любви».

Из переписки Пущина узнаем некоторые новые подробности сибирской жизни Басаргина. В письме от 21 июня 1854 года он пишет Бартневу: «Я к Вам с просьбой от себя и соседа Басаргина. Брат его жены, некто Менделеев, хлопочет о месте в Омске. Просьбу направил томскому губернатору Бекману. Он обещал ответить, как вернется из Омска в Томск, но ответа все нет». Пущин просит Бартнева поинтересоваться об этом деле у губернатора и ответить ему.

Дружеские связи и переписка между Пущиным и Басаргиным продолжается и после того, как их дороги разошлись. Когда пришло время оставить Сибирь, супруги Басаргины вместе выехать не смогли, первой в путь тронулась Ольга Ивановна. Видимо, стремилась как-то подготовить все к приезду мужа.

Басаргин в Москву приехал 25 марта 1857 года. Декабрист Е. И. Якушкин несколько дней спустя писал И. И. Пущину: «На днях приехал Басаргин больной до такой степени, что он вошел ко мне по лестнице и у него сделался такой припадок одышки, который перепугал всех, тотчас вызвали докторов, и они объявили, что ему необходимо остаться в Москве недели две или три».

В Москве Николая Васильевича встретила жена. Она направилась к московскому губернатору Закревскому просить за Николая Васильевича, объяснив Закревскому, что ее муж «вовсе не хочет жить в Москве», что он захворал по дороге и ему надо лечиться.

У Басаргина была грудная жаба, ему трудно было ходить, с трудом поднимался он по лестницам.

Закревский разрешил Басаргину пребывание в Москве всего на четыре дня, при этом сказал Ольге Ивановне:

— Странно, что все они нездоровы.

Немудрено, что после тридцатилетней сибирской каторги и ссылки люди возвращались больными... Да много ли возвратилось?

Басаргин вначале поселился у своего родственника А. И. Барышникова в имении Алексино Дрогобужского уезда Смоленской губернии и начал хлопотать о восстановлении своих прав на родовое имение во Владимирской губернии.

В 1861 году он уже значился собственником сельца Вореево в Покровском уезде, в котором было 19 мужских душ.

Как записано в «Алфавитной книге» дворянских родов этого уезда, он купил его у Домашневой (очевидно, жена его брата). В 1859 году он жил в Петербурге у Менделеевых, но основным его местожительством является Владимирская губерния. Незадолго до смерти ему разрешают переезд в Москву.

Вернувшись в Москву, Басаргин продолжал трудиться и не оставлял своих литературных и экономических занятий.

В письме И. И. Пущина от 13 июня 1858 года Н. Д. Пущиной из Нижнего Новгорода читаем: «...Басаргин пишет, что будет в Нижнем 20 числа. Чтобы я их дожидался, они едут в Омск. На всякий случай советует, если здесь не останусь, спросить о них во Владимире, где они должны несколько дней пробыть».

Зачем же Басаргин едет в Омск? Это мы узнаем из другого письма — Ивашевой-Трубниковой из Марьино (под Бронницами) от 30 июня того же года: «Крестный твой поехал в Омск, там выдает замуж Поленьку (дочь декабриста Александра Мозалевского), которая у них воспитывалась, за Менделеева (Ивана Ивановича), брата жены его, молодого человека, служащего в Главном управлении Западной Сибири. Устроит молодых и вернется в Покровский уезд, где купил маленькое именьице. Я все это знаю из его письма — опять с ним разъехались ночью под Владимиром. Как не судьба свидеться!» [1]

Доехал ли Басаргин до Омска — сказать трудно: точных данных нет. Жена декабриста Ентальцева в одном из своих писем писала: «Басаргин уехал на первой неделе в г. Покров Владимирской губернии. Кажется, Николай Васильевич не поедет в Сибирь, потому что думает купить около Покрова небольшую деревню с усадьбой, сад и хорошее место. Если это состоится, они не поедут в Сибирь».

Н. В. Басаргин скончался в феврале 1861 года в Москве, в доме Дубовецкого на Тверском бульваре (ныне улица Горького), за несколько дней до опубликования царского манифеста об освобождении крестьян. Трудно предполагать, что это «освобождение» крестьян было бы утешением для Басаргина.

---

[1] И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма, М., 1956.

4 Заказ 3757

Басаргин был из тех «железных» людей, которые вынесли все. Выслушав приговор, он с издевкой заявил, что ему все-таки повезло: «100 лет назад нас бы, вероятно, четвертовали, били кнутами...»

Действительно, «повезло»! Если не четвертовали их тело, то четвертовали их жизнь, пытались сломить их волю, убить духовно. Но этого царскому правительству сделать не удалось.

В Центральном государственном историческом архиве в деле Басаргина хранится рапорт на имя шефа жандармов князя Долгорукова от 7 февраля 1861 года от штабс-офицера корпуса жандармов, находящегося в Москве: «Возвращенный из Сибири... Н. В. Басаргин, состоявший под секретным надзором полиции, 3-го сего февраля, скончался...» Отметка шефа жандромов: «Доложено ЕГО величеству 10 февраля» [1].

А. И. Герцен в «Колоколе» поместил заметку «Кончина Басаргина»: «Еще один из наших старцев сошел в могилу — Николай Васильевич Басаргин. Правительство и его взыскало своей милостью. На похороны московский обер-полицмейстер послал переодетого квартального и четырех жандармов. У родственников покойного тайная полиция делала обыск...А ведь как ни выкрадывайте истину, историю вам не украсть» [2].

Ольга Ивановна, оставшись вдовой, прожила недолго, она скончалась в 1867 году. Дом Басаргиных в деревне Липна перешел к новым владельцам — Аксеновым, видимо, к ним перешло и все имущество Басаргиных.

Аксеновы свято хранили усадьбу Басаргиных. Это были люди образованные, передовые. Один из сыновей — Алексей Николавич Аксенов — стал композитором и музыкантом. Был преподавателем в музыкальной школе Гнесиных, а сестра его — художником.

ПОЭТ-ДЕКАБРИСТ

Александр Иванович Одоевский, 1802—1839

В самом сердце Юрьевского ополья раскинулось старинное русское село Николаевское. В нем была когда-то барская усадьба. Устроитель удачно выбрал место для своего «дворянского гнезда». Верстах в тридцати от Юрьев-Польского, по соседству с селом Симой, богатым имением князей Голицыных, на берегу речки с чистой, прозрачной водой и мягким чудесным названием — Нерль и была эта усадьба. От усадьбы, за рекой, начинались бескрайние

---

[1] Государственный исторический архив, 3 отдел, № 61 часть. 63.
[2] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 т., т. 15, стр. 82.

леса, уходившие куда-то на Ярославщину, к Костроме, на Волгу. Сухие сосновые боры перемежались здесь с еловыми смешанными лесами. Весной окрестные поля покрывались изумрудными коврами хлебной зелени вперемежку с нежными голубыми полосами льна и разнотравием по овражкам. А осенью колыхалось море зреющего хлеба. Богатый край!

Имение принадлежало одному из представителей когда-то многочисленного, знатного и богатого рода князей Одоевских, ведущих родословную еще от «рюриковичей», Ивану Сергеевичу Одоевскому. Дослужившись до чина генерал-майора и уйдя в отставку, он поселился в Николаевском, в котором прожил последние годы своей жизни. Это и был отец декабриста Александра Ивановича Одоевского, имя которого с историей нашего края связано тесно.

Иван Сергеевич Одоевский принадлежал к числу храбрых суворовских офицеров, имел много наград. Из рук самого Суворова получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В 1810 году ушел в отставку «с мундиром», т. е. правом ношения военной формы. Когда наступил грозный 1812 года, он снова оказался в армии, будучи назначен шефом второго казачьего Московского полка ополченцев. Достойно провел всю кампанию. Неудивительно, что когда возник вопрос о будущем маленького Саши, то был избран путь отца. В семье было четверо детей: Александр от первого брака и три его сестры — от второго.

Александр Одоевский родился не в Николаевском, как утверждают некоторые авторы, а в Петербурге на Петербургской стороне, в доме № 40, 26 ноября 1802 года. Он получил блестящее образование. Был окружен «целым полком» лучших учителей, свободно владел несколькими иностранными языками, любил литературу, математику, но учил ее, «не утруждая» себя. Много занимался музыкой. Особое влияние в эти годы на него оказывала мать, оберегавшая своего любимого Сашу от тяжелых сторон жизни.

Позднее Александр в одном из писем будет сетовать: «Маман, которая дала мне примерное нравственное воспитание, столь долго держала меня вдали от всякого общения с внешним миром, что я, по прошествии двадцати лет, еще был совершенным ребенком, с непростительной мягкостью характера».

По воспоминаниям современников, Одоевский был высоким, стройным, красивым юношей, с живым открытым взглядом. Как писала его родственница Е. В. Львова, он был общителен, мягок, сердечен и добр от природы. Даже враги вынуждены были признавать эти черты характера у Одоевского. Известно, что полиция, чтобы выявить настроения заключенных и установить их связи с внешним миром, в тюрьму на Петровском заводе подсадила про-

Александр Иванович Одоевский.

вокатора Медокса. Вот что он сообщил об Одоевском: «Одоевский — ангельской доброты. Пиит и учен! Знает все главнейшие европейские языки. По богатству был в Петровском остроге в числе тамошних магнатов. Несмотря на богатство, он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего» [1].

От матери Одоевскому досталось имение с 1000-ю ревизскими душами. Его мать, доводящаяся своему мужу двоюродной сестрой, умерла рано, в 1820 году. Ее смерть сын пережил тяжело: «Самая тонкая и лучшая струна лопнула в моем сердце». На ее смерть написал стихотворение, вот строка из него:

«Тебя уж нет, но я тобою
Еще дышу».

Как и все аристократы, науками Одоевский занимался дома во время зимних пребываний в Петербурге. На лето мать привозила Сашу в имение отца. Мальчика воспитывал гувернер-француз, хорошо помнивший Великую французскую революцию и много рассказывавший своему воспитаннику о ней.

По установившейся для детей из знатных дворянских родов традиции, Одоевский еще мальчиком двенадцати лет был зачислен на государственную службу в личный кабинет царя и начал получать чины, не утруждая себя исполнением обязанностей по службе. В 1821 году его перевели юнкером в одну из самых привилегированных частей русской армии — лейб-гвардейский конный полк.

В один из приездов в Николаевское, предположительно, в 1820 году, Одоевским была написана «Молитва русского крестьянина». Подлинный текст ее не сохранился, она известна из вольной записи Ж.-М. Шопена — учителя Одоевского, переведенной им на французский язык. Шопен впервые опубликовал ее в Париже в 1843 году в статье «О русской литературе», у нас же она напечатана лишь в 1926 году.

В этом стихотворении ярко выражены актикрепостнические мысли автора, позволяющие в какой-то степени судить о мировоззрении Одоевского. Оно возникло как результат его наблю-

[1] Штрайх. Провокации среди декабристов. П., 1915.

дений за жизнью крестьян в имении отца и окружающих помещиков и известного влияния своего наставника, француза-республиканца, речи которого юноша слушал с большим восторгом. Они встречали глубокое сочувствие в душе этого пылкого, открытого и чистого человека. Одоевский рассказал своему учителю о написанном стихотворении, прослушав которое тот заметил: «Это не молитва, а плач русского мужика над своей горькой долюшкой. Да, ты прав, мой юный республиканец, царь не услышит жалобы простых людей».

«Молитва русского крестьянина

Бог людей свободных, бог сильный! Я долго в своих молитвах взывал к царю, твоему представителю на земле... Царь не услышал моей молитвы... ведь так шумно вокруг его престола!

Если правду говорят священники, что и раб — творение твое, то не осуждай, его не выслушав, как то делают бояре и прислужники боярские.

Я орошал землю потом своим, но ничто, производимое землей, не принадлежит рабу. А между тем наши господа считают нас по душам; они должны были считать только наши руки.

Моя суженая была красива, — они отправили ее в Москву к нашему молодому барину.

Тогда я сказал себе: есть бог для птицы, есть бог для растений, но нет бога для раба!

Прости меня, о, боже, в милосердии твоем! Я хотел молиться тебе, и вот — я возроптал на тебя!»

Одоевский очень любил Николаевское. В минуты грусти и тоски, находясь в тюрьме Петровского завода, Александр писал в одном стихотворении, навеянном воспоминаниями детства:

Из детских всех воспоминаний
Одно во мне свежее всех;
Я в нем ищу в часы страданий
Душе младенческих утех.
Я помню липу; нераздельно
Я с нею жил, и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум.

В первых числах октября 1969 года нам удалось побывать в Николаевском. Сразу в глаза бросилась удивительная картина: среди черного распаханного поля одиноко стоит большое дерево, могучее, раскидистое, красивое. Подходим ближе — липа! Она самая, одоевская красавица — жива! Шумит среди мирных полей, как бы охраняя их покой и славу. Красавица липа, широко раскинувшая свои ветви, имеет ствол в три обхвата, совсем не поврежденный временем. Он крепок, не имеет ни трещин, ни дупла. Тучный чернозем вскормил это могучее, красивое дерево. Оно да пруды — вот все, что осталось от усадьбы Одоевских. Теперь нет

Липа Одоевского

барского дома — он сгорел в 1902 году, сгорело и старое село Николаевское. Погорельцы, отойдя версты на две от пожарища, основали новое село, назвав его в память о прежнем Ново-Николаевским. Липу же огонь и время пощадили.

Невдалеке от липы — пруды, заросшие кустарником, их было много, целая система, сообщающихся друг с другом, и сейчас заметны некоторые из них. В памяти людской сохранились их названия: «Барский», «Птичий», «Пруд-купальня». Все остальное уже запахано. Сохранились еще участки дороги, обсаженные деревьями, надгробный камень с надписью, что под ним покоится прах Нины Ивановны Новиковой-Одоевской, сестры Александра Ивановича.

То, что здесь было имение, подтверждает житель села Сваина — Федор Васильевич Кочетков, отец учительницы местной начальной школы Натальи Федоровны Шаровой, которая, кстати, собирает материал об Одоевском. В ее квартире висит портрет Одоевского из Бестужевской галереи.

Федор Васильевич вспоминает, что когда ему было лет семь (теперь ему около 80-ти), его вместе с другими крестьянскими детьми водили в барский дом на елку и для поздравлений барина с праздниками. Он помнит и пожар в имении и то, что Нина Ивановна построила церковь (церкви теперь нет), и оборудовала мо-

Остатки живой изгороди имения Одоевских

гилы Ивана Сергеевича Одоевского и его дочери около церкви.

Александр Иванович часто бывал в Николаевском. Здесь юноша не только отдыхал. Приезжая в отчий дом, он присматривался к окружающему, что помогало ему определить свое место в жизни.

В 1821 году он писал брату — В. Ф. Одоевскому: «Знаю, что испытания ожидают меня в жизни сей, испытания, которые, верно, будут требовать еще большего напряжения моего духа, нежели все, что случилось со мной до сих пор».

Юношеская восторженность, романтический склад характера зачастую мешали Одоевскому разобраться в жизни и людях. Это вызывало озабоченность его друзей, это и привязывало друзей к нему.

В книге М. В. Нечкиной — «А. С. Грибоедов и декабристы» приводится письмо Грибоедова к своему другу в Москве С. Н. Бегичеву, которое отправлено в 1825 году. Уезжая вторично на восток, Грибоедов поручает ему заботу о своем младшем друге А. И. Одоевском. Вот эта часть интересующего нас письма: «...Александр Одоевский будет в Москве, поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию — таков он совершенно. Плюс прекрасных качеств, которых я никогда не имел»[1].

---

[1] М. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 154.

Пруд-купальня

Далее узнаем, что общий знакомый Одоевского и Грибоедова Оржицкий встречался с ним в Москве после смерти императора. И именно из разговора с Одоевским он догадался о том, что «что-то у них приготовляется». В конце декабря Одоевский вернулся в Петербург и попал в самый разгар приготовлений к восстанию.

Посещение Александром Одоевским Москвы не связано с движением. В литературе о декабристах, с которой удалось познакомиться автору этих строк, нигде не упоминается о каком-нибудь поручении Одоевскому в Москве как представителю Северного общества. Да этого и не может быть, так как он, являясь слишком молодым членом тайного общества как по возрасту, так и стажу, не мог такого поручения получить. Каких-либо других, допустим, служебных обязанностей, у него тоже не было. Остается одно — поездка в имение отца, в село Николаевское, по настоянию отца, до которого дошли слухи, что сын в Петербурге живет вольно и позволяет себе излишества. Отец вызывает его для объяснений.

Князь Иван Сергеевич писал:

«Шалостей твоих дух весьма мне противен. И Дмитрий Сергеевич[1] крайне оным огорчается. В сыне родном баламута от-

[1] Ланской — сановник, родственник Одоевских.

крыть — сердцу отцовскому боль. Вижу, от наставлений моих ты вовсе прочь ушел. Далеко поехал, кабы поблизости под запор не взяли. Эх, сын, Александр! Роду ты великого, а ум невелик. Горечь и гнев отцовскую душу гноит. По просьбе моей, отпускает тебя начальство на побывку домой. Мой же приказ таков: получай по всей форме отпуск и немедля выезжай из Сан-Петербурга. Сам хочу видеть, каков сын мой сделался...» [1].

Одоевский вместе со своим дядькой Иваном Александровичем Курицыным, крепостным Одоевских, собрался в дорогу и в ноябре 1825 года был дома.

Александр пробыл у отца недолго. Вел жизнь блестящего столичного офицера, наносил визиты своим соседям. Но что-то тяготило его здесь. Он видел бедность окрестных мужиков, их забитость и какое-то безразличие ко всему; самодурство и жестокость бар. Он пристальнее ко всему присматривался, по-иному оценивал, и новые наблюдения укрепляли в нем веру в правильность и неизбежность того пути, на который он встал. Рассорившись с отцом из-за грубого и жестокого отношения к крепостным, Одоевский прервал отпуск и выехал в столицу. В начале декабря 1825 года он был уже на месте. Это было последнее посещение Одоевским Николаевского имения и последняя встреча с отцом на родине.

Об этом же факте пишет и биограф Одоевского И. А. Кубасов: «Месяц же, предшествующий 14 декабря, он провел в отпуску, был в деревне у отца, в своих деревнях в Ярославской губернии, был проездом в Москве и вернулся в Петербург лишь за несколько дней до событий, приехал больным» [2].

Одоевский, хотя и принадлежал к числу очень молодых членов Северного общества, был деятельным, темпераментным, умел увлекать за собой товарищей и был готов на подвиг.

Его друзья вспоминали, что отправляясь 14 декабря на Сенатскую площадь, он воскликнул: «Умрем, ах, как славно мы умрем!», или: «Умрем славно за Родину!»

Есть и несколько иная запись: «О нас в истории напишут!» — воскликнул он на квартире Рылеева накануне восстания.

Одоевский не ошибся: о декабристах написаны сотни книг.

На следствии Одоевский вначале отрицал свое участие в тайном обществе, но затем отрицать этого не стал, признал и вышеприведенные слова.

Из переписки Рылеева с Завалишиным (письмо от 2 июня 1825 года) можно установить, что Рылеев и Одоевский были очень близки друг другу, часто встречались. Рылеев посещал квартиру

---

[1] С. Н. Голубев. Из искры — пламя. М., 1963, стр. 113—114.

[2] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М., изд. «Академия». 1934, стр. 57.

Одоевского. В том же году они вместе ездили в Кронштадт по делам общества. В Северное общество Одоевский вступил под влиянием Рылеева и Бестужева, что подтвердил он сам в своих показаниях во время следствия.

О том, что Одоевский довольно часто бывал у Рылеева, показывают декабристы Милютин и Булатов. Он был хорошо знаком с Якубовичем, который утверждал, что на Кавказе в корпусе Ермолова имелось тайное общество, а Одоевский являлся одним из немногих декабристов, которые имели связи с этим корпусом. Уже тогда Одоевский пытался завербовать в члены общества поручика лейб-гвардии конного полка Михаила Федоровича Голицына, но не получил на это полномочий от «общества», т. к. был молод. Рассыльный журнала «Полярная звезда» рассказывал, что Алекандр Одоевский был близким другом Рылеева: Рылеев следил за его литературными занятиями и часто говорил ему, чтоб он больше работал. Рылеева и Одоевского объединяли общие интересы как по делам общества, так и литературы.

В ночь на 14 декабря Одоевский был начальником караула в Зимнем дворце. Сдав караул и отведя свой отряд в казармы, в 10 часов утра он прискакал на коне на Сенатскую площадь. Здесь ему дали взвод солдат восставшего Московского полка для организации заградительной стрелковой цепи. Он спешился с пистолетом в руке все время подбадривал солдат, призывал конногвардейцев не выступать против восставших, чем надолго задержал их в казармах. Его видели в казармах лейб-гренадерского Измайловского полка, где он убеждал солдат не присягать Николаю и идти на Сенатскую площадь. Завалишин позднее записал: «Немного можно найти людей, способных так увлекаться, как Одоевский».

Когда стало ясно, что восстание проиграно, Одоевский вернулся на свою квартиру и, переодевшись в штатское, пытался уйти из Петербурга.

Как он сам показал на допросе, сначала скитался по городу, затем зашел к другу, который дал ему штатскую одежду и 700 рублей, пришел в Екатерингоф, где купил тулуп и шапку, и был узнан шпиком. Но последний, посоветовав Одоевскому быть осторожней, не тронул его. Одоевский дошел до Красного села и... возвратился в Петербруг на квартиру своего дяди Ланского, который отвел Александра к Шульгину — Петербургскому обер-полицмейстеру. Он арестовал Одоевского и доставил в Зимний дворец.

17 декабря 1825 года в 2 часа 30 минут А. И. Одоевский вместе с Пущиным был отправлен в Петропавловскую крепость с запиской от царя: «Присылаемых при сем Пущина и Одоевского посадить в Алексеевский равелин».

Одоевский был признан виновным «в участвовании в умысле бунта, принятии в тайное общество одного члена и в личном действии во время мятежа с пистолетом в руках». Осужден по 4 разряду: двенадцать лет каторги (сокращенной затем до восьми).

Впоследствии реакционер Дивов в своих работах, посвященных декабрьским событиям 1825 года, писал, что будто бы Одоевский хотел убить Николая во время дежурства в Зимнем дворце. Действительно, встреча Одоевского с Николаем в эту ночь произошла, когда он находился у спальни императора. Николай, напуганный шумом, вызванным сменой караула, вышел узнать, в чем дело. Все объяснилось, но Николай запомнил дежурного офицера. Это и распространенный слух о намерении цареубийства повлияли на приговор Одоевскому. Он оказался более жестоким, чем следовало ожидать.

Одоевский тяжело переживал свой арест, следствие и заключение в Петропавловской крепости, пал духом, растерялся, писал покаянные письма; ведь он не был приспособлен к испытаниям жизни. Казалось, тюрьма сломила его волю.

Но жизнелюбие взяло верх. В «Воспоминаниях» Михаила Бестужева имеется запись:

«В соседней камере сидел Одоевский — молодой пылкий человек и поэт в душе. Мысли его витали в области фантазии, а спустившись на землю, он не знал, как угомонить потребность деятельности его кипучей жизни. Он бегал, как запертый львенок, в своей клетке, скакал через кровать или стул, говорил громко стихи и пел романсы. Одним словом, творил такие чудеса, от которых у стражей волосы поднимались дыбом; что ему ни говорили, как ни стращали — все напрасно. Он продолжал свое, и кончилось тем, что его оставили» [1].

Каторгу Одоевский начал отбывать в Нерчинских рудниках вместе с большой группой других декабристов. Оказавшись в кругу друзей, он окреп духом и влился в общую струю жизни на каторге. Он сочинил грамматику русского языка, изучал испанский язык, а для своих товарищей читал лекции по истории русской литературы. Начал курс со «Слово о полку Игореве» и довел его до современников — Карамзина, Жуковского, Баратынского, Грибоедова, Пушкина. Особено вдохновенно говорил он о двух последних поэтах, горячо любимых им. Слушатели «каторжной академии» вспоминали, что он, держа толстую тетрадь перед собой, говорил с большим воодушевлением, по ходу лекции читал стихи. Лекции были хорошо продуманы, последовательны. И, как потом выяснилось, он их читал на память; так как в тетради никаких конспектов не было.

---

[1] «Русское богатство», 1901, № 9, стр. 100.

Одоевский принимал участие в составлении Устава артели ведавшей организацией питания, быта декабристов и оказания им материальной помощи. Известно, что Одоевский, располагая большими средствами, делал большие взносы в кассу артели. А главное, здесь, в ссылке, он начал сочинять стихи. Часто они возникали экспромтом, сразу, по поводу какого-либо события. Он свои стихи не записывал, поэтому многие из них пропали. Но часть стихов записали его товарищи. Через 3 года их набралась целая тетрадь.

Вот тогда-то у декабристов родилась мысль напечатать эти стихи. Но как? За организацию этого дела взялся земляк Одоевского П. Муханов, склонный к издательской деятельности. Ему с большими трудностями удалось переправить тетрадь со стихами в Петербург поэту и писателю П. А. Вяземскому, которому Одоевский посвятил стихотворение «Бал». Письмо Муханова и тетрадь прибыли по назначению 12 июля 1829 года.

«Вот эти стихи, написанные под небом гранитным и в каторжных норах. Если вы их не засудите — отдайте в печать. Может быть, ваши журналисты Гарпогоны дадут хоть по гривеннику за стих. Автору с друзьями хотелось бы выдать альманах «Зарница»... Замолвите слово на Парнасе: не могут ли ваши волшебники блеснуть нашей зарнице. Нам не копать золота: наш металл — железо и желание заработать».

Это письмо Муханова хранится в Остафьевском архиве Вяземских (Центральный исторический архив). Оно интересно не само по себе, а как документ, сохранивший для истории многие стихи Одоевского.

Вяземский и Дельвиг, получив одоевскую тетрадь, опубликовали записанные в ней стихи, без указания имени автора, в «Литературной газете» за 1830 год и в альманахе «Северные цветы» за 1831 год. Первое же полное собрание стихотворений Одоевского подготовил и издал декабрист барон Розен.

Одоевский писал много стихов еще до событий на Сенатской площади, но уже тогда у него была привычка стихов своих не печатать, он их сочинял для себя и не берег, что подтверждает и его письмо двоюродному брату — В. Ф. Одоевскому от 19 марта 1824 года.

В этом письме Одоевский сообщает, что много пишет стихов, много «марает» в течение года и даже в течение дня бумаги, но в печать, подобно Хвостову и пропасти других бессмысленных писак, написанное не отдает, что у него накопилось с десяток од, столько же посланий, пять-шесть элегий, но все это лежит под столом в полуразодранном виде.

Из-за такого беззаботного отношения к своему труду почти все произведения Одоевского, написанные до 14 декабря, погибли.

Названия некоторых стихов, их содержание известны только по воспоминаниям его современников, товарищей-декабристов; например. «К товарищам», «К юности», «Безжизненный град», которые были найдены при аресте у Трубецкого.

И то, что эти стихотворения по приказанию Николая I были уничтожены, как и многие другие стихотворения декабристов, позволяет судить об их содержании. Очевидно, стихов политически острых, типа «Бала», было много. Приходится еще и еще раз сожалеть, что это богатое литературное наследство утрачено.

А. И. Одоевский. Акварель Николая Бестужева. Петровский завод. 1832 г.

Ничто не могло прервать увлечения Одоевского стихами. Сидя в Петропавловской крепости, он писал «Сон поэта», «Утро», «Воскресенье» и посвящение В. Ю. Ланской. Возможно, были и другие стихи.

Новый взрыв поэтического творчества у Одоевского относится к периоду пребывания поэта на каторге. «Вся его тюремная жизнь вылилась в поэтических звуках. Не было самого обыденного обстоятельства, которое он не перенес бы в область фантазии», — писал о нем М. А. Бестужев.

Здесь, в Нерчинске, Одоевский получил известие о смерти А. С. Грибоедова, что было для него едва ли не самым сильным жизненным ударом после собственной катастрофы. Он выразил свои чувства в стихах «Дума на смерть А. С. Грибоедова», вложив в них всю печаль, тяжесть утраты.

О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Согреть ее моим дыханьем!

Декабрист А. И. Беляев писал, что если бы собраны были и «явлены свету» многие тысячи стихов Одоевского, то литература наша отвела бы ему место рядом с Пушкиным, Лермонтовым и другими первоклассными поэтами. А другой декабрист Лорер называл его «главный наш поэт» в ссылке.

Менее всего дошло до нас стихотворений, относящихся к ре-

волюционной лирике Одоевского, таких, например, как бессмертный ответ Пушкину на его послание «В Сибирь», стихотворение, прочитанное им при открытии «каторжной академии» и посвященное, как полагают некоторые исследователи, Северному обществу и Никите Муравьеву — его президенту; или стихотворение «Наводнение», в котором, как вспоминает Завалишин, поэт «изъявил сожаление: зачем оно не потопило все царское семейство». Другой его товарищ по ссылке — Басаргин, наделяя поэта самыми положительными эпитетами, писал, что звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к положению ссыльных и согласные с их мнением и их любовью к отечеству, нередко пелись хором под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из товарищей.

Все это подтверждает, что Одоевский не был «случайным декабристом», как пытаются утверждать буржуазная историография и литературоведение. Одоевский был наиболее ярким выразителем настроений декабристов после 14 декабря.

Во время поселения поэтическая активность Одоевского угасает. Известно всего пять-шесть его стихотворений этого времени. Чем же это объяснить? Может, тем, что иссяк талант или произошел какой-то душевный надлом? Нет! На поселении в Елани и Ишиме он был почти одинок, рядом не было дорогих друзей, товарищей, которые бы могли записывать его стихи, экспромты, настраивать его на творческий тон.

В одном из писем из Елани в 1833 году Одоевский писал своему отцу: «Через четверть часа я возвращаюсь, чтобы снова усесться на постели и читать какое-либо произведение, которое мне полюбилось, например, летописцев моей родины, или принимаюсь размышлять о плане какой-нибудь поэмы или трагедии, которую, может быть, начну, но которой никогда не окончу по милости разборчивой совести: еще никогда она не была довольна ни одним моим эпическим или трагическим планом и почти ни одной моей пьесой. А если я теперь когда-нибудь сочиняю их, стараюсь забыть: это для меня тем легче, что я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу, как вы давным-давно знаете это»[1].

Также мало данных сохранилось и о творчестве Одоевского на Кавказе. Николай Платонович Огарев вспоминал, что Александр на Кавказе сочинял стихи, читал наизусть людям близким, в числе которых был и Огарев. Огарев пишет, что Одоевский отклонил всякие попытки записать его стихотворения, и Николай Платонович считает, что «сделал преступление, ничего не записал, хотя бы тайком».

---

[1] Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 60, кн. 1—2. М., 1956, стр. 701.

С Огаревым они стали друзьями, бывали вместе в Пятигорске, Железноводске. Огарев вспоминает, как однажды ночью они шли вместе по дорожке железноводского парка, и Одоевский начал читать свои стихи, навеянные чудесной ночью.

«В голосе его была такая искренность, звучность, что его можно было заслушаться». Огарев пишет, что это был тот самый Одоевский, добрый и обаятельный. «Он принадлежал к числу тех членов общества, которые шли на гибель сознательно, видя в этом первый вслух заявленный протест России... первое слово гражданской свободы». Одоевский произвел сильное впечатление на Огарева. Недаром он записал:

«Встреча с Одоевским и декабристами возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... это чувство меня не покидало». Значит встреча с Одоевским укрепила веру Огарева в выборе того пути, на который он встал. Он — один из прямых последователей первых революционеров России — декабристов.

Под влиянием Одоевского Огарев даже начал писать стихи, показал их Одоевскому, который их высоко оценил. После этой встречи Огарев воскликнул: «Я слишком его люблю».

Друзья сохранили много стихотворений поэта, написанных им в годы пребывания на каторге. А вот за время его поселения сохранилось всего одно стихотворение — «Отцу», возможно, что больше их и не было.

Всю жизнь, остаток прежних сил,
Теперь в одно я чувство слил —
В любовь к тебе, отец мой нежный,
Чье сердце так еще тепло
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снежной.

. . . .

с. Елань, 14 апреля 1836 года.

В Александре Одоевском жизнь на каторге и в ссылке многое изменяет. Он преодолевает временное колебание. В начале 1827 года в Читинском остроге пишет стихотворение, которое «с гордостью можно занести в число лучших событий биографии Одоевского» — это ответ декабристов А. С. Пушкину «Из каменных нор». Беря на себя смелость подготовить такой ответ от имени всех декабристов, он прекрасно понимал, какой ответственности подвергал себя.

Из этого стихотворения Одоевского В. И. Ленин взял эпиграфом к своей газете «Искра» слова: «Из искры возгорится пламя». Вот это стихотворение:

(Ответ на послание А. С. Пушкина «В Сибирь»)

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями,
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с нею грянем на царей,
И радостно вздохнут народы.

1827 год.

Стихотворения, написанные Одоевским позже, его поступки подтверждают, что он «до конца жизни оставался верен освободительному движению». Лермонтов после встречи с ним на Кавказе писал,[1] что декабрист сохранил «веру гордую в людей и жизнь иную».

Он откликался на все важнейшие общественные и политические события. Когда в Сибири стало известно о польском восстании 1831 года, Одоевский написал стихотворение:

Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.
Мы братья их... Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний...

Пророчески звучат строки из стихотворения «Бал», написанные в 1827 году. Уже находясь в Сибири, поэт вспомнил один эпизод из своей прошлой жизни. 1 февраля 1826 года его везли в Петропавловскую крепость после очередного допроса. Дом князя Качубея, мимо которого проезжала карета, был весь освещен, гремела музыка. Князь давал бал. Одоевский подумал, что и он мог бы быть на этом бале, и представил лица присутствующих на нем людей.

---

[1] Лермонтов и Одоевский встретились в Ставрополе и вместе ехали до Тифлиса.

БАЛ

(Князю П. А. Вяземскому)

Открылся бал; кружась летели
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся,
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву;
Она покоилась, дремала,
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго... Зал гремел;
Вдруг без размера полетел
За звуком звук! Я оглянулся,
Вперил глаза, весь содрогнулся,
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота,
С костей их — все покровы спали;
Одно осталось: их уста,
Как прежде, все еще смеялись,
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись.
Я никого не видел в ней;
Все были сходны, все смеялись...
Плясало сборище костей.

30 декабря 1832 года Одоевского переводят на поселение. Его отец просил Бенкендорфа о разрешении жить сыну в г. Ишиме Тобольской губернии, но так как там уже находились ссыльные поляки Кржижановский и Ивашкевич, Одоевскому в этой просьбе было отказано. Тогда знакомым и родственникам Одоевских — иркутскому гражданскому губернатору Цейдлеру и генерал-губернатору Восточной Сибири Лавинскому удалось поселить Александра Одоевского в фабричном поселке Тельма, недалеко от Иркутска, расположенном на Ангаре. Все население поселка состояло из бывших каторжан и ссыльных крестьян. Одоевский с трудом нашел квартиру. Место поселения было глухое, неустроенное, товарищей не было. Но и здесь Одоевского не оставили в покое. Когда царь узнал о поселении Одоевского в Тельме, он выразил неудовольствие из-за размещения декабриста в «заводском поселении»,

5 Заказ 3757

а губернатор Лавинский за это получил нагоняй. Одоевского перевели в село Елань. Попытки отца выхлопотать разрешение на поездку в Сибирь для встречи с сыном, и письма Александра по этому поводу результатов не дали. На них появлялась неизменная резолюция Бенкендорфа: «К делу: приказано оставить без производства».

Из письма Одоевского к И. Д. Якушкину 6 февраля 1836 года мы узнаем, что у него нет никаких сильных желаний, если не считать желания увидеться с отцом, которому была обещана встреча с сыном ненадолго в Кургане. Но встреча не состоялась. Отец хотел встретиться с сыном тайно, но об этом узнал генерал-губернатор Горчаков и немедленно запросил Бенкендорфа, как поступить в этом случае. Ответ пришел довольно быстро — «не дозволяется», а кто приедет без разрешения, того «местное начальство обязано немедленно выслать». Было отказано, причем самим Николаем I, и в просьбе о получении 3-х тысяч рублей для раздачи нуждающимся на поселении декабристам. Одоевский всеми силами пытался помогать своим товарищам и делал это скромно и бескорыстно.

Отец с сыном после ареста встречались два раза. Первый раз отец ездил в Москву, когда сын направлялся в Сибирь. Вторая встреча произошла в Казани в 1837 году, во время переезда сына на Кавказ в Нижегородский драгунский полк. Отец и сын вместе проехали несколько почтовых станций до Симбирска, а затем их пути разошлись навсегда. Отцу было в это время 70 лет.

Встреча отца и сына в Казани была теплой. Отец порадовался тому, что сын хорошо выглядит, простил ему все тревоги, которые доставил тот отцу своим участием в восстании, признал, что был не прав, осуждая сына за это.

В Елани Одоевский прожил 3 года. Из его писем известно, что он вначале снял квартиру у одного крестьянина, переделал ее, прорубив четыре окна, получился как бы «фонарь», зато свету стало достаточно. В 1834 году купил дом, завел и построил все крестьянское хозяйство (конюшни, амбары, баню), арендуя у местных крестьян 16,5 десятины земли, а 1,5 десятины расчистил из-под леса сам.

Засевал 13 десятин. Имел 4 лошади, коров, свиней. Но сельским хозяйством занимался не из любви, а «для здоровья», в качестве «принудительного средства к труду». Еще в Петропавловской крепости он начал болеть, а во время каторги здоровье ухудшилось.

Занятие хозяйством, чтение исторических романов, сочинений французских просветителей, особенно любимого Руссо (книг ему присылали много, он сам составлял их списки), позволяло ему

быть счастливым «настолько», как он писал в некоторых письмах с иронией, — «насколько могут быть счастливыми в этой стране».

Осуждение и ссылка Одоевского не прекращают его связи с нашей губернией. Когда несколько ослаб тюремный режим, от Одоевского, начиная с 1833 года, стали поступать письма в Николаевское.

Для того времени, времени слежек и подозрений, переписка была довольно оживленной.

Сохранилось и дошло до наших дней 27 писем Александра Ивановича Одоевского своему отцу в Николаевское, но если судить по номерам, которые на каждом письме ставил автор, их было больше.

Все они написаны по-французски и относятся в основном к 1833—1836 годам и присланы из села Елань Иркутской губернии. Письма просматривались полицейскими чиновниками, на многих сохранились их пометки. Сын подробно сообщает о себе и просит отца не волноваться, успокаивает его, пишет, что климат Сибири для него не опасен, описывает дом, в котором живет.

Есть письма, посвященные почти полностью настроениям их автора, некоторые из них носят ярко выраженный религиозный характер, проскальзывает раскаяние. Некоторые исследователи допускают такую мысль, что автор писем преследовал определенную цель — облегчить свою судьбу, поскольку знал, что письма прочитывались и их содержание докладывалось интересующемуся им начальству.

Барский дом в Николаевском жил заботами об Александре. Все с нетерпением ждали от него писем, которые неизменно были теплыми и задушевными. Всем присылались приветы и пожелания доброго здоровья, не был забыт даже его бывший слуга Никита, которого Одоевский называет «милым другом».

Выхлопотать перевод Одоевского на Кавказ рядовым Новгородского полка тоже стоило больших трудов. Пришлось прибегнуть к содействию тогда очень влиятельного генерала Паскевича-Варшавского, с которым Одоевские находились в дальней родственной связи по линии матери Александра.

От Тобольска до Кавказа Александр ехал вместе с декабристами Лорером, Назимовым, Лихаревым, Нарышкиным, с ними и служил.

Ираклий Андроников в своей книге «Лермонтов в Грузии в 1837 году» пишет, что Александр Одоевский, направляясь в Нижегородский полк, прибыл в Тифлис — «и поспешил на могилу Грибоедова». «Одоевского застал я в Тифлисе, — вспоминал декаб-

рист Розен. — Часто он хаживал на могилу своего друга Грибоедова, воспел его память, воспел Грузию звучными стихами»[1].

Могила Грибоедова находится «у подножия монастыря св. Давида в Тифлисе, это место выбрал сам Грибоедов». Он «...выражал желание быть похороненным возле стен этого древнего храма».

На Кавказе Одоевский познакомился с Лермонтовым, служившим в то время в Нижегородском драгунском полку. Полк квартировал в Кахетии, в урочище Кораагач, неподалеку от Цинандали — родового имения князей Чавчавадзе. Нина Чавчавадзе была женой Александра Сергеевича Грибоедова.

На Кавказе Одоевский часто встречался с друзьями, приехавшими вместе с ним из Сибири, и с друзьями прежних лет. Он заражал всех своим смехом, стихами, смелыми речами, часто организовывались веселые пирушки с шампанским. Наслаждаясь новой, свободной жизнью, он как бы наверстывал потерянное и упущенное на каторге и в ссылке. Одоевский словно предчувствовал, что этих дней осталось немного.

Александр Иванович никак не мог привыкнуть к местному сырому климату. В 1839 году, во время строительства форта на Черном море, он заболел лихорадкой и в это же время получил письмо о смерти отца. Это известие окончательно подорвало его силы.

После смерти отца он резко переменился, прекратились связи с родными местами. Никто так не заботился о нем и не любил, как отец. Он писал своему другу декабристу Назимову: «Я потерял своего отца, не знаю, как я был в состоянии перенести этот удар — кажется, последний. Все кончено для меня...»

В 1839 году Одоевский скончался. Его любили солдаты и офицеры. Все пришли проститься с покойным.

Одоевский похоронен у крутого обрыва Черного моря, в форте Лазаревский. Лермонтов посвятил его памяти стихи. А его слуга, бывший с ним в Сибири, на могиле посадил дуб, который, как говорят, живет до сих пор. Могилу не забывают, у нее всегда людно.

Перед смертью он был весел, говорил, что простудился, начитавшись Шиллера в открытой со всех сторон палатке, что это скоро пройдет, читал импровизации в адрес молодого малоопытного лекаря, подбадривал его.

Андрей Евгеньевич Розен так характеризовал Одоевского: «...человек, которого никакие житейские невзгоды не заставили усомниться в том, во что он верил; каторжник со «звонким детским смехом и живой речью», постоянно бодрый и веселый, сни-

---

[1] Ираклий Андронников. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., «Советский писатель», 1955, стр. 114.

сходительный к слабостям своих ближних; христианин, сердце которого было обильнейшим источником чистейшей любви; гражданин, страстно любящий родину, свой народ и свободу в высоком смысле общего блага и порядка» [1].

Розен, считавший Одоевского одним из добрейших, честнейших своих товарищей, оставил описание внешности и характера Одоевского. Он писал, что «весьма жаль», что нет верного его портрета, тогда еще не существовало фотографии. Нарисованный Н. А. Бестужевым портрет, по словам Розена, похож по складу лица, но выражение и глаза не похожи. На портрете они как-то прищурены. А в жизни его взгляд был открытый, живой, умный. Роста он был среднего, походка легкая, непринужденная, голос приятный, речь живая, плавная, смех — звучный, веселый, сердечный. Он заметил, что М. Лермонтов в своем стихотворении об Одоевском превосходно изображает чистоту его души, спокойствие духа и скорбь, но не о своих страданиях, а о страданиях человека, лишенного свободы и счастья. Розен видел в нем многие задатки «к славе и пользе отечества».

Он с большим удовольствием вспоминает о встрече в Тифлисе после шестилетней разлуки с «милым товарищем моим А. И. Одоевским».

Всегда беспечный, пишет он далее, всегда довольный и веселый, как истинный русский человек, он легко переносил свою участь, бывал самым приятным собеседником, заставлял много смеяться других и сам «хохотал от всего сердца». Таким он ему и запомнился.

Александр Иванович мог уехать из Лазаревского со своими товарищами в Керчь, где климат более подходил для его здоровья, но он не захотел этого делать, не внял мольбам и своего верного слуги, «дядьки» Никиты Курицына, который отдал всю свою жизнь «князеньке». Одоевский понимал, что дни его сочтены, и захотел остаться с теми, с кем вместе строил форт. Чувство товарищества взяло верх над личным благополучием.

Царское правительство знало, как расправиться с одним из виднейших декабристов, талантливым поэтом, переводя его в этот гиблый край, где свирепствовала лихорадка, да и в любую минуту подстерегала пуля непокорных горцев.

Отец и сын умерли в один и тот же 1839 год. Когда Иван Сергеевич почувствовал себя плохо, он попросил подать ему портрет сына да так с ним и сошел в могилу.

После смерти старого барина имением некоторое время управляла его младшая дочь Нина Ивановна и ее муж — земский врач Юрий Николаевич Новиков. Дочерью была построена красивая

---

[1] «Русское богатство», 1901, № 9, стр. 99.

Заказ 3757

церковь, теперь не сохранившаяся. Старожилы помнят, что около нее стоял памятник на могиле князя Ивана Сергеевича. Наследники скоро потеряли интерес к имению, оно стало хиреть, его начали продавать по частям.

Помещик А. У. Соллогуб, сосед Одоевских по имению (дом его сохранился в с. Шордыга), купил библиотеку, а с ней ему достались и письма, остальной архив исчез. Затем письма попали к другой помещице — А. П. Пузыревской, тоже из Юрьев-Польского уезда, от нее уже, после революции,—к издателю их П. Н. Сакулину. Как ни бережно их хранил отец, до нас дошло всего 27 разрозненных писем.

Прошло 130 лет со дня гибели Александра Одоевского, но, восстанавливая в памяти его короткую и яркую жизнь (он прожил всего 37 лет), поражаешься богатству этой натуры, чистоте души и огромному порыву, способному повести на подвиг. Он был достойным сыном своего народа.

М. Ю. Лермонтов

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКОГО

1.

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах Востока и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2.

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную,

3.

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!

Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном,
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4.

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам!.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы — все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они, зачем? — откуда? — кто их спросит...

5.

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда!.. Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6.

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вкруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно!
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет;
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

А. Одоевский

ЭЛЕГИЯ

(На смерть А. С. Грибоедова)

Где он? Где друг? Кого спросить?
Где дух?.. Где прах?.. В краю далеком!

О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Согреть ее моим дыханьем!
Я ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его;
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму, как друга моего!
Как друга... Он смешался с нею,
И вся она родная мне.
Я там один с тоской моею,
В ненарушимой тишине,
Предамся всей порывной силе
Моей любви, — любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой.
Но под иными небесами
Он и погиб, и погребен;
А я — в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами;
Они меня не унесут,
И капли слез с горячей вежды
К нему на дерн не упадут.
Я в узах был; но тень надежды
Взглянуть на взор его очей,
Взглянуть, сжать руку, звук речей
Услышать на одно мгновенье —
Живила грудь, как вдохновенье,
Восторгом полнила меня!
Не изменилось заточенье;
Но от надежд, как от огня,
Остались только дым и тленье;
Они — мне огнь: уже давно
Все жгут, к чему ни прикоснутся.
Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забыться миг веселым сном,
И грусть сердечную развеять
Мечтанья радужным крылом.

БРАТЬЯ

Судьба Александра Ивановича Одоевского и Александра Сергеевича Грибоедова одинаково трагична. Оба были талантливы, оба погибли в расцвете лет, оба сохранили о себе в сердцах русского народа добрую и неувядаемую память.

Они были ровесниками, двоюродными братьями. До 1825 года братья часто встречались, жили вместе, помогали и заботились друг о друге, когда это было необходимо. После грозных событий их дружба не ослабла, а выдержала все суровые испытания.

Их объединяли литературные интересы и общественно-политические взгляды: Одоевский был декабристом, Грибоедова тоже привлекали по делу 14 декабря.

Александра Сергеевича Грибоедова мы, в известной мере, можем тоже назвать своим земляком, владимирцем. В молодости он неоднократно бывал во Владимире и Муроме, в имении отца, интересовался нашим краем, изучал его историю, особенно историю Владимира и Суздаля. И назвали его Александром, как он пишет в письме от 13 марта 1818 года к Бегичеву, в честь владимирского князя Александра Невского.

Род Грибоедовых, такой же старинный, как и Одоевских, был связан с Владимирским краем. Отец и мать Александра Сергеевича Грибоедова имели во Владимирской губернии земельные владения. Его деду — Ивану Никифоровичу, отставному секунд-майору, принадлежало село Сущево Владимирского уезда, за которым числилось 113 десятин земли и 57 ревизских душ. В том же Владимирском уезде он имел сенокосный покос на одной из пустошей, а дядя Грибоедова Владимир Леонтьевич владел селом Великово в Ковровском уезде. Мать Грибоедова Настасья Федоровна являлась собственницей пустоши «Митьково польцо» в Гороховецком уезде.

Впервые Грибоедовы в документах губернии упоминаются в 1645 году, а в конце XVII века в святцах Спасо-Евфимиевского монастыря они записаны в вечное поминание. По «Жалованной грамоте дворянству», данной Екатериной II, Грибоедовы занесены в дворянские книги, в ее 6-ю часть — «столбовые дворяне» Владимирской губернии с родословной от стрелецкого полковника Семена Грибоедова.

В 1760 году Иван Никифорович Грибоедов был товарищем воеводы г. Владимира, а немного позже — председателем Владимирского магистрата.

Отец Александра Грибоедова, Сергей Иванович, родившийся в 1760 году, «15 лет поступил вахмистром в Кинбургский драгунский полк»[1]. В 1765 году, в чине капитана, не побывав ни в одном сражении, «по имеющимся у него разным болезням», ушел в отставку. Умер же в чине секунд-майора. Он не мог похвалиться большим образованием: «грамоте читать и писать по-российски умеет».

В 1791 или 1793 году Сергей Иванович женился на Настасье Федоровне Грибоедовой (однофамилице). От этого брака было двое детей: Мария и Александр.

Родился Александр Сергеевич Грибоедов в Москве.

---

[1] А. С. Грибоедов, т. 1., П., 1911, стр. 3.

В 1816 году Сущево еще числится за Грибоедовыми, что подтверждают «Выписки из экономических примечаний к плану к городу Владимиру с выпасами его землями и лежащими вокруг его на 5 верст землями 1876 г.». Сущево топографически было связано с Владимиром. В студенческие годы Грибоедов неоднократно приезжал в Сущево.

Затем село переходит к помещикам Логинским, дальним родственникам Грибоедовых, а от них — к известному владимирскому историку и краеведу Д. А. Смирнову, тоже находившемуся в родстве с Грибоедовым по матери. Он, кстати, и стал первым биографом Александра Сергеевича.

Недавно автору удалось побывать в Сущеве (теперь Суздальский район). Большое красивое село, все утопает в садах и стоит оно как-то по-своему. Дома заняли склоны нескольких оврагов, спускающихся к речке со звучным названием Ирпень.

А кругом, прямо к селу, его усадьбам, подступают пшеничные поля. Это граница Владимирского ополья.

Грибоедовская усадьба стояла на высоком крутом берегу Ирпени, заросшем черемухой, орешником, ивняком. В то время и сама Ирпень была широкой, полноводной рекой с большой поймой.

От поместья, вероятно, уже Смирновского, сохранились мощные столетние вязы, липы и березы да домик, в котором сейчас размещается сущевская начальная школа. Конечно, домик подвергался неоднократным переделкам, но его внешний облик сохранился хорошо.

В нем теперь три комнаты. Местные жители рассказывают, что недалеко находился еще дом с кухней, на его месте стоит сейчас школьный сарай, а дорожка, идущая к пруду, выложенная известняковыми плитами, цела до сих пор. Вплотную к школе примыкает большой фруктовый сад совхоза «Знамя Октября», расположенный на месте бывшего барского сада. Границы его обозначают старые защитные деревья. Сохранились амбары и другие хозяйственные постройки. Школа устроилась так уютно и удобно, в стороне от другого жилья, в центре сада, что за деревьями ее и не скоро найдешь.

26 июня 1812 года Грибоедов вступает после окончания университета в Московский гусарский полк. Ему присваивается воинское звание — корнет. Но полк в военных действиях участия не принимал, его передвинули из Москвы в Казань; и Грибоедов вместе с полком снова побывал во Владимире и Муроме. В Казани полк находился до декабря 1812 года, до расформирования, по причине смерти его содержателя — графа Салтыкова. Часть солдат и офицеров перевели в Иркутский гусарский полк, пострадав-

ший в боях. В нем оказывается и Грибоедов. Но дел для него в полку не было, и он взял отпуск «по болезни».

В 1813 году приезжает во Владимир, где живет некоторое время, часто навещает Сущево.

По возвращении в Москву Грибоедов назначается адъютантом генерала кавалерии Кологривова, который ведал формированием кавалерийских резервов. Грибоедов внимательно изучает организацию этого дела и целиком отдается новым занятиям. Одним из центров кавалерийских формирований являлся город Муром, куда вместе с генералом Кологривовым приезжал Грибоедов. Здесь они застают полный развал дела формирований.

Их предшественник, собственно, и не начинал его. Разобравшись с положением дел на месте, Грибоедов пришел к выводу, что «раскрипт царя» о создании в Муроме большого резерва не мог быть выполнен, т. е. ни нужного поголовья лошадей (9 тысяч), ни фуража в округе Мурома не было. Все это заставило Грибоедова изучить всю организацию формирования резервов в русской армии, и в «Вестнике Европы» за ноябрь 1814 года он публикует статью «О кавалерийских резервах», где излагает свой взгляд на этот вопрос и предлагает план более разумной организации формирований.

Сделаем две выписки из этой статьи, которые относятся к Мурому: «18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов раскрипт царя о принятии его в службу и повелел приготовить в Муроме 9000 кавалерии по два эскадрона для каждого гвардейского полка» и «В Муроме делалось заготовление провианта и фуража на 12 000 человек и 9812 лошадей. Генерал Кологривов по прибытии своем туда прекратил сие, соображаясь, что такое число людей и лошадей не могло прийти в одно место и содержаться в одном месте»[1].

Биографы Грибоедова как-то упускают из виду эту статью, а она является одной из первых публикаций, принадлежащих перу будущего великого писателя.

Остается выяснить, как долго и где жил Грибоедов в Муроме и Владимире. Из его биографии известно, что в июне 1817 года он уехал в Петербург и больше в наших краях не бывал.

Не исключена возможность, хотя автор не располагает данными, встречи на владимирской земле А. И. Одоевского и А. С. Грибоедова. Николаевское и Сущево находились друг от друга на расстоянии не более сотни верст, а дорога от Москвы до Николаевского шла мимо Сущева.

---

[1] А. С. Грибоедов. Т. 3, П., 1917, стр. 13.

Конец лета 1824 года Грибоедов и Одоевский вместе провели в Стрельне, а затем перебрались на петербургскую квартиру. Именно здесь Грибоедов познакомился с декабристами. Он хорошо знал многих из них, в том числе П. Муханова, Ф. Шаховского. Грибоедов был хорошо осведомлен о делах декабристов, недаром его привлекали к следствию. Кстати, Одоевский всячески старался выгородить Грибоедова, отрицая его участие в обществе.

На петербургской квартире была размножена «в несколько рук» комедия Грибоедова «Горе от ума». Одоевский хлопотал вместе с Грибоедовым о разрешении к напечатанью упомянутой комедии.

Братья и единомышленники никогда не отказывали друг другу в помощи.

Когда Одоевский попал в изгнание, Грибоедов использовал все возможности для того, чтобы отправить в Сибирь письма, книги, другие вещи, хотя это было небезопасно. Он прибегает к помощи Елизаветы Алексеевны Паскевич, урожденной Грибоедовой, своей родственницы. Просит повлиять на мужа, знатного вельможу, наместника в Польше, фельдмаршала Паскевича, пользующегося особым вниманием царя, чтобы добиться перевода Александра Одоевского из Сибири на Кавказ. Эти объединенные усилия отца Александра Ивановича и двоюродного брата увенчались успехом.

О связях Грибоедова с Владимирским краем свидетельствуют и сохранившиеся архивные данные, из которых узнаем, что Грибоедовым принадлежало село Завалино Покровского уезда (теперь Кольчугинского района), что в Собинке хранятся грибоедовские часы, описанные в «Горе от ума».

Высокие, темного дерева, с римским циферблатом часы, сделанные в Лондоне во второй половине XVIII века, стояли в московском доме Грибоедовых.

В Собинку часы, вероятнее всего, попали через Алябьевых. С композитором Александром Алябьевым дружил Александр Сергеевич Грибоедов. В бывшем Владимирском уезде, теперь в Собинском районе, было несколько имений, принадлежавших Алябьевым. В одно из них — Братилово — к своему племяннику часто приезжал композитор и, возможно, вместе с ним и Грибоедов. Это предположение подтверждает тот факт, что грибоедовские часы долгое время были именно в этом братиловском имении. В Собинку часы попали после переезда родственников Алябьева из Братилова.

Часы только однажды покидали своего нового хозяина. В конце прошлого века они участвовали в постановке Малым театром «Горя от ума».

«ЛИЧНО ДЕЙСТВОВАЛ В МЯТЕЖЕ»

Панов Николай Александрович, 1803—1850

О декабристе Николае Александровиче Панове, хотя он и принадлежал к числу самых мужественных, самых решительных участников восстания 14 декабря, сохранилось до обидного мало сведений.

В обширной литературе о декабристах, систематизированной в «Библиографии, составленной Ченцовым», значится 4450 книг и статей. О Панове же упоминается только в шести работах, и то мельком.

Не сохранилось о нем ни воспоминаний, ни архивов. Мы о нем знаем очень мало, особенно о его жизни до восстания.

А он, пожалуй, единственный из всех декабристов, выполнивший полностью порученную ему часть плана, — вывести на Сенатскую площадь солдат лейб-гвардии гренадерского полка.

Панов не присягал Константину, когда к присяге приводился весь полк. Он переходил от роты к роте и призывал солдат к неповиновению. И когда на Сенатской площади раздались выстрелы, он воскликнул: «Слышите, ребята, там уже стреляют! Побежим на выручку нашим, ура!» За ним пошло несколько рот. Восставшие солдаты отбили полковое знамя у охраны и двинулись из казармы. Когда же путь им преградил караул, то его смяли.

Колонна в организованном порядке, во главе со своим командиром — поручиком Пановым, вышла из ворот казарм, двигаясь к Зимнему дворцу. Она оттеснила его охрану, вступив в рукопашную схватку, и по существу завладела всеми входами. Панов, узнав, что здесь «своих», то есть участников восстания, никого нет, повел отряд на Сенатскую площадь. Путь ему преградила кавалерия, личная охрана Николая. Пановцы пробились через нее.

Действия отряда, руководимого Пановым, были решительны, смелы. Командир полка Стюллер все время бежал за полком, пытался остановить его, увещевал солдат, но все было бесполезно.

Пановцы успели соединиться с восставшим Московским полком и были готовы к самым решительным действиям. Это был последний отряд, примкнувший к восстанию. И не вина солдат и Панова, что напрасно пролилась их кровь. Известно, что они не получили никаких распоряжений о том, что делать дальше, так как восстанием фактически никто не руководил.

А если бы такую решительность проявили все руководители восстания, то все могло бы повернуться иначе. Николай I сам после говорил, что восставшие имели полную возможность захватить

Н. А. Панов. Литография А. Т. Скино 1850-х гг. с утраченной акварели Н. Бестужева. Петровский завод. 1839 г. Лист, принадлежащий А. И. Герцену

Зимний дворец и он мог бы оказаться без шинели на улице среди разъяренных солдат. Во время доклада великого князя Михаила Павловича о событиях в лейб-гвардии гренадерском полку Николай сказал: «Эти поручики (Панов и Стутгоф) увлекали за собой весь полк, а полковой командир, пытавшийся остановить солдат, был убит».

Из воспоминаний декабриста полковника Булатова известно, что Панов был хорошо знаком с Рылеевым, бывал «приглашаемым» к нему на квартиру и выполнял различные его поручения, извещал членов Северного общества о встречах.

Когда восстание было подавлено и стало ясно, что все погибло, Панов не отступился от товарищей. Он мог скрыться, какой-то человек предложил ему «партикулярную шинель» (гражданскую), чтобы он мог уйти с площади, но Панов отказался. После он уехал к брату, ночевал у него, но, узнав, что арестовано много солдат и офицеров, поехал сам в Петропавловскую крепость и сдался ее коменданту.

Теперь попытаемся восстановить его биографию. Родился Николай Александрович в 1803 году, в 1820 году произведен в подпоручики, а в 1824 году — в поручики. В лейб-гвардии гренадерском полку он командовал 4-й ротой. Панов принадлежал к числу образованных людей, хорошо знал французский и немецкий языки, увлекался математикой, историей, географией. На следствии показал, что начало вольнодумству положило чтение «книг о революции».

В тайное Северное общество Панов был принят всего за месяц до 14 декабря. В то время он был очень молод.

Николая Александровича Панова приговорили к каторжным работам «навечно» за то, что он «принадлежал к тайному обществу, лично действовал в мятеже, возмутил несколько рот, вступил с ними на двор Зимнего дворца и потом присоединился к другим мятежникам на площади, команда его производила стрельбу».

Панов в камере Петровского завода. Рисунок Николая Бестужева

В 1826 году вечную каторгу ему сократили до 20 лет, долго содержали в крепости Сартгольм, а 25 августа 1827 года доставили в Нерчинск, где он и пробыл десять лет.

В 1837 году Панов был направлен на поселение в село Михайловское Иркутского округа, а затем его переселили в село Уриковское, где он жил вместе со своим земляком Мухановым. Крепости и тюрьмы не прошли даром для Панова, он все время болел и 14 января 1850 года, находясь на лечении в Иркутске, умер. Похоронен в местном Знаменском монастыре.

Какое же отношение имеет Панов к Владимирской губернии?

В «Алфавите декабристов» на странице 375 указывается, что он и его двоюродный брат Дмитрий Алексеевич Панов — отставной поручик лейб-гвардии Подольского кирасирского полка — являются помещиками Владимирской, Пензенской и Калужской

губерний. Вот пока и все. Установить имения, принадлежавшие Николаю Панову, равно как и место его рождения, еще не удалось.

В «Алфавите дворянских родов» есть указания о том, что помещики Пановы, в частности Алексей Гаврилович, неслуживший дворянин, имели земли и жили в Александровском уезде. Очевидно, это отец Дмитрия Алексеевича, двоюродного брата Николая, о котором указывается в «Алфавите декабристов». Теперь надо установить связь Николая с этим уездом, а возможно, и каким-то другим.

Видимо, на основании этих данных М. Нечкина относит Н. А. Панова к группе декабристов, вышедших из Владимирской губернии.

ДРУГ РЫЛЕЕВА

Муханов Петр Александрович, 1798—1854

Родословная Мухановых очень обширна. Она подробно описана в книге А. Л. Сиверса «Материалы к родословию Мухановых» в частном издании 1900 года, а также в перечне личных фондов, в которых указывается Петр Александрович Муханов и другие Мухановы.

В формулярных списках дворян по Александровской округе Владимирской губернии за 1826 год имеются более конкретные данные: Иван Ильич Муханов — действительный статский советник, по военной службе — бригадир, с 1800 года в отставке, жил в селе Успенском; ему же принадлежала деревня Новинки. Он имел 143 крестьянские души, а его брат Павел, секунд-майор, с 1796 года в отставке, владел деревней Ивашково и 141 крестьянской душой.

Семейство Мухановых встречается в этих списках и в 1841 году. В Александровском уезде было большое село Успено-Мухановское, теперь оно Московской области, передано в ее состав в 1942 году, во время организации Струнинского района. Только овраг отделяет село от Владимирской области. Успено-Мухановское находится в 7 километрах от шоссе Москва — Ярославль, недалеко от Загорска. От магистрали идут две дороги: одна на Александров, другая — противоположная — на Муханово.

Почти сразу от дороги начинаются живописные холмы, покрытые лесом и изрезанные ручьями, на одном из них и размещалась барская усадьба с некогда величественным и красивым домом старинной постройки. Известно, что в 1755 году дед декабриста Илья Ипатович Муханов построил церковь Успения и название села Муханова стало Успено-Мухановское. От барской

усадьбы уцелела только часть парка да некоторые постройки и памятник красного гранита, на котором видна четкая надпись, что под ним покоится прах Алексея Ильича Муханова и его жены Варвары Николаевны. Местные старожилы утверждают, что около Успенской церкви были похоронены все Мухановы, в их числе и отец Петра Муханова.

Сейчас село превратилось в большой и красивый поселок Муханово, широко раскинувший свои улицы. Почти у подножья холма находится фарфоровый завод, тоже созданный кем-то из Мухановых.

Родоначальником Мухановых был Ипат Калинович — контр-адмирал петровских времен, выходец из Польши, прадед декабриста. Ипат Калинович пользовался расположением Петра I, бывавшего у него в гостях. Петр женил Ипата Калиновича на Марии Ивановне Шаховской. При его содействии И. Муханов получил и село Новинки с деревнями в собственность.

Отец декабриста Александр Ильич (1766—1855) — полковник конной гвардии, после отставки — казанский, полтавский и рязанский губернатор, последние годы жизни провел в Москве. Он занимал видное место при дворе. В его семье было четыре сына и дочь Елизавета, по мужу княгиня Шаховская, родственница декабриста Федора Шаховского.

Пока не ясно, где родился Петр Муханов, где протекало его детство. Возможно, в Москве, а всего вероятнее, в родовом Успено-Мухановском, что подтверждает, например, одно из писем Муханова Валентину Шаховскому из Усть-Куды 9 марта 1849 года. Шаховской сообщает ему, что посетил с сыновьями Мухановское. И вот под впечатлением, навеянным воспоминаниями детских лет, Муханов пишет:

«Я уверен, что ты был принят радушно и провожаем горестно. Это до сие время любимое наше место... Я бы сходил пешком на поклонение каждому кусту и не знаю, не умер ли бы я в первый день с радости или от множества самых живых воспоминаний. Извини, что я позавидовал твоему последнему путешествию и несколько недоволен был, что ты так коротко писал мне оттуда» [1]. К сожалению, самого письма Шаховского не сохранилось.

Эти дорогие для Муханова воспоминания не могли бы его так взволновать, если бы пребывание в родном имении было кратковременно. Можно предполагать, что детство он провел в Муханове и что оно протекало так же, как и у всех молодых дворян того времени.

---

[1] П. Попов. П. А. Муханов в Сибири. В кн.: «Декабристы на каторге и в ссылке». М., изд. политкаторжан, 1925, стр. 240.

6 Заказ 3757

Петр Александрович Муханов. Акварель Н. Бестужева. Петровский завод, декабрь 1832 — январь 1833 г. Основное собрание, Москва

Из его формуляра узнаем, что он хорошо знал языки: французский, немецкий, английский, увлекался математикой и позже артиллерией, которую хорошо знал. Свое систематическое образование получил в Московской школе колонновожатых.

Пробыв некоторое время в должности колонновожатого, он переводится в армию, и в 1816 году ему присваивается звание поручика.

Армейскую службу он начал адъютантом командира гвардии саперного батальона, которым командовал граф П. В. Голенищев-Кутузов. В 1821 году был переведен в Измайловский полк, а в 1823 году становится адъютантом генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского. 25 ноября следующего года Раевского уволили, и Муханов остается без должности. В это время он едет на Кавказ и пытается поступить на службу в корпус генерала Ермолова, но сделать это ему не удалось. В 1825 году Муханов оказывается в Москве. Времени у него было достаточно, тем более что своей семьи он не имел, и он навещает любимое Мухановское.

С 1819 года Муханов — член Союза благоденствия, в который был принят по рекомендации Бестужева, а затем входит в Северное общество. Был причислен ко Второй управе этого общества.

До ареста бывал на Кавказе, в Киеве, Одессе, где сблизился с членами Южного общества. Был одинаково близок декабристам как Севера, так и Юга.

Во время поездок с Раевским для инспектирования войск Муханову поручалось узнать о злоупотреблении правительства и причинах народного недовольства. Этот факт говорит о том, что декабристы пытались знать настроения в народе в интересах своего дела, но вот использовать их они не смогли, точнее, не хотели.

Накануне восстания Муханов был в Москве, где встретился с декабристом Якушкиным. Они вместе поехали на квартиру к Митькову. Декабристы собирались и на квартире самого Муханова.

Когда стало известно о провале восстания в Петербурге, то во

время обсуждения плана действий московских декабристов на квартире Митькова Петр Муханов выдвинул план — поехать в столицу и убить Николая I, чтобы выручить из крепости всех арестованных, так как «их ничто не спасет», кроме смерти царя. Предложение было настолько неожиданным, что присутствующие, ошеломленные этим, слушали Муханова молча, без малейшего возражения, как вспоминает об этом Якушкин.

Тем не менее план Муханова обсуждали, но, взвесив все, отказались от его принятия, признав несерьезным. Только Муханов твердо держался своих взглядов. Позднее обсуждал их с другими декабристами.

Муханов после провала хотел выехать из Москвы, но на первой станции был арестован. В Петербург доставлен 9 января 1826 года с предписанием царя содержать под строжайшим арестом, как опасного преступника. Был заключен в Петропавловскую крепость. Штабс-капитан Муханов Петр Александрович осужден по четвертому разряду за то, что «произносил дерзостные слова в частном разговоре, означающие мгновенный порыв на цареубийство, и принадлежал к тайному обществу, хотя без полного понятия о сокровенной цели относительно бунта». После вынесения приговора содержался в крепостях Свеаборг и Выборг.

В Выборгской крепости Муханов был заключен вместе с М. Ф. Митьковым и Луниным. Условия жизни в этой тюрьме были ужасны — камеры тесные, сырые, крыша гнилая и протекала: «дождь шел через потолок». В Сибирь его отправили вместе с Пущиным и Поджио 27 октября 1827 года. Их везли через Ладогу, Ярославль, Макарьев.

Пущин в письмах с дороги просил свою сестру уведомить Елизавету Александровну Шаховскую, сестру Муханова, которая живет в Москве на Пречистенке, о ее брате. «Скажи ей, — писал он,— что ее брат перевезен из Выборга для присоединения к нам— и, слава богу, мы все здоровы». В Ярославле с Мухановым встретилась сестра Лунина, Е. С. Уварова, которая передала арестованным табак, белье, разные вещи. Через сестер Пущина пересылались письма Муханова родным.

На пути в Сибирь Муханов встретился с князем Куракиным, и когда тот удивился его спокойствию, Муханов ответил: «У меня просто большая сила характера. Я сознаю свое положение, подчиняюсь велениям провидения и полагаю, что не будучи в состоянии изменить своей участи, лучше переносить ее с мужеством, чем позволить дать себя унизить малодушием, недостойным человека»[1].

---

[1] Б. Л. Модзалевский. Декабристы на пути в Сибирь. М., 1925, стр. 128.

В Чите все трое выборгских узников: Муханов, Митьков, Лунин — снова соединились в одной камере.

Муханов был приговорен к 12 годам каторги, позднее сокращенной до 8 лет, но на родину вернуться не смог: погиб в Сибири. Половину своей жизни этот одаренный человек провел в крепости, на каторге и в ссылке.

И в ссылке он сохранил свой замечательный характер, был прост и внимателен к товарищам.

Сохранилось почти единственное описание Муханова. Он был человек высокий, полный, обладающий большой физической силой, рыжий, носил длинные усы. Был очень общительный, мягкий и застенчивый и в то же время решительный. Одевался Муханов небрежно и за своим костюмом не следил.

В 1832 году он был выпущен из тюрьмы на поселение в Братский Острог, где прожил безвыездно 9 лет. Никого из друзей за это время не видел и ни с кем не переписывался. Связь поддерживалась только с сестрой, ее мужем В. Шаховским и матерью. Он сам писал, что «сохранил переписку свою с семейством своим, состоявшим из 3 лиц».

Переписку с родными Муханов вел регулярно. В архиве Шаховских (имение Белая Кольп Серпуховского уезда) сохранилось 110 его писем. Из них мы узнаем о его настроении и занятиях, о мерах, которые он предпринимает, чтобы выбиться из нужды. Самыми отрадными минутами его жизни были те, когда он получал письма, почту и готовил свои ответы. Но его тяготила финансовая зависимость от родных, он часто извиняется в том, что заставляет их нести дополнительные расходы.

Брат Павел скоро забыл о Петре Александровиче, не писал и денег не посылал. Он высоко поднялся по служебной лестнице, став членом Государственного Совета, и брат-декабрист шокировал его. Материально его поддерживали Шаховские. Постоянные заботы о средствах к существованию, неудачи с хозяйством, плохая квартира давали себя знать. Муханов стал часто болеть. Поехал в Иркутск лечиться. «Сильная боль, сжатие сердца и сверх того расслабление ног заставили меня помышлять о лечении». В Иркутске он застал всю колонию декабристов и нашел, что все постарели, дурно изменились внешне.

Братский Острог в то время был небольшой деревней с 60-ю дворами, находившейся в трехстах верстах от города, связь с которым была возможна только по Ангаре.

Отрезанный от культурного мира, друзей, забытый многими родственниками, Муханов переживал трудные дни. Надо было на что-то себя содержать и занять свое свободное время, которого имелось предостаточно.

Муханов пытался делать переводы, но безрезультатно: не было заказов и справочной литературы. В период ссылки занимался хлебопашеством, хозяйство довел до 17 десятин. Но так как несколько лет были неурожайные, а в благоприятные — хлеб становился дешев, да еще на каждом шагу обманывали перекупщики, земледелие никакого дохода ему не давало. Муханов сам говорил, что то «хлеб его ест», то он «сидит без хлеба». Пытался наладить конную молотилку, но и здесь его постигла неудача. Занимался охотой, рыбной ловлей, приобрел даже судно и снасти, но и в этом не имел успеха.

В период «золотой лихорадки» в Сибири настойчиво уговаривал Шаховского приобрести участок земли и «вступить в дело».

В апреле 1834 года по просьбе матери его переводят в Усть-Куд — село, находящееся в 24 верстах от Иркутска. Здесь и в округе он встречает своих товарищей и друзей: братьев Поджио, Муравьевых, Волконского, Панова, Вольфа, Якубовича, братьев Борисовых, семью Юшиневского. Жизнь пошла интереснее, сложилось хорошее общество.

В Иркутске встречается и с другими декабристами.

Волконский в одном из писем писал: «Приехал, пожил с нами и на днях уехал тот же добрый и почтенный Муханов, тот же неуклюжий толстяк, прямодушный, как и прежде, изредка острит «насчет ближнего» и готов всякому оказать услугу».

Сибиряки очень тепло отзывались о Муханове. Б. В. Струве в своих воспоминаниях о Сибири 1848—1854 гг. писал: «Петр Муханов и А-р В. Поджио просвещенным своим умом, приветливостью обращения и выработанностью взглядов на условия сибирской жизни более всех пленяли нас своими беседами».

Судя по письму Пущина, переписка с которым наладилась, Муханов на поселении все время бедствовал. Он был должен 500 рублей и ломал голову, как их заплатить.

Тяготы и ссылки усугубили личное горе: он не мог соединиться с любимой женщиной, княжной В. М. Шаховской. С Варварой Михайловной он встречался задолго до восстания и полюбил ее. После вынесения приговора она приехала в Сибирь вместе со своей сестрой — женой декабриста А. Н. Муравьева, но вынуждена была жить вдалеке от любимого, в доме своего зятя.

Она всячески помогала декабристам, через нее шла оживленная переписка, посылались книги и различные вещи. Все это приходилось делать осторожно. Чтобы не вызвать подозрения полиции, письма перевозились в баулах с двойным дном. А в ее квартиру даже проник провокатор и чуть не погубил все дело.

10 лет она прожила вблизи Муханова, но ни разу не смогла с ним встретиться. Шаховская обращалась с просьбой о разреше-

нии на ее брак с Мухановым к Бенкендорфу. Тот прислал ей бездушный ответ: «Доложено государю, приказано оставить». Для этого был использован формальный повод: брат Шаховской был женат на сестре Мухинова, и по канонам православной церкви другой брат был недопустим. Измученная, доведенная до отчаянья, Варвара Михайловна тяжело заболела и в 1836 году скончалась.

Известие о смерти Шаховской тяжело отразилось на здоровье Муханова. Вскоре умерла и горячо любимая его сестра. Этот богатырского сложения человек был сломлен, тяжело заболел. Его письма этого периода к родным полны безнадежности и грусти. Он пишет, что не знает, «нужен ли для него хорошенький домик или узкий гроб». Дом он начал строить в надежде на приезд к нему Шаховской.

«Для них я отпет на площади (Сенатской) и похоронен в Сибири». Он умер в Иркутке, куда приехал для лечения 12 февраля 1854 года. Похоронен в Знаменском монастыре; не так давно была найдена его могила.

Его мать неустанно хлопотала о переводе сына в Московскую губернию для поправки здоровья. Но, когда пришло разрешение царя, было уже поздно: Муханова не стало. Только год с небольшим пережила сына мать: она скончалась 5 июля 1855 года. Так была изломана судьба еще одной замечательной семьи.

Дружеские узы прочно связывали Муханова с Рылеевым. Рылеев часто обращался к Петру Александровичу за помощью даже в устройстве личных дел. Так, находясь в Киеве, Муханов принял участие в продаже дома, принадлежавшего Рылееву, и справился с этим отлично.

Петр Александрович высоко ценил гражданскую лиру Рылеева и его издательскую деятельность. В журнале «Русская старина» за ноябрь 1888 года опубликовано одно из немногих сохранившихся писем П. Муханова к Кондратию Рылееву. Оно датировано 31 января 1824 года и, судя по тексту, написано в Киеве. В нем Муханов благодарит Рылеева за присланные экземпляры «Звезды» («Полярная звезда») и особенно за экземпляр журнала с подписью Рылеева, направленный лично Муханову. Он обещает реализовать их в Киеве, сдав на комиссию в книжные магазины. Пишет, что лучшими стихами в этом сборнике являются стихи Рылеева: речь идет о поэме «Войнаровский», которую Рылеев уже начал печатать.

В этом письме Муханов приглашает Рылеева путешествовать по югу России. Затем упоминаются общие знакомые, сообщается о том, что «общее дело идет хорошо», называются различные люди, с которыми Муханов встречался как по делам общества, так и по личным поручениям Рылеева.

Неизвестно, ответил ли на это письмо Рылеев.

Николай Бестужев в своих «Воспоминаниях» писал, что Рылеев посвятил Муханову думу «Смерть Ермака». Муханов же оказывал большую помощь своему другу в литературных делах, принимал активное участие в выпуске и издании «Дум» и «Войнаровского», помогал Рылееву получать произведения видных писателей, в том числе и Пушкина, для «Полярной звезды».

В письме от 13 апреля 1824 года из Одессы Муханов подробно пишет Рылееву о том впечатлении, какое произвела его поэма «Войнаровский», ходившая там в списках, на интеллигенцию и о реакции на нее Пушкина и декабриста М. Орлова, с которыми он познакомился в Одессе. Пушкин читал ему первую главу «Евгения Онегина», «Вадима», начало «Братьев разбойников». Муханов также был близко знаком с А. Бестужевым, Плетневым, Корниловичем.

Когда возникли осложнения из-за строгостей цензуры с изданием «Дум» и «Войнаровского» в Петербурге, Рылеев решил напечатать их в Москве, использовав хорошее отношение к нему князя П. А. Вяземского. Посредником же между ними был опять-таки Муханов.

Рылеев, бывший в это время в воронежском имении Тевяшевых, выдал П. Муханову доверенность для представления ее в Московский цензурный комитет и послал ему рукописи. Муханову удалось довольно быстро получить разрешение на напечатание «Дум».

Вот текст доверенности:

> «По нахождению моему в городе Воронеже покорно прошу гвардии капитана Петра Александровича Муханова подать рукопись мою в Цензурный комитет Московского университета и обратно получить оную.
>
> Воронеж
> Ноября 14 дня 1824 г. К. Рылеев».

А в записке издателю Селивановскому (декабрь 1824 года) Рылеев писал, что ему желательно издать «Войнаровского» и «Думы». «Я поручил об этом переговорить с Вами Петру Александровичу Муханову; надеюсь, что Вы с ними сойдетесь: человек редкой души и отличных правил».

Об этом же Рылеев пишет и П. Вяземскому в январе 1825 года. Он благодарит князя за участие в издании его поэмы, указывая, что Муханов писал ему о том, что Вяземский взял на себя хлопоты об издании. В этом же письме Рылеев посылает письма и для Муханова в незапечатанном конверте.

Кондратий Федорович Рылеев

С Рылеевым Муханова связывали не только литературные интересы. Муханов принимал активное участие в делах тайного общества. Декабрист Оржицкий в своих показаниях (10 января 1826 года) сообщает, что он у Рылеева часто видел братьев Мухановых.

Петр Муханов принадлежал к числу людей образованных, интересующихся литературой, военной историей, в декабристских кругах он считался литератором, писал статьи в журналы «Сын отечества», «Соревнователь просвещения», «Северный архив» и другие. На следствии Муханов показал, что «преимущественно занимался естественными науками, историей и статистикой». В 1824 году он обратился в Главный штаб и Цензурный комитет Министерства просвещения с проектом издания «Военного журнала», который мог бы «некоторым образом заменить ценность иностранных книг и совершенный недостаток русских».

Он разработал и программу этого журнала. Но журнал не увидел света: отказали, сославшись на формальные причины — не в ту инстанцию вначале обратился. То же случилось и с подготовленными им материалами для журнала «Русская старина» — «Совет о сдаче Москвы». В статьях было много нового, расходящегося с официальными версиями, с чем не могла согласиться цензура.

Не были напечатаны также составленные Мухановым «Военно-статистические записки о южных губерниях» и статья «Описание колоний».

Та же участь постигла и подготовленные им к печати «Письма Ломоносова и Шувалова».

Весной 1825 года Муханов едет на Кавказ. Оттуда он привез рукопись «Поездка в Грузию и Карабах». Некоторые ее главы были напечатаны в «Московском телеграфе». Муханов предполагал издать «Поездку» отдельной книгой, но последующие события не позволили осуществить этот замысел. Митьков, его земляк, читавший рукопись, характеризовал ее как «либеральную книгу».

О широте кругозора Муханова, его начитанности говорит и такой факт. Еще будучи преподавателем школы колонновожатых, в которой он вел курс общей и математической географии, он просил будущего декабриста Корниловича написать учебник географии, для которого Муханов составил проспект, определив структуру и направление будущего учебника.

Муханов не прекратил литературных занятий и в ссылке.

В журнале «Урания» за подписью «Z», уже после ареста Муханова, был опубликован его очерк «Светлое воскресенье», направленный против большого света и проникнутый симпатиями к простому народу.

Муханов был знаком со всеми выдающимися писателями той эпохи, часто встречался с А. С. Грибоедовым. Последнее их свидание состоялось в Москве в конце мая 1825 года. Он увлекался и музыкой и даже сочинил либретто к опере Алябьева «Лунная ночь, или Домовые».

В период каторги и ссылки декабристы развивали разностороннюю и очень активную деятельность. В Чите было организовано «Литературное общество», председателем которого избрали П. А. Муханова. В этом обществе читались и обсуждались поэтические и прозаические произведения, критические статьи и научные доклады. Там же, в Чите, был создан литературный альманах «Зарница», который декабристы думали издавать в Петербурге или в Москве. Эта идея нашла поддержку у всех заключенных.

Вначале попытка издания альманаха была сделана через жен декабристов. Они начали переписку со своими знакомыми в Петербурге, но ответом было молчание.

Журнал так и не был разрешен. Рукописи, приготовленные для альманаха, Муханов сжег, чтобы не навлечь новой беды на себя и товарищей.

М. Бестужев вспоминает, что П. Муханов был инициатором литературных вечеров, когда осужденные находились еще в казематах Петровского завода. Проводились они в коридоре, который служил и общей столовой. Петр Александрович являлся председателем общества, как «истинный любитель русской литературы и компетентный ценитель ее». Между прочим, декабристы давали Муханову свои произведения на отзыв. Репутация знатока за ним осталась и в период поселения. У него хранились рукописи. Многие из них уничтожались перед каждым очередным обыском полиции. В частности, были сожжены рукописи морских рассказов Бестужева.

В разрозненных бумагах Муханова, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве, находится несколько

стихотворений Одоевского, самого Муханова и других авторов. Возможно, все они предназначались для предполагаемого сборника. Он писал и бытовые рассказы и повести, которые пользовались у декабристов-узников большим успехом.

В бумагах Муханова уцелели черновые наброски рассказов: «Три генеральши», «Журналы», а на обложке одной тетради сохранился написанный рукой Муханова перечень очерков: «Первый выезд на бал», «Барские толки», «Житейские слезы», «Светлая неделя», «Три генеральши», «Ходок по делам», «Филантропия», «Сборы на бал», «Дядюшка». Сами же очерки не сохранились.

В ссылке же Муханов работал над большим очерком из сибирского быта: «Гришка — бакалейный разбойник». В одном из писем Вязёмскому он обещал вслед за стихами послать другую «подводку с прозой».

В «каторжной академии» Петр Муханов читал курс русской истории, а на поселении написал для своих племянников — Шаховских — книжку о «русской истории для детей». Правда, учиться по ней не пришлось. Автор разжег рукописью сырые дрова, ожидая очередного обыска.

Достойна удивления изумительная стойкость, которая могла быть лишь плодом глубокой убежденности, веры в справедливость дела, ради которого принесены такие жертвы.

Петр Александрович Муханов к К. Ф. Рылееву

(из переписки) 31 января 1824 г.

Ты мне прислал столько экземпляров «Звезды», сколько нет и на нашем небе. Но мне весьма жалко, что путешествие твоей «Звезды» было столько же медленно, как движение Юпитера. Контракты наши кончились, народы разъехались, и в Киеве... нет никого. Книгопродавец предлагает мне по семь рублей за все, говоря, что Четминей и киевские святцы лучше твоей книги. Я же озлобился за такое обидное для издателей мнение, отобрать у него и положить во все наши модные лавки, положа цену по 9 рублей (а один рубль сверх того за комиссию). Я надеюсь, что будет толк, ибо книга нового фасона.

Дело твое, о котором отчет послал тебе недавно, идет черепахиным маршем и злобит твоего ревностного и преданного адвоката. Маршал, судья и подсудка беспечно отъедаются в своих деревнях, как свиньи за корытом. Я употребил все средства, чтобы придать ходу, и заставить губернатора дуть в паруса поветового суда, но суд, как линейный корабль севший на мель, трещит, но не подвигается. Через три недели все Кривосудовы и Цапалкины съезжаются, присягают на правосудие, принимаются за суд и расправу и дебютируют твоим делом. Что касается до 10-летней давности, то будь покоен: 1-е прошение подано было в 1819 году, мое в мае 1823 г. и поэтому 10-летняя давность не может иметь влияние на уплату по твоим векселям [1].

---

[1] После отца, умершего в 1814 году, у Рылеева остались в Киеве разные запутанные имущественные дела.

Спасибо за экземпляр «Звезды», мне назначенный. С удовольствием читаю отрывки из твоей поэмы [1]. Без лести — лучшие стихи в «Звезде». И они придают интерес в ожидании всей поэмы. Если бы ты так хорошо писал письма ко мне, как стихи, то соединил бы к званию поэта и звание исправного друга. Жаль, что вы в «Звезде» поместили много стихов цеховых поэтов, можно было бы довольствоваться только первостатейными. Пиши мне, как идет твой Войнаровский. Я боюсь, чтобы ты, как киевские судьи не загулял, и твоя поэма не пошла бы, таким же шагом, как и твое дело. Впрочем, за хорошими стихами столько же труда и хлопот, как и за деньгами, с тою разницею, что стихи хорошего автора попадутся к бессмысленному читателю, а дело о деньгах к бессмысленному адвокату и к беспечным судьям.

Скажи мне, изменилось ли твое намерение путешествовать по южной части России, и когда едем мы в Крым? Я, несмотря на твою ветренность, па непостоянство, столь свойственное людям твоего ремесла, тешу себя мыслью, что мы будем вместе вскарабкиваться на крымские утесы, купаться в целительной грязи, — я для истребления фрянок, а ты для компании. Вот длинное письмо; надеюсь, что по крайней мере ты из учтивости напишешь мне ответ одной меры. Впрочем, будь весел и здоров. Преданный тебе П. Муханов.

До сих пор не имею твоего адреса. Не знаю, есть ли он в указателе жилищ г. Аллера [2]. Поэты суть важные люди, — и Аллеру стыдно, если он не указует их квартир».

Вот еще сохранившийся отрывок из письма Муханова, тоже, по-видимому, к Рылееву:

«... принадлежности, описание воспитания героя, столицы, портреты людей, коих ты узнаешь с первого разу, все прелестно; стихи так музыкальны, что, прочтя раз, заучишь наизусть. Пушкин гигантски идет к совершенству. Жаль, что ваш северный изгнанник не подражает южному — и пишет все инвалидные статейки. «Полярную звезду» получил в Киеве, — прошлогодняя была лучше; стихи очень плохи, образчики твоей поэмы мне очень понравились. Кланяйся Бестужеву и всем нашим общим приятелям и не забывай меня.

Преданный тебе Петр Муханов» [3].

24 генваря 1824 г.

В этом письме речь идет, по-видимому, о «Евгении Онегине». Сверху чьей-то рукой и другими, более яркими чернилами приписано начало к первой фразе, но с совершенно неверным указанием на содержание «Онегина», — не умею объяснить происхождение этой приписки.

---

[1] В «Полярной звезде» за 1824 год напечатаны два отрывка из «Войнаровского», поэмы Рылеева.

[2] «Руководство к отысканию жилищ по С.-Петербургу», издал Самуил Аллер. СПб, 1824.

[3] «Русская старина», 188, т. 60, кн. 2, стр. 325—327.

БОРЕЦ ЗА СОЛДАТСКУЮ ВОЛЮ

Спиридов Михаил Матвеевич, 1796—1854

Михаил Матвеевич Спиридов — выходец из родовитой знати екатерининских времен. Его дед, Григорий Андреевич Спиридов, — адмирал, герой Чесменской битвы. За победу над турками в этом сражении получил в числе других милостей из рук Екатерины II большую вотчину во Владимирской губернии. В нее входили села Нагорье [1] и Воскресенское с 14-ю деревнями, в которых имелась 1451 душа мужского пола. Состояние по тому времени огромное. В Нагорье адмирал построил роскошный дворец и каменный храм, где и был погребен его прах. Умер Г. А. Спиридов в 1790 году.

Отец декабриста, Матвей Григорьевич, родился в 1755 году, к нему-то и перешли все нагорьевские владения. Матвей Григорьевич не пошел по линии военной, поступил на гражданскую службу и по чиновничьей лестнице продвинулся далеко. Он стал сенатором и завоевал себе известность крупного специалиста по генеалогии дворянских родов, имевшей в то время большое значение. Им в 1803 году составлен «Родословный словарь», в 1805 году издана книга «Сокращенное описание служб благородных дворян», а затем — «Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве».

Умер М. Г. Спиридов в 1829 году.

Его сын Михаил Матвеевич родился в 1796 году. Мы пока мало знаем о его детских и юношеских годах, но изучение сохранившихся документов его жизни и деятельности позволяет сделать вывод, что молодой Спиридов впитал в себя все хорошее как от деда, так и от отца. От деда к нему перешла любовь к военной службе, отвага и героизм, доброе отношение к солдатам, от отца — увлечение писательским трудом; его интересовали социальные вопросы, которым он посвятил много статей.

Не может быть сомнения в том, что рассказы о деде, его морских победах определили будущее Михаила Спиридова: он стал офицером.

Воспитание Миша получил в семье. Его домашним образованием руководила мать — Ирина Михайловна Щербатова, принадлежавшая к числу образованных и знатных женщин того времени. Ее дед, князь Щербатов, — знаменитый историк XVIII века.

[1] Теперь входит в состав Переславского района Ярославской области, передано в 1929 году, в период ликвидации округов. Нагорье было в составе Александровского округа, а Переславский уезд входил во Владимирскую губернию.

М. М. Спиридов прекрасно знал французский и немецкий языки, увлекался историей и географией, хорошо рисовал. Слушал лекции француза Леграна, немца Шрене, поляка Фентина, которые являлись его домашними учителями. Их лекции заронили в душу пылкого юноши зерна сомнений. Он много читал, на следствии он сообщил, что слушание лекций и чтение разносторонних книг послужили первым толчком к вольнолюбивым, «крамольным» мыслям.

Михаил Спиридов был участником Отечественной войны 1812 года и проделал с русскими войсками весь путь до Парижа и обратно. В 1813 году он уже прапорщик, участник крупнейших «генеральных» сражений с наполеоновскими войсками.

За битву при Люцинее награжден орденом Святой Анны 4 класса. Сражался под Дрезденом, Кульмом, Лейтницем, при Арасе и под Парижем, проявив здесь большую храбрость, за что получил орден Святого Владимира.

Военная карьера сулила ему большое будущее. Летом 1825 года в его формулярном списке, в графе «достоин ли повышения в следующем чине», записано — «достоин».

Во все годы военной службы Спиридов продолжал свое образование: интересовался философией, социальными исследованиями, к этому добавился интерес к военным наукам и военному искусству. Это был разносторонне образованный и подготовленный офицер. Семьи у Спиридова не было, поэтому все свободное время от службы и друзей им посвящалось любимым занятиям. Он принадлежал к числу известных декабристских писателей-публицистов.

Почерпнутое в книгах получило убедительное подкрепление из наблюдений за жизнью крестьян и общения с солдатами, особенно, когда полк был расквартирован в Малороссии. Офицеры жили в крестьянских домах и имели возможность видеть жизнь крепостных крестьян. Находясь в Житомирской губернии, Спиридов записал: «...был более приведен в скорбь общей бедностью поселян...», «... видел неусыпную деятельность хлебопашца, плоды которой служат обогащению их панов», «... видел голод». И это заставило его сделать вывод: «Сознаюсь, мое сердце содрогнулось, жалея их»[1].

Вот это непосредственное общение с крестьянами и явилось для Спиридова самым главным в выборе дальнейшего его пути, определении взглядов и отношении к существующим порядкам в стране. Человек образованный, близко принимавший людское

---

[1] «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». Т. 3, издание МГУ, 1951, стр. 104.

горе, видевший бесправие, он не мог стоять в стороне, быть равнодушным к судьбе людей, замученных крепостным правом. Спиридов, как и многие декабристы, хорошо понимал солдат, он был к ним внимателен и не отделял их от народа. Бесправие солдат, бесчеловечное к ним отношение многих офицеров, двадцатипятилетняя служба — не могли не возмущать его.

Петр Борисов вовлек его в состав Славянского союза, действовавшего на юге, где находилась и Первая армия, в состав которой входил Пензенский полк.

Это произошло во время стоянки полка в лагере при Лещине летом 1825 года. На квартире Тютчева собрались офицеры, участники Союза. Они рассуждали о разных «неустройствах» в государстве, главным образом о положении солдат и крестьян, о необходимости облегчения их судьбы.

Как известно, в дальнейшем Общество соединенных славян и Южное общество для усиления совместных действий объединились, что имело большое значение для движения.

И. И. Горбачевский, видный деятель «славян» и декабрист, в своих «Записках» примерно так описывает эти события по соединению двух обществ и показывает роль Спиридова в этом важном деле. Рассмотрев на своем третьем заседании в начале сентября 1825 года бумаги для доставки Бестужеву, Славянский союз приступил к выборам посредника для связи между двумя обществами.

«Пензенского пехотного полка майор Спиридов получил большинство голосов», — записал Горбачевский. Сразу после избрания Спиридов предложил подготовленные им правила для членов тайного общества, которыми они должны руководствоваться. Суть правил Спиридова сводилась к следующему: новые члены принимались через посредников, выход в отставку до осуществления восстания запрещался, равно как и перевод в другие части, предусматривалась ответственность за бездеятельность в обществе, за разглашение планов. За отход от общества предлагалось ввести в правила или устав смертную казнь.

При чтении и обсуждении этого проекта разгорелись жаркие споры. Участники совещания разделились на две группы. Группа, возглавляемая Бестужевым-Рюминым, фактически отвергла правила. Но когда возник вопрос о переизбрании Спиридова как посредника между «славянами» и Южным обществом, то подавляющее большинство осталось на стороне Спиридова (этой кандидатуре противился только Бестужев-Рюмин).

После окончания совещания Спиридов возвратился в лагерь и рассказал С. Муравьеву об успехах общества, о том, что растет число его членов и все новые и новые офицеры вступают в его

состав. Но Муравьев холодно выслушал пылкий рассказ Спиридова, назвав его действия неуместными. Между ними возник спор и произошла размолвка. Муравьев считал, что офицеры и солдаты ничего не должны знать об обществе, а только быть «приготовлены» совершать переворот, когда им скажут. «Они будут орудиями и произведут переворот».

Эта тактика впоследствии дорого обошлась декабристам.

Спиридов несколько раз встречался с Муравьевым и другими членами Южного общества, выполняя свою роль посредника, участвовал в обсуждении различных тактических вопросов организации.

Он дал клятву на квартире Андреевича, где присутствовали многие другие будущие декабристы, что готов пожертвовать всем для того, чтобы «одним ударом освободить Россию от тирана», причем сделал это хладнокровно, вполне отдавая отчет своему поступку. Он был знаком с содержанием основного документа южан — «Конституция. Государственный завет». С ним Спиридова познакомил Бестужев-Рюмин, еще во время проведения организационного собрания «славян» и «южан».

Спиридов при обсуждении «Государственного завета» в Обществе соединенных славян составил решительные возражения к нему (в частности о функциях «Революционного сената»). Эти замечания он изложил в письменном виде, но уничтожил их перед арестом, как и все другие бумаги.

Пользуясь хорошим отношением к нему солдат и дружбой со многими из них, Спиридов установил прочные связи с солдатами Саратовского полка, в котором раньше служил.

Выставив себя кандидатом «согласного» на цареубийство, когда в этом будет необходимость, он продолжал заниматься агитацией среди солдат, и это выгодно отличает его от многих других декабристов.

На следствии Спиридов, говоря о причинах своего «вольнодумства», называл одной из них тяжелую долю солдат.

После его ареста следователь следственной комиссии, побывав на месте расквартированных Саратовского и Пензенского полков, писал: «Говорят, что он солдатам давал много воли и обходился с ними запанибрата».

В частности, во время нахождения в лагере при Лещине на квартиру к Спиридову приходили солдаты из гренадерской роты, которой он командовал раньше, — Анопченко и Юрашев. Они жаловались на жестокость нового командира, на то, что все облегчения, введенные Спиридовым, отменены. Спиридов говорил, что надо терпеть еще, может, год и все переменится, пусть надеются на начальников, которые их не покинут и которые готовы сло-

жить головы за солдат. На это солдаты ответили: «Мы за таких начальников готовы лечь» [1].

Проживая в городе Остроге, Спиридов продолжал часто встречаться с солдатами, главным образом бывшими семеновцами и унтер-офицерами, на своей квартире, просил их, когда будет нужно, держаться дружнее, больше заниматься агитацией среди солдат. Он считал (и это свое убеждение отстаивал), что офицерам нужно войти в доверие к нижним чинам и возбуждать у них ненависть к начальству, которое обрекает их на муки.

Зная план осуществления восстания, Спиридов был готов повести Саратовский полк, считая его вполне созревшим к восстанию. Об этом, как он позже писал С. Муравьеву, ему поведал «верный человек». «Я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно, осмеливаюсь ручаться и за весь полк» [2].

В период восстания на юге среди офицеров Пензенского полка, в котором служил Спиридов, шло интенсивное обсуждение того, как взбунтовать полк и идти на Новгород-Волынский.

Спиридов принимал в этом самое деятельное участие. К нему в деревню, где он квартировал, в 20 верстах от города Константинова, приехал Тютчев и подал записку следующего содержания: «Податель сей записки расскажет вам подробно все случившееся с нашими знакомыми; от него вы узнаете, на что решились и чего ожидали от вас».

Прочитав эту записку, Спиридов с воодушевлением сказал:

— Итак, надо начинать, но готовы ли у вас роты?

Тютчев заявил, что он готов действовать, но надо выяснить, что делается в ротах Громницкого и Лисовского, и предложил поехать к ним.

Спиридов согласился и, пока готовили лошадей, написал две записки и отправил их с «верным человеком» по адресам.

Первая — в Саратовский полк, Шишкову:

«Уведомьте членов, что восстание начнется немедленно, приготовьте к сему солдат, но не начинайте действовать до второго моего уведомления, может быть, я сам приеду к вам».

Вторая — в 8 артиллерийскую бригаду, к Горбачевскому:

«Если не удастся мне привести к вам Пензенский полк, то я сам приеду... будучи вместе, мы скорее придумаем, что должно делать в таких обстоятельствах» [3].

---

[1] Восстание декабристов. Материалы по истории. Т. 6, М.—Л., 1925, стр 224.

[2] М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. 2, М., 1955, стр. 189.

[3] И. И. Горбачевский. Записки и письма декабриста. М., 1963, стр. 49.

Спиридов, как видим из этих распоряжений, действовал весьма решительно, его записки походили скорее на приказ, он весь был в действии. Прибыв в Константинов, спросил Громницкого и Лисовского, готовы ли они начать восстание немедленно, полагаются ли они на своих солдат, готовы ли роты, и получил неутешительный ответ: «Нет, мы не успели приготовить ни одного солдата».

Спиридов заметил, что почитает это неисполнением принятых на себя обязанностей. Лисовский «с жаром воскричал»:

— Муравьев требовал, чтобы мы на солдат действовали медленно, Бестужев-Рюмин говорил мне лично, что восстание начнется не ранее августа 1826 года, то же подтвердил и Громницкий.

Спиридов и Тютчев, не сумев их убедить, уехали: Спиридов — в Красилов, а Тютчев со своей ротой пошел в Житомир.

Вскоре вернулись посланные к Шишкову и Горбачевскому, которые сообщили, что в точности его поручений выполнить не могли, так как на дорогах стояли полицейские заслоны и начались аресты. Посыльный привез подтверждение от Шишкова, что Саратовский полк с нетерпением ожидает начала восстания, и от капитана этого полка Ефимова, что он полагается на свою роту совершенно и готов ее вывести.

Но воспользоваться этим предложением Спиридов уже не мог. 7 января стало известно, что восстание Черниговского полка подавлено, а вслед за ним были сломлены и все другие попытки солдат и офицеров к восстанию. Несогласованность и нерешительность действий Южного общества привели к провалу всего плана. Началась расправа. Спиридов был арестован в Старом Константинове Волынской губернии (по другим источникам, в Житомире) и привезен в Петербург.

Мы уже говорили выше, что Спиридовым было написано много различных сочинений, что у него хранились бумаги, относящиеся к движению. Но когда возникла угроза ареста, Спиридов свои записки с помощью слуги Максимова зарыл в землю, в конюшне под яслями, в местечке Красилов. Слуга, чтобы облегчить судьбу Спиридова, поступил с ними по-своему: через пять дней после ареста своего барина, 30 января 1826 года, их сжег. На следственной комиссии о существовании этих бумаг стало известно из показаний Лисовского и Максимова, которые их видели. Спиридову пришлось сознаться. Но когда полиция явилась на место, то, конечно, никаких бумаг не обнаружила.

Из показаний самого Спиридова и Лисовского можно установить названия уничтоженных бумаг. Естественно, что самые опасные и крамольные он не назвал. Такими записками являются: «Замечания на Государственный завет», «О воле и вольности

человека», «О власти человека», «О незаконнорожденных», «Правила жизни собственно для себя», «Голос патриота», «О действиях всегда мерами добра, честности и правоты», «Разные замечания»[1].

Зная хорошо иностранные языки и латынь, Спиридов сделал несколько переводов из исторических и философских сочинений, например, «Речь Мария при отправлении его на войну» и «Речь Цицерона против Катилины».

Собственные сочинения, переводы, выписки говорят о широком круге интересов декабриста Спиридова. Их выбор не случаен, он отвечал настроениям автора. Это были актуальные темы, волновавшие тогда прогрессивно настроенные умы молодежи.

Конечно, сейчас можно только догадываться о содержании этих сочинений, но из сопоставления с другой публицистической литературой, с показаниями декабристов на следствии можно судить о направленности их. Статья «О воле и вольности человека» посвящена критике крепостного права и необходимости освобождения от него многих миллионов русских крестьян. Другая статья — «О действиях всегда мерами добра» — посвящалась проблемам палочной дисциплины, царящей в армии, доказательству того, что солдат не скот, а человек. Другие статьи затрагивали тему семейного воспитания, положения в обществе незаконнорожденных детей, что для того времени было целой социальной проблемой.

Защитой прав незаконнорожденных занимался А. С. Пушкин, в «Русской правде» Пестеля этому было посвящено несколько параграфов.

Статья «Голос патриота» тоже отвечала духу времени. Это был резкий критический разбор русской действительности того времени, характерный прием многих декабристов, когда они составляли и направляли записки, письма Николаю I.

Если автор пожелал уничтожить все эти сочинения и не опубликовал их при жизни, то, очевидно, его мысли были изложены резко и решительно. Спиридов обладал хорошим стилем изложения. Его сочинения читались с интересом. Их слышали некоторые декабристы, собираясь на его квартире.

У Спиридова были также философские и дидактические сочинения, но состоящие больше из выписок и переводов, особенно из книги Вейсса «Правила философии, политики и нравственности». Тогда это была очень популярная книга. В ней были такие главы: «Владелец», «Сравнение разных правительств», «Предварительный взгляд на общество», т. е. вопросы, близкие интересам Спиридова.

Таким образом, все сочинения, написанные Спиридовым, по-

---

[1] Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 60, кн. I, М., 1956, стр. 718.

гибли, уцелели только различные выписки из книг по военному искусству, историческим наукам, которыми он очень интересовался, особенно историей западного средневековья. Позже, находясь уж в ссылке, он читал лекции по истории средних веков в «каторжной академии».

Арестованного Спиридова из главной Петербургской гауптвахты доставили в Петропавловскую крепость с запиской от следственной комиссии «посадить по усмотрению и содержать строго».

Михаил Матвеевич Спиридов был осужден по первому разряду, т. е. наиболее строгому. «Умышлял на цареубийство», вызывался сам, дал клятву на образе совершить «оное» и назначал к тому других, участвовал в управлении Славянским обществом, старался о распространении его, принимал членов и вынуждал низших чинов. Так сформулировал ему приговор в «Росписи государственным преступникам» Верховный уголовный суд. Спиридова приговорили к каторжным работам «вечно». Но в 1826 году этот приговор был смягчен: срок каторги был установлен в 20 лет. Первое время осужденный содержался в Кексгольмской крепости, где сидел в Пугачевской башне (место содержания семьи Пугачева), затем был переведен в Шлиссельбург, а 20 декабря 1827 года — в Нерчинскую каторжную тюрьму. Затем его содержали в тюрьмах Читы и Петровского завода.

В 1839 году он вышел на поселение. По ходатайству его братьев (Александра — начальника Сибирского таможенного округа — и Андрея — коллежского асессора) ему было разрешено жить в Красноярске. В 12 верстах от Красноярска, в деревне Дрокино, Спиридов приобрел участок земли и завел крестьянское хозяйство. 26 декабря 1854 года, не дожив двух лет до амнистии, умер.

О его жизни на поселении известий сохранилось мало, жил он скромно и с достоинством переносил все испытания, выпавшие на его долю.

Повествование о нем хотелось бы закончить замечаниями М. Нечкиной, которая писала, что Спиридов был заслуженным боевым офицером, участником Отечественной войны 1812 года. Среди южных офицеров-революционеров был самым боевым.

ССЫЛЬНЫЕ В СМОЛЬНЕВЕ

Петр Иванович Калошин, 1794—1849; Павел Иванович Калошин, 1799—1854

В Киржачском районе бывшего Покровского уезда имеется село Смольнево, принадлежавшее семье Калошиных. Это было богатое помещичье семейство. В 1861 году в «Алфавитной книге родов Покровского уезда» за титулярной советницей

Петр Иванович Калошин

Александрой Григорьевной Калошиной, кроме села Смольнево, значились деревни Жердево, Нагорное, Каменка, Крушново, Трутивно, в которых числилось 300 душ «мужского пола», т. е. крепостных крестьян.

Из семьи Калошиных вышло три декабриста, три брата — Петр, Павел и Михаил. Правда, роль Михаила незначительна. Поддавшись вначале увлечению передовыми идеями, он ничем не проявил себя и рано отошел от движения.

Путь старших братьев — Петра Ивановича и Павла Ивановича Калошиных сложен. Были колебания: активная деятельность в тайных обществах сменялась разочарованием, отходом от движения и вступлением вновь в тайные общества. Такие взлеты и падения идут на протяжении всех лет, начиная с 1817 года и вплоть до рокового конца.

Петр и Павел Калошины в 1811 году учились в Московской школе колонновожатых, где познакомились с одним из крупнейших будущих декабристов Александром Муравьевым, который оказал на них большое влияние и привел к декабристскому движению. С ним они вместе жили и сдружились. Время, проведенное в Московской школе, не пропало для Калошиных даром, оно развило дух свободолюбия, заложило основы передового мировоззрения, жажду знаний.

После окончания школы Петр вступает на военную службу, участвует в заграничных походах. Бывал в Финляндии, Польше, Германии. Затем назначается в Генеральный штаб гвардии в Петербурге, где выполняет различную штабную работу и ведет по поручению Генерального штаба журнал военных действий, готовя на основании этого докладные для руководства штаба. Это развило в нем интерес к военным наукам, исследованиям.

Братья (Павел тоже был в Петербурге и оставался в нем до 1825 года) занимались самообразованием, много читали, посещали лекции лучших петербургских профессоров, в том числе знаменитого Куницина, профессора Царскосельского лицея. Так поступали, кстати, и другие декабристы. Лекции эти носили частный

характер и читались на квартирах самих лекторов или их слушателей. Это была одна из наиболее передовых форм образования того времени. Следственная комиссия, пытаясь выяснить источники влияния на формирование взглядов декабристов, очень скрупулезно допытывалась, какие книги они читали, где и у кого слушали лекции. Все это очень подробно записано в следственных материалах.

Офицеры Генерального штаба, как правило, жили на общих квартирах и составляли артели. Декабрист И. И. Пущин вспоминает о «Священной артели». В нее входило около 30 офицеров. Она возникла в 1814 году, затем, в связи с заграничными походами, прервала свое существование. Возобновилась в 1815 году и существовала до 1818 года.

Здесь читали, спорили, изучали историю веча, в том числе Суздальского и Владимирского, вели разговоры о порядках в государстве и необходимости изменения их.

Вот что об этом периоде писал И. И. Пущин: «Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели («Священная артель».— *Г. Ч.*), которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцев, Павел Калошин, Семенов. Постоянные наши беседы о предметах общественных, «о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком».

Петр Калошин в 1817 году был переведен в Москву, в школу колонновожатых преподавателем математики, затем, вплоть до закрытия школы, занимал должность заместителя начальника школы, имея уже звание подполковника. Здесь он встретился со старыми друзьями.

Начало его работы в школе отмечено попытками литературной деятельности. К этому же времени относится стихотворение Петра «К артельным друзьям», обращенное к членам Петербургской артели. Поскольку текст стихотворения малоизвестен, приведем его полностью.

Друзья! Вот стон души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая ранних дней
Еще от нас далеко!
Еще в тумане скрыта цель
Возлюбленных желаний!
Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов златых,
Для щастия отчизны,
Кто, в шуме радостей пустых,
Мне заменит в сей жизни?
Я с вами — и в душе горит
Добра огонь священный!

Без вас — иной все кажет вид,
Столь низкий, столь презренный!
Но час пробьет: услышим мы
Отечества признанье!
Тогда появится из тьмы
Душ пламенных желанье:
Сплетенные рука с рукой,
На путь мы ступим жизни,
И пылкой полетим душой
Ко щастию Отчизны,
И кто возможет положить
Преграды нам в полете?
Кто для отчизны алчет жить,
Тот выше бедствий в свете.

В Москве им было написано еще несколько стихотворений — «Призрак» (1819), «Деревня» (октябрь 1825).

Петр Калошин состоял членом «Общества любителей словесности, наук и художеств», а с 1820 года — «Вольного общества любителей российской словесности». Павел Калошин занимался историческими изысканиями.

Петр был принят в Союз спасения в 1816 году, а Павел вступил в Союз в 1817 году при содействии Александра Муравьева. Они придерживались принципа «медленного действия», составляя правое крыло Союза. Но когда он распался, Калошины вошли в состав Союза благоденствия. Петр, хотя и являлся сторонником умеренного крыла, принимал активное участие в деятельности общества, в частности в составлении его устава. Перевел по настоянию Долгорукова первый устав немецкого союза — Тугендбунд.

Оба брата входили в состав Коренной думы Союза благоденствия. Петр участвовал в работе Московского съезда декабристов, распустившего Союз благоденствия. С этим временем и связан отход Петра Калошина от движения. Он не был согласен с пунктом устава о насильственном свержении самодержавия, хотя и был ярым противником его и крепостничества.

Павел Калошин в 1821 году вышел в отставку и из Петербурга переехал в Москву. Узнав, что многие декабристы находятся на заметке у правительства, он предупредил об этом брата и других декабристов, а сам отошел от общества.

Несмотря на колебания, он не порывал окончательно с движением: был на совещании Коренной думы в 1820 году «где рассуждали на щет образа правления», ему было известно намерение Якушкина «покуситься на государя-императора», был на совещании у Оболенского в Москве в 1825 году, знал «Проект общества соединенных славян». Однако правда и то, что Павел Калошин близко ни с кем не сошелся из соображений осторожности.

Петр входил в состав Московской управы Северного общества,

но активной работы уже не вел. В 1822 году Басаргин пытался через Калошина установить связь с Московской управой, но ему это не удалось сделать. В 1824 году такую же неудачную попытку предпринял их родственник Пущин. Он с сожалением заметил, что Павел совсем о тайном обществе забыл, но ему все же с большими трудностями удалось снова привлечь Петра к работе в обществе.

Несмотря на все их колебания, предатель декабристов капитан Майборода называет братьев Калошиных в числе активных членов Московской управы.

Павел был арестован 2 января 1826 года и доставлен в Петропавловскую крепость с запиской следственной комиссии «посадить под строгий арест, где угодно». Заключен в каземат Кронверкской крутины.

После следствия и месячного содержания в крепости Павел был освобожден от заключения и сослан в свое имение — сельцо Смольнево Покровского уезда Владимирской губернии без права выезда. С ним поступили очень мягко.

В начале января 1826 года был арестован и Петр, посажен в крепость. После месячного содержания в ней разжалован, лишен должностей, выслан в деревню без права жить в Москве и Петербурге.

Имеются показания Митькова, Басаргина о деятельности Петра Калошина, связанной с кружками «Зеленая лампа», «Зеленая книга» и Московской управой. Следственная комиссия, очевидно, придавала всему этому большое значение.

Позднее Петру Калошину разрешают поступить на государственную службу. Он устроился чиновником в департаменте торговли Совета государственных имуществ, а в 1833 году перешел в военное министерство. Умер Петр Калошин в Петербурге, похоронен на Смоленском кладбище.

Павел Иванович Калошин в 1824 году женился на Александре Григорьевне Салтыковой, владетельнице села Смольново, и получил права на наследование этого имения.

Салтыкова приходилась родственницей Николаю Ильичу Толстому, отцу Льва Николаевича.

Павел Иванович хорошо знал французский язык, занимался переводами и печатанием переводных статей. Перевел с французского «Курс фортификаций».

Детей у него было четверо: Сергей, Дмитрий, София и Александра. Толстые в 1831 году выхлопотали для Калошиных право бывать, а позднее и жить в Москве.

К этому времени (1838—1839) относится более близкое знакомство Льва Николаевича с семейством Павла Калошина.

Сонечка, с которой Лев Николаевич находился в четвероюродном родстве, была почти его ровесницей. Они трогательно сдружились, между ними возникла первая любовь. Впоследствии Лев Николаевич в 1903 году писал своему биографу Бирюкову: «Самая сильная любовь у меня в детстве была к Соничке Калошиной». К этой теме Толстой возвращался несколько раз. Образ Сонечки выведен Толстым в «Детстве» под именем Сонички Валошиной, ей посвящено несколько страниц (глава XXIII). Он хотел о Соне писать даже роман.

Лев Николаевич был близок и с Сергеем Калошиным, который посвятил себя журналистике и литературе, писал юмористические очерки, фельетоны, делал переводы и печатал их в журналах. Жил литературным трудом. Толстой даже завидовал ему: «Он честно зарабатывает свой кусок хлеба и зарабатывает его больше, чем приносят триста душ крестьян» [1].

С Дмитрием Павловичем Калошиным Лев Николаевич служил в Севастополе, они вместе участвовали в обороне города в 1854—1855 годах. Позднее поддерживал оживленную переписку.

Павел Иванович Калошин последнее время жил в Москве. Под конец ослеп, умер в Москве, погребен в Новодевичьем монастыре.

Имение Калошиных было расположено на высоком берегу когда-то полноводной речки Песнуши, при ее впадении в реку Большой Киржач. Теперь она обмелела, но, как и тогда, ее вода чистая, прозрачная.

От имения сохранились вековые липовые аллеи, две из них имели, как утверждают старожилы, длину около километра. Барского дома уже нет. Здание было деревянное, одноэтажное, длинное, обращено на Песнушу и село Смольнево. Фасад имел три колонны, террасу, спускающуюся к речке. Старожилы этих мест, учителя Людмила Алексеевна Комиссарова и ее муж, рассказывают, что после Калошиных имение купил киржачский фабрикант Соловьев. С 1910 года, или чуть раньше, до 1930 года в нем размещалась начальная школа, организованная еще земством. Затем здание перевезли в село Савино Киржачского района. Людмила Алексеевна окончила эту школу и хорошо помнит, каким был барский дом. Стоял он в одном ряду с церковью, окруженный большим парком и садом, к дому шла дорога с высоким мостом и плотиной через Песнушу (дорога существует и сейчас). В парке начинались пруды, их было несколько; Кубарский, Средний и Черный сохранились до наших дней, их питает еще одна речка — Черная. Другие пруды заросли. На одной из старых фо-

---

[1] Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. М., Изд. Академии наук СССР, 1925, стр. 274.

тографий видны въездные кирпичные ворота в имение и ограда церкви. Очевидно, когда-то имение было большим и богатым.

Вокруг села раскинулись хвойные и смешанные леса. Это один из красивейших уголков Подмосковья.

Краевед из Карабанова Н. А. Сокольский обнаружил на Смольневском кладбище надгробную плиту красного гранита, она лежит там и сейчас. Тщательное изучение позволило прочесть написанное на ней:

«Девица
Александра Павловна
Калошина
Род. 4/IV—26 г.
Скончаласть 13/VII — 1853 г.»

Это дочь Павла Калошина.

УЗНИК СЕКРЕТНОЙ КАМЕРЫ

Федор Иванович Шаховской, 1794—1829

„Секретный узник», «Узник каменной норы», «Узник секретной камеры» — такие заголовки стали появляться на страницах журналов конца прошлого и начала этого века. Кто скрывается под этим печальным именем, что мы знаем об этом человеке? Некоторые сохранившиеся архивные материалы бывшего Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале приоткрыли эту тайну, и имя заключенного стало известно.

В секретном «Списке, сосланных под надзор и стражу Владимирской губернии, в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, разного рода людей, с 1801 года по 30 ноября 1836 года», составленном для владимирского губернатора архимандритом монастыря Серафимом, значится:

Государственный преступник Шаховской.	1829 года, марта 6-го дня по высочайшему его императорского величества повелению, прислан из Сибири, при отношении Енисейского гражданского губернатора от 16 февраля 1829 года, по случаю помешательства в уме, для содержания его здесь под строгим надзором.	Того же 1829 года, мая 24 дня, помер.

Короткая, трагическая жизнь этого человека, человека с благородными стремлениями и порывами, еще мало известна. Роль собирателя материалов о Шаховском выполнил известный влади-

мирский земский статистик А. С. Пругавин, трудами которого неоднократно пользовался Владимир Ильич Ленин при работе над своим выдающимся произведением «Развитие капитализма в России». А. С. Пругавин (кстати, его книги В. И. Ленин брал в шушенскую ссылку) оставил не только экономические исследования о развитии земледелия и кустарных промыслов в губернии (Пругавин был народником), но и многие интересные исторические записки. В журнале «Русское богатство» за 1911 год он опубликовал статью «Декабрист кн. Ф. И. Шаховской в Спасо-Евфимиевском монастыре», подготовленную на основе тогда еще не известных материалов.

Федор Шаховской, как и очень многие декабристы, был личностью незаурядной, прекрасно образован, воспитан, юные годы отдал армии, занимал в ней довольно видный пост, являясь адъютантом генерал-лейтенанта Паскевича.

Родился Шаховской в 1794 году. Это один из передовых людей 20-х годов прошлого столетия. Вначале он увлекался масонством, состоял в ложе «Трех добродетелей». В 1817—1818 годах в Москве вступает в тайное литературное общество молодых литераторов, затем становится членом Союза спасения, а позже и Союза благоденствия.

Он принимал активное участие в выработке устава общества, являлся секретарем комиссии, созданной для этой цели.

В 1819 году Шаховской женится на княжне Наталье Дмитриевне Щербатовой, происходившей из семьи образованной и интеллигентной. Она владела несколькими иностранными языками, что в то время, даже для знатных женщин, было редкостью. Щербатовы были хорошо знакомы с будущими декабристами Якушкиным, Лорером, Муравьевыми. По взглядам, настроениям, воспитанию молодые супруги были близки друг другу.

В феврале 1822 года Шаховской вышел в отставку. После отставки Шаховские поселились в селе Ореховец Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Здесь Шаховской отошел от активной общественной жизни и занялся экономическим устройством своих крестьян: одним понизил оброк, другим отдал всю пахоту, а для себя нанимал работников со стороны. Создал очень хорошую библиотеку, собрав в нее книги авторов всех передовых учений и течений.

Вся эта деятельность Шаховского вызвала недовольство и негодование соседних помещиков, которое завершилось тем, что они написали донос в Петербург. Оттуда последовал запрос губернатору Крюкову (отец декабристов Крюковых, членов Южного общества). Губернатор сообщил, что Шаховской ведет знакомство «с двумя-тремя домами», что в разговорах допускает вольнодумство,

восхваляет управление иностранных государств, что стремится вводить среди крестьян улучшения, «применяясь к жизни иностранного черного народа». Губернатор счел за благо установить надзор за либеральным помещиком, перехватывать его письма. Одно из писем и послужило поводом для привлечения Шаховского по делу декабристов.

Арестованный у себя в имении, Шаховской первое время вместе с Грибоедовым содержался в помещении главного штаба, а затем был переведен в Петропавловскую крепость.

Во время следствия по делу декабристов выяснилась его причастность к тайным обществам, и он срочно был доставлен в следственную комиссию.

Ему припомнили то, что товарищи звали его «тигром» за решительность его предложений о цареубийстве, «жестокие поступки и свирепый нрав». Этого было достаточно для того, чтобы лишить его дворянства, чинов и приговорить к бессрочной ссылке в Сибирь (осужден по 8-му разряду), хотя Шаховской и не был непосредственным участником восстания. Допросы, Петропавловская крепость, тяжелая сибирская дорога, ссылка — сделали свое дело: он заболел. Казалось бы, никому не был опасен больной человек, но его содержали в строгой секретности, в одиночестве, без права свиданий и общения с внешним миром, без медицинской помощи, хорошего питания.

27 июня 1826 года Шаховской в сопровождении фельдъегеря и жандармов был доставлен в Туруханск Енисейской губернии, «за шесть тысяч верст от родины и своей осиротевшей семьи». Чтобы представить, что это такое, напомним, что тогда в Туруханске было 200 жителей, почта отправлялась раз в месяц, кругом болота и тундра, дорог не было. А вся переписка подвергалась жесточайшему надзору полиции. Прочитывалось и комментировалось, подвергалось обсуждению все личное, интимное.

С Шаховским в Туруханске находился Н. С. Бобрищев-Пушкин, который, будучи оставлен своими родственниками без всяких средств к существованию, скоро сошел с ума.

Шаховской помогал ему, благо материально был обеспечен. Но, оставшись один (болезнь друга очень сказалась на настроениях Шаховского), впал в уныние, религиозность. Расстройство ума стало замечаться и у него. Его перевели в Красноярск, считавшийся лучшим городом в Енисейской губернии, но спасти его уже было нельзя, нервное истощение достигло такой силы, что его пришлось отправить в больницу. К этому времени и относится большое письмо Шаховского Николаю I с просьбой облегчить его судьбу и снять обвинение, так как к моменту восстания он отошел от движения, а находясь на поселении в Сибири, вдалеке от родных

и друзей, серьезно подорвал свое здоровье. Жена Шаховского также просила царя о переводе ее мужа в одно из их имений центральной России. Но Николай не внял мольбам несчастных людей.

Шаховской и в ссылке, несмотря на расстроенное здоровье, пытался заниматься полезным делом. Он составил описание мхов, папоротников, всевозможных лишайников. А для того, чтобы сделать правильные выводы об этих растениях, начал разводить их. Им было написано несколько статей по этому вопросу, которые он послал в Петербургский ботанический сад. В своих статьях Шаховской доказывал приспособляемость разных растений к местным условиям, подробно описал фауну и флору Туруханского края.

В ботаническом саду статьи Шаховского очень ценили и считали, что он открыл много интересного в жизни растений крайнего Севера. Он также организовал опытное хозяйство по разведению в условиях Сибири различных сельскохозяйственных культур, даже обратился с просьбой к местным властям помочь ему в организации особого хутора, в котором можно было бы ставить различные опыты по акклиматизации и внедрению сельскохозяйственных культур, начал разводить лен, коноплю и просил выслать ему машины для выделки пеньки. Но довести эти опыты до конца ему не удалось.

Первое сообщение о болезни Шаховского было получено в Петербурге летом 1828 года. В третье отделение были представлены различные трактаты больного и его письма к жене, которые с очевидностью «доказывали совершенное расстройство его ума». Жандармами было милостиво разрешено передать письма «злосчастной жене государственного преступника». Из них Шаховская узнала о болезни мужа и начала ходатайствовать о поездке к нему. Мучительно длилась унизительная для Шаховской переписка с министром юстиции и третьим отделением. Наконец ей сообщили, что временное посещение женами ссыльных мужей законами не предусмотрено. Лишенная возможности поехать к больному мужу в Сибирь, княгиня Шаховская настойчиво просит о его переводе в одно из своих имений.

В январе 1828 года состоялось «высочайшее повеление» о переводе Шаховского в Суздаль для содержания его в Спасо-Евфимиевском монастыре на общих правах с прочими арестантами. При этом был допущен акт беззакония и произвола, возможный только в николаевской России: Шаховского без суда заключили в тюрьму и приставили к нему, кроме общего, особый караул, а ведь он являлся не заключенным, а ссыльным.

Кто бывал в Спасо-Евфимиевском монастыре, тот хорошо представляет его высоченные, толстые стены с башнями и бойни-

цами. К одной из таких стен и башен внутренней стороны монастыря прижат небольшой дом. Клетки одиночек в этом доме располагаются вдоль узкого длинного коридора. Кирпичная стена и клочок неба — все, что мог видеть заключенный через единственное маленькое оконце. Маленький внутренний дворик, на котором кроме караульных солдат, никого нет, мертвая тишина, как в могиле (сюда не доходил никакой звук из внешнего мира), могли не только больного, но и здорового человека свести с ума. В одну из таких камер 6 марта 1829 года и был помещен декабрист Федор Шаховской. Его везли в закрытом черном возке, в обстановке невероятной спешки, не давая узнику хорошо отдохнуть. Даже во Владимирском централе его не вывели на тюремный двор, а только перепрягли лошадей и сразу же отправили в Суздаль. Узника встречал и провожал сам губернатор Курута. Не каждый колодник удостаивался такой «чести»...

«Дело о заключении в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь государственного преступника Шаховского» началось еще в январе 1829 года. Граф Чернышев, товарищ начальника главного штаба, сообщил владимирскому губернатору о переводе в Суздаль Шаховского и поручил предупредить настоятеля монастыря Парфения, дабы он, по доставлении к нему Шаховского, согласно высочайшей воле, приняв арестованного, содержал его в монастыре под строгим надзором. О поведении его и ходе болезни извещал бы ежемесячно, т. к. сведения нужны были для доклада императору.

Владимирский губернатор Курута секретно и срочно об этом уведомляет Парфения и от себя добавляет: «Прошу вас, милостивый государь, приняв преступника Шаховского в монастырь, когда он будет доставлен к вам, поместить его под строжайший присмотр, в приличной комнате (?), которая бы отделена была от прочих заключенных, отстранив всякие между ними сношения»[1].

Парфений, получив это указание, сразу же запросил у губернатора трех солдат и унтер-офицера, «чтобы не допускать к преступнику Шаховскому как других арестантов, так и иных посторонних лиц», что и было губернатором немедленно сделано: унтер-офицер Василий Касаткин и два рядовых, «благонадежных в поведении», были откомандированы в распоряжение архимандрита.

Шаховского привезли в Суздаль больным не только душевно, но и физически. У него были отморожены нос, ухо, пальцы левой ноги и пальцы рук. На мизинце левой руки не оказалось ногтя. Это было тем более странно, что Шаховского из Енисейска отпра-

---

[1] «Русское богатство», 1911, № 1, стр. 73.

вили с большим числом теплых вещей: фуфайка, рукавички, шуба «на мерлушитом меху», волчья шуба и «сакуй олений», но этих вещей с Шаховским не оказалось.

Наталья Дмитриевна Шаховская в эти дни жила в Москве. Узнав о переводе мужа в Суздаль, она пишет ему 18 апреля теплое письмо, сообщает, что приедет сама, как только позволят дороги, посылает ему необходимые вещи, продовольствие, добивается допуска к нему слуги Лариона Кондратьева. Чтобы быть ближе к мужу, собирается с детьми переехать из Москвы во Владимир. Начала дело о покупке дома, а в Суздале ее друзья сняли для нее квартиру в доме Д. П. Мареенкова.

Но силы Федора Шаховского с каждым днем угасали. Он понял, что из ссыльного превратился в арестанта с двойной охраной. Даже Кондратьеву была запрещена связь с внешним миром. После смерти барина он с трудом выбрался из монастыря.

31 марта настоятель Парфений сообщает, что Шаховской находится в «помешательстве ума», он протестует против установленного режима. Бенкендорф, шеф жандармов, разрешает иметь Шаховскому при себе только слугу Лариона Кондратьева. Суздальский лекарь Чижов и монастырский — Новроцкий ничем помочь Шаховскому не могут. Страдания больного усиливаются. Когда его объявили умопомешанным, прекратилось всякое медицинское наблюдение. Чижов сообщил, что болезнь Шаховского не опасна. Шаховский, в знак протеста против условий его содержания и объявления его сумасшедшим, 3 мая 1829 года отказался от принятия пищи.

Губернатору стало немедленно об этом известно. Он сам отправился в Суздаль, встречался в тюрьме с Шаховским и говорил с ним, но о чем — это остается тайной. Можно догадываться, что губернатор уговаривал Шаховского отказаться от голодовки. «Преступник» продолжал ее. 15 мая Парфений доносит, что «Шаховской пришел в крайнее изнеможение и бессилие», он уже не может вставать. Губернатор настаивает на продолжении уговоров Шаховского и даже «принуждении в приеме пищи». На это Шаховской ответил отказом принимать воду.

Как явствует из сообщения Парфения, «государственный преступник Шаховской, находясь в сильном помешательстве ума и бысть одержим сильною болезнью сего мая 24 числа в первом часу пополудни волею божею помер». В это время Шаховскому исполнилось всего 35 лет. Он первым открыл печальный список умерших декабристов.

На другой день после смерти Шаховского во Владимир приехала его жена Наталья Дмитриевна, молодая, красивая женщина. Она просила разрешения у губернатора о свидании с мужем.

Тот уговаривал ее отказаться от своего намерения, называл ее мужа «злодеем», упирая на то, что он погубил ее молодость.

На это Наталья Дмитриевна ответила: «Мой муж — благородный человек. Я прошу ваше превосходительство подтвердить разрешение о свидании с моим мужем».

«Но поймите, что он болен, он не в своем уме. Он сущий безумец». В это время «безумца» уже не было в живых.

Наталье Дмитриевне пришлось хоронить своего мужа на арестантском кладбище в монастыре (за братским корпусом). В ее просьбе о перевозе тела погибшего мужа для похорон в имение было отказано, потому что «перевоз тела государственного преступника может произвести в народе неблагоприятное впечатление». Даже умерший человек для царизма был опасен.

Недавно обнаружен памятник черного мрамора, поставленный Шаховской своему мужу. Сейчас надгробный камень находится в экспозиции Суздальского музея-заповедника. Остается найти саму могилу. В связи с реконструкцией Спасо-Евфимиевского монастыря поднимается вопрос о переделке и самого здания бывшей секретной тюрьмы. А пожалуй, зря.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДЕКАБРИСТЫ

Кроме декабристов, принимавших активное участие в движении и осужденных за это царским судом, были сотни людей, которые не прошли через следственную комиссию. С ними расправлялись в административном порядке, без суда и следствия: офицеров разжаловали в рядовые, сажали в крепости, ссылали в действующую армию, увольняли из армии, ссылали в деревню под надзор полиции и т. д., а солдат пороли и отправляли на каторгу. О 121 декабристе, привлеченном к различным мерам наказания, сохранились следственные материалы, воспоминания и другие документы. О 380 декабристах, подвергшихся репрессиям без суда, и 2500 солдатах, прогнанных через строй в 1000 палок, известно только из списков, и то не всегда. Николай I делал это сознательно, он стремился скрыть число восставших против него офицеров и солдат и тем умалить значение событий и дезинформировать общественность. Предпринимались все попытки свести восстание в армии к «злоумышленным действиям» кучки недовольных офицеров.

К числу малоизвестных участников этого движения относятся три офицера, жившие во Владимирской губернии. Может быть, их было больше, пока мы этого не знаем. Это — подпоручик князь Енгалычев Николай Парфентьевич, сын писателя конца XVIII и

начала XIX века Парфентия Николаевича Енгалычева; поручик кавалергардского полка Свиньин Петр Павлович (1801—1866) и отставной корнет князь Голицын, о котором пока мало что известно. Во Владимирской губернии Голицыных жило много, но к какой ветви он принадлежал, установить пока не удалось. Знаем только, что около Переславля-Залесского находилось его село Лобково.

П. П. Свиньин принадлежал к Северному обществу, был на Сенатской площади, но, видимо, активным участником восстания не являлся. Просидев небольшой срок в Петропавловской крепости, он был переведен из кавалергардского полка в армейский полк, а в сороковых годах прошлого века уволен в отставку.

Енгалычев находился в заточении в крепостях Финляндии, затем его разжаловали и направили в действующую армию. В 1829 году он снова был произведен в офицеры, но скоро уволен из армии. В 1833 году Енгалычев находился в своей деревне Доротнине Переславского уезда, куда приехал, чтобы уладить дело по наследству. Именно в это время владимирский губернатор получил довольно подробный рапорт от майора Певцова о «вольнодумстве» Енгалычева, который «при испорченной его нравственности» вел разные разговоры со многими знакомыми, «вредные для общества», а его «ненависть и ожесточение против правительства» доходили до такой степени, «что трудно поверить: унизительно говорил о власти самодержавия, о том, что скоро прольется царская кровь», постоянно от него слышали «брань государя и императорской фамилии». Он защищал участников событий 14 декабря, говоря, что не те наказаны, надо было на виселицу и в ссылку послать царя и его приближенных. Вспыхнувшую в те годы в Петербурге и Новгороде эпидемию холеры считал следствием злоупотреблений и насилий властей. Он говорил, что у него есть своя партия, что к ней присоединятся все недовольные. Но была ли она и много ли он нашел единомышленников — сказать трудно.

Енгалычев пытался установить связи с недовольными. Два раза ездил к Голицыну и имел с ним длительные беседы. А когда по соседству появился Свиньин, встречался с ним. Называл своими сообщниками братьев Мезинцевых, служивших в гвардии, разных лиц в Москве, в том числе офицеров из штаба московского градоначальника. Очень сожалел, что его партия невелика во Владимирской губернии. С восхищением отзывался об участниках польского восстания 1831 года, а одного из командиров его частей, генерала Яна Скрижиницкого, считал подлинным героем, с болью говорил о засилии в стране иностранцев. Все это мы узнаем из доноса Певцова владимирскому губернатору.

Губернатор не на шутку перепугался и направил в Переславль чиновника особых поручений Вердемина с подробными инструкциями — все расследовать и незамедлительно поставить об этом в известность губернатора.

Из Переславля чиновник сообщает, что Енгалычев действительно вольнодумец, но его встречи с товарищами по службе и знакомыми, содержание всех его разговоров установить ему еще не удалось.

У чиновника сначала создалось впечатление, что Енгалычев «пустой болтун», но когда он познакомился со всем делом подробнее, то мнение ему пришлось переменить, и он пишет, что все подтверждается и особенно «ожесточение против правительства». Все это подтвердил и предводитель переславского дворянства Барыков, заявив, что князь Енгалычев ведет мятежные действия, «с тщеславием» рассказывает о своем участии в событиях 14 декабря 1825 года, считает, что образ правления в России никуда не годен, что «оный необходимо переменить, что сие очень скоро воспоследует». Другие чиновники подтвердили, что генерала Бенкендорфа Енгалычев называл подлецом.

Очень резкую оценку Енгалычеву дал его родственник (дядя, Бережницкий).

Как видим, материалов против князя собралось много, и не случайно, что все очень скоро дошло до Петербурга. От Бенкендорфа последовал приказ: «...арестовать и представить князя Енгалычева в мою канцелярию». Но Енгалычев, видимо, почуяв недоброе, уехал в Тамбовскую губернию, где у него также было имение. Тогда владимирский губернатор направил туда частного пристава Орлова с ордером на арест Енгалычева и приказал немедленно доставить его в Петербург, что Орловым и было выполнено. 1 ноября 1833 года Орлов привозит и сдает арестованного в собственные руки шефа жандармов. Из Петербурга в Переславль спешно направляется специальный следователь, майор Юрьев, а вскоре за ним там появляется и сам «крамольный» князь.

Материалы дела обрываются на том, что князю удалось у переславских дворян получить «благонадежный отзыв о его поведении», который он предъявил майору Юрьеву, поставив последнего в затруднительное положение. Очевидно, Енгалычев написал покаянное письмо, дал обещание в дальнейшем держать язык за зубами. Видимо, у правительства было много хлопот с поляками, с новой волной крестьянского и общественного движения. Дело прекратили, предложили Енгалычеву убраться из деревни Доротино. Но слуга его еще находился под арестом во Владимире. О его освобождении Енгалычев просил губернатора.

В фондах Владимирского областного музея имеются два дела,

8 Заказ 3757

которые говорят об отзвуках декабрьских событий 1825 года во Владимирском крае. Владимирское дворянское депутатское собрание по представлению губернского правления в июне 1833 года рассмотрело материалы о восстановлении в дворянстве помещичьего сына Теофила Обнинского, осужденного за участие в мятеже, но раскаявшегося и «всемилостивейше» прощенного и получившего дозволение иметь право наследования в имении родителей.

Дворянскому собранию пришлось заниматься и другим делом. Из правительствующего Сената поступил Указ по докладу военного министра о том, что унтер-офицер Ладожского егерского полка Алексей Яковлевич Баскаков из г. Александрова Владимирской губернии, поступив на военную службу из губернских секретарей, в 1825 году бежал с нее, лишен дворянства, разжалован в рядовые с переводом в батальон резервной дивизии 2-го пехотного корпуса.

Собрание согласилось с решением Сената и определило: «довести до сведения Александровского дворянского депутатского собрания и городской полиции»[1].

А сколько еще имен неизвестных и незаметных борцов с самодержавием, за освобождение народа от произвола крепостников скрыто в пыльных папках архивных дел!

ПО «ВЛАДИМИРКЕ»

Декабрьское восстание подавлено. Пятеро декабристов, в их числе и Пестель, повешены на кронверке Петропавловской крепости. Другие осужденные декабристы направились в Сибирь.

А. Гессен в книге «Во глубине сибирских руд» описывает путь, по которому «скакали день и ночь, сутки за сутками...» фельдъегери, увозя декабристов: Новая Ладога, Тихвин, Устюжина, Ладога, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Владимир, Нижний Новгород, Вятка. Большая часть декабристов проследовала в Сибирь через Владимир, по печально известной «Владимирке», мимо дома Басаргина. От Владимира дорога имела два направления: одно — на Нижний Новгород, через Вязники, Гороховец, другое — на Казань, через Судогду, Муром.

Во Владимирском краеведческом музее имеется распоряжение департамента полиции № 10077 от 21 июля 1826 года «Об обеспечении безостановочного проезда», предписывающее владимирскому гражданскому губернатору в связи с проездом через губернию государственных преступников, направленных в Сибирь, подготовить лошадей и обеспечить порядок на всем пути следования через губернию. Уже 10 августа 1826 года гороховецкий исправник до-

---

[1] Владоблархив, ф. 241, д. № 283, 338.

носит губернатору, что «через Гороховецкий уезд государственные преступники проехали благополучно. Полицейско-чиновничья машина на сей раз действовала четко. Были приняты все меры, исключающие встречу декабристов с населением.

М. Бестужев в «Воспоминаниях» пишет, что его, а также Горбачевского, Баратынского и брата Николая везли «по скверной Ярославской дороге», проходящей и по Владимирской губернии.

Направляясь в Сибирь, через Вязники, Гороховец проехал и декабрист Владимир Раевский. В своих «Воспоминаниях» [1] он записал, что в ноябре 1827 года его привезли в Москву и поместили в офицерскую караульную тюремного замка, что, не успев расположиться на отдых, он был поднят вошедшим офицером большого роста, который наигранно грубым голосом заявил: «Милостивый государь! Я должен вас принять и доставить в г. Владимир». Через четверть часа лошади тронулись, и железные ворота тюремного замка затворились за ссыльными. Офицер, несмотря на непривлекательную наружность, оказался очень любезным человеком: дорогою острил, был внимателен к Раевскому. По дороге заезжали в постоялые дома и трактиры и с недозволительными для арестантов удобствами доехали до Владимира. Это еще раз подтверждает доброе отношение к декабристам многих людей, даже их конвойных.

«Во Владимире, — замечает Раевский в «Воспоминаниях», — был губернатором Курута, племянник Дмитрия Ивановича, известного любимца и друга цесаревича Константина Павловича. Неизвестно, почему он назначил еще конвойного солдата и с ружьем. Я удивился. Но чиновник его канцелярии сказал мне, что тут бывают по дороге разбои, и губернатор опасался, чтобы не было нападения на нас. Я смеялся» [2]. Дальше его путь шел через Нижний Новгород, Казань, Пермь. К сожалению, более подробных сведений о Владимире, о пребывании в нем, Раевский не оставил.

По Владимирке проследовали в Сибирь и жены декабристов: Екатерина Ивановна Трубецкая, Мария Николаевна Волконская, Анна Васильевна Розен, Александра Григорьевна Муравьева, с которой А. С. Пушкин направил свое знаменитое послание «В Сибирь».

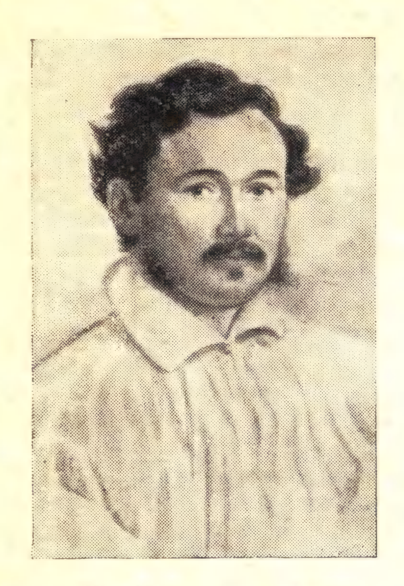
Когда настало время амнистии, «Манифест о помиловании» следовал в Сибирь тем же путем. Его вез Михаил Сергеевич Волконский, сын декабриста Сергея Волконского.

Снова встретились с Владимиром декабристы, возвращаясь из

---

[1] Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 60, кн. I, М., 1956.

[2] Там же.

Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский. Акварель Н. Бестужева. Петровский завод. 1839 г. Основное собрание. Москва.

ссылки. Правда, сумели воспользоваться амнистией 1856 года всего 19 человек, остальные умерли в Сибири или на Кавказе, единицы остались жить на поселении, а из владимирцев вернулся только один — Николай Васильевич Басаргин.

По воле случая на Владимирщине оказался декабрист Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский. В декабре 1858 года он тайно прибыл в Шую, тогда входившую во Владимирскую губернию, чтобы встретиться со своим товарищем Н. В. Шимановским. Но здоровье Щепина-Ростовского было настолько плохо, что в начале января 1859 года он умер в Шуйской городской больнице. В молодые годы он был храбр, решителен: в знаменитый день 14 декабря вывел на Сенатскую площадь свою роту лейб-гвардии Московского полка, сбил с ног ударом сабли по голове своего полкового командира Фредерикса, отстранил сабельным ударом генерал-адъютанта Шеншина и полковника Хвощинского, пытавшихся помешать выводу полка. Щепина-Ростовского приговорили к смертной казни, замененной позднее 20 годами каторги, которую он отбывал в Чите, на Петровском заводе, а затем на поселении в Енисейской и Тобольской губерниях.

Декабрист Михаил Иванович Муравьев-Апостол составил печальный документ — «Погостный список» всех декабристов, умерших при его жизни. Список помещен в книге «Декабристы. Материалы для характеристики», изданной в Москве в 1907 году. Это единственный список о смерти декабристов, составленный участником декабрьских событий. Он является наиболее достоверным. Сделаем из него выписки об интересующих нас лицах:

1. Шаховской Ф. П., умер в 1829 году, похоронен в Суздале, в монастыре.

2. Одоевский А. И., умер 12 августа 1839 года, похоронен на берегу Черного моря.

3. Митьков М. Ф., умер 23 октября 1849 года, похоронен в Красноярске.

4. Панов Н. А., умер 14 января 1850 года, похоронен в Урике близ Иркутска.

5. Муханов П. А., умер 30 апреля 1854 года, похоронен в Иркутске.

6. Спиридов М. М., умер 21 декабря 1854 года, пхооронен в с. Доронино близ Красноярска.

7. Щепин-Ростовский Д. А., умер в 1859 году, похоронен в Ярославской губернии.

8. Басаргин Н. В., умер 3 февраля 1851 года, похоронен в Москве.

Только один Басаргин умер вблизи от родных мест. Прах других декабристов приняла чужбина. На сибирских городских и сельских кладбищах многие декабристы нашли свой вечный покой.

«Мы не на шутку засеяли сибирские кладбища... Редкий год, чтобы не было свежих могил...» — с горечью и болью писал декабрист Иван Пущин другому декабристу — Д. Завалишину.

Долгие годы эти могилы были безвестны. Но потомки не забыли о первых мучениках за свободу и, отдавая дань уважения им, увековечили их память.

«СЕВЕРНОЕ ТРЕТЬЕ ОБЩЕСТВО МСТИТЕЛЕЙ»

Свершив свое черное дело, Николай I стремился вытравить из памяти народной события 14 декабря 1825 года. 14 июля 1826 года был проведен большой парад войск, а в Москве, куда царь прибыл 19 июля того же года на коронацию, состоялось «очистительное молебствие» по поводу того, что «отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». Митрополит Филарет провел в Кремле молебствие, в котором приняли участие вся царская фамилия, сенат, министры, гвардия.

Позже Герцен в «Былом и думах» писал: «Никогда виселицы не имели такого торжества: Николай понял важность победы»[1].

Царь хотел замолить кровь, показать единство с народом, доказать, что все забыто. Николай боялся последствий, стремился ликвидировать в корне влияние декабрьских событий на народ, на общественное мнение. В организации следствия над декабристами Николай I прибег к хитрому маневру: ему было известно, что приближенный ко двору видный государственный деятель в

[1] А. И. Герцен присутствовал 13-летним мальчиком на этом «торжестве» в Кремле.

начале царствования Александра I Сперанский[1] знал многих декабристов, поддерживал с ними определенные связи, поэтому он привлек Сперанского к суду и следствию над декабристами.

Сперанский разработал всю процедуру следствия и суда, он составлял докладные о ходе следствия для Николая, установил деление подсудимых на 11 разрядов и одну категорию — внеразрядных, он внес предложение о самом суде. Он же подал мысль Николаю о казни без пролития крови и подготовил лицемернейшую записку об этом.

Жандармерия, полиция, различные департаменты получили строжайшее указание — следить, вынюхивать, доносить о всяком вольнодумстве и «крамоле». Дел у полиции было много. Но, несмотря на принятые меры, правда о событиях на Сенатской площади скоро стала известна в народе. Ее скрыть не удалось. Дошла она и до Владимира и других городов губернии.

Уже в начале 1826 года «пехотный солдат» Николай Рогожкин, приехавший в Шую получить деньги в конторе фабрики купца Посымнина, рассказывал о событиях в Петербурге.

Несмотря на угрозы приказчиков сообщить полиции, Рогожкин назвал царя самозванцем. На Рогожкина донесли. Он был арестован. На суде как главное обвинение ему были предъявлены его слова: «...если бы я был на площади, то взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, потому что и генералов тогда били».

Уголовная палата приговорила Рогожкина к 50-ти ударам кнута, клеймению и ссылке на каторжные работы в Сибирь, «как буйного и вредного человека и дерзкого поносителя августейшей особы государя-императора». Сенат утвердил приговор Владимирской палаты уголовного суда. Страх был настолько велик, что об этом случае доложили Николаю. Он заменил ссылку в Сибирь направлением в Оренбургский отдельный корпус рядовым, а это было хуже любой ссылки.

Стоит вспомнить, в каких условиях жил сосланный в тот же корпус Т. Г. Шевченко.

Вскоре перед судом предстал канцелярист Василий Асинин по обвинению в создании тайного общества. На суде выяснилось, что единомышленников он не нашел. Чиновники, которых он пытался вовлечь в свое общество, испугались и выдали его.

При обыске у него обнаружили бумаги. К сожалению, они до наших дней не сохранились: их, найдя «мерзкими», уничтожи-

---

[1] М. М. Сперанский — наш земляк. Его отец — священник, имел приход в селе Черкутино (теперь Собинский район). Сам Сперанский был приписан к этому приходу пономарем. Он успешно окончил владимирскую семинарию и в числе других немногих ее воспитанников был отправлен в столицу для продолжения образования.

ли. Видимо, мыслей даже таких одиночек боялись. Правда, в делах следствия об этих бумагах упоминается. Это — «Клятвенное обращение» — присяга, «Правила» — программа, состоящая из 19 пунков. Известен только один пункт: «Старайся всемерно к искоренению императорской фамилии и свойственников ее».

Приговор Асинину был жестокий — лишение чинов и дворянства, ссылка в Сибирь. Когда с Асининым было покончено, в 1827 году появилась ода, написанная от руки, под названием «К Николаю». Неизвестный автор листовки называя царя «гибельным злодеем», пишет:

«Мы все рабы — ты господин,
Но близок час — в умах волненье,
И Петербургский заговор
Хотя разрушен злой рукою,
Но он не дым, не пылкий вздор:
Зовется вольности зарею».

Автор обещает беспощадную месть тирании и выражает уверенность, что «придет златое время», «свободы солнце к нам взойдет» [1]. Запечатанная сургучом, в конвертах, ода была разослана многим чиновникам. Под одой стояла подпись: «Северное третье общество мсцтетелей».

Начали искать автора «буйных и дерзких» слов. Переполох был большой, страх заставил полицию проводить самые дикие меры: всех грамотных людей Владимира, благо их было не так много, заставили дать свои автографы, проходили обыски, но автора не нашли. И опять доложили Николаю I, выполняя его приказ сообщать о всех, даже незначительных делах, связанных с 14 декабря.

В 1830 году владимирская полиция и жандармерия снова были подняты на ноги. Гражданский губернатор Курута доносит царю, что в селениях Ковровского, Муромского и Судогодского уездов были найдены «подметные письма», возбуждающие народ к вольности и восстанию.

«Лучше умереть с оружием в руках, защищая свою свободу, нежели невинно жить рабами и невольными», — говорилось в этих письмах.

Николай I, хорошо зная, к чему ведут такие мысли о свободе, приказал провести тщательное расследование и принять «все возможные меры и средства к непременному открытию сочинителя» этих «подметных» листков. Начались поиски сочинителей. Искали всюду и прежде всего среди родственников декабристов, среди учителей, чиновников. Ничего не обнаружили. Когда более внимательно вчитались в эти «подметные письма», то стиль их изло-

[1] «Призыв», 1971, 17 февраля.

жения навел на мысль: не следует ли поискать автора среди духовных лиц? Полицейские не ошиблись. Слова: «Никакой земной царь не смеет сказать человеку «ты мой» и во всем свете сего нет, а у нас дворяне по научению врага человеческого — дьявола овладели уже двести лет людьми, как скотиною, и продают нас, как свиней» — явно принадлежат не светскому автору.

Вспомнили и то, что протоиерей Муромского кафедрального собора Лекторский публично, при стечении многих прихожан в соборе, раскаивался в своих грехах. За это Лекторского заключили в Суздальский монастырь, где он и скончался.

Ниточка расследования привела к Муромскому собору. В нем оказался еще один отступник от церковных устоев — священник собора Лавровский Андрей Степанович, который хорошо знал о настроениях своего настоятеля и сам не отличался преданностью вере и самодержавию. Из полицейских материалов узнаем, что Лавровский был образован, начитан, слыл вольнолюбцем, «с детства дышал пламенным чувством к своему злополучному другу» (народу).

Лавровского арестовали, пытали, добивались от него признания, но он никого не выдал, а может быть, единомышленников у него и не было. Затем, по личному указанию «его величества», 23 мая 1832 года Лавровского заточили в одну из камер Соловецкого монастыря. Это была настоящая каменная могила, без света, воздуха. Немного потребовалось времени, чтобы сломить здоровье этого человека. Не добившись раскаяния и смирения, в 1840 году больного Лавровского освободили из заключения. Он под надзором полиции остаток своей жизни провел в Муроме.

Гнет и жестокость самодержавно-крепостнического строя вызывали недовольство всех слоев населения. В 1827—1831 годах во Владимирской губернии распространились ода-прокламация «Свобода» безымянного автора; вольные стихи Гаврилы Пономарева, дворового человека; агитационные стихи Николая Лушникова; религиозного направления, написанные в духе подражания пушкинской «Гавриилиаде» стихи Федора Гурова и другие произведения.

Реакция свирепствовала повсеместно. В обеих столицах и провинции хватали и сажали за решетку за всякое свободолюбивое выступление.

История Владимирской земли все время перекликается с историей важнейших общественно-политических движений в стране. Через несколько лет после восстания на Сенатской площади на берегах тихой Клязьмы появляются два опальных гражданина «всея Руси», к тому времени уже известные писатели, публицисты, поэты, «мятежные души», прямые последователи и продолжатели дела 14 декабря — А. И. Герцен во Владимире и А. И. Полежаев

в Коврове. Герцен по своим общественно-политическим взглядам непосредственно смыкался с декабристами, именно они, по словам В. И. Ленина, разбудили Герцена и разночинцев, наиболее ярким представителем которых и был Полежаев.

И Герцен, и Полежаев отбывали на Владимирщине наказание, наложенное царским правительством.

Герцена выслали под надзор полиции в Пермь, затем перевели в Вятку и Владимир, за пение революционных песен антиправительственного характера. Полиция давно следила за ним. Уже в Московском университете он и его друг Н. П. Огарев, с которым они дали клятву отомстить за страдания декабристов, возглавили революционный студенческий кружок. У кружковцев не было четкой программы, но их настроения носили ярко выраженный революционный характер. Сам Герцен писал:

«Идеи были смутные, мы проповедовали декабристов и французскую революцию... республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному произволу. Пропаганда наша пустила глубокие корни во все факультеты и далеко перешла университетские стены». Правительство решило пресечь дальнейшее развитие «крамолы», и Герцен 2 января 1838 года оказался во Владимире.

Полежаева разжаловали в рядовые за вольнолюбивые стихи, за восхваление героического подвига декабристов, едкие эпиграммы на царских чиновников и царя.

Александр Иванович Полежаев, известный поэт, которого любили и ценили Герцен и Лермонтов, был внебрачным сыном пензенского помещика — самодура и истязателя Леонтия Струйского[1] — и дворовой девушки Аграфены Федоровой. Для того, чтобы скрыть «грех», Аграфену выдали замуж за саранского мещанина Ивана Полежаева.

Учась в Московском университете, Полежаев написал поэму «Сашка», которая была настоящим политическим памфлетом против самодержавия.

Поэма попала в руки Николая I, когда он прибыл на коронацию в Москву. Это было на 15-й день после казни декабристов. Полежаева по велению царя привезли в Кремль. Николай I подал Полежаеву его поэму, переписанную набело на отличной бумаге. Приказал автору читать сочинение в присутствии министра просвещения адмирала Шишкова. Полежаев сначала растерялся, но за-

---

[1] В 1805—1812 годы Л. Струйский служил во Владимирском губернском правлении, куда был сослан за разврат. В 1816 году он засек до смерти крепостного, лишен дворянства, сослан в Сибирь, где умер в 1823 году.

тем овладел собой и с воодушевлением прочитал поэму. Николай пришел в ярость, закричал: «Я положу предел этому разврату! Это все еще следы, последние остатки; я их искореню!»[1] Полежаева исключили из университета, несмотря на то, что он его закончил. Оставалось только получить документ об окончании. Направили унтер-офицером в Бутырский полк, а через некоторое время разжаловали в рядовые и направили в действующую армию на Кавказ. На Кавказе Полежаев отличился и был снова произведен в унтер-офицеры.

В апреле 1833 года полк, в котором служил Полежаев, возвращаясь с Кавказа, прибыл в Ковров.

Маленький, тихий городок заволновался. Еще бы, какое событие! Прибыл целый полк. Он проходил по улицам Коврова с оркестром, барабанным боем. Все лето полк был в центре внимания ковровцев. Он покинул гостеприимные берега Клязьмы в августе 1833 года. Полежаев здесь отдыхал от трудного похода, знакомился с природой и окрестностями города, близко сошелся с местными интеллигентами и студентами, особенно с разночинцем Николаем Ильичем Шагановым. Через него вошел в тайное общество молодых людей, которое организовал Шаганов. Члены общества жили идеями декабристов. На сходках гневно говорили о «проклятых» вопросах русской действительности, читали запрещенные книги. Полежаев знал и других студентов-ковровцев: Александра Сомова, Ивана Кузина, Егора Нуждина, Жданова, Куменского. Шаганов был прекрасно образован и воспитан, знал иностранные языки.

Известный не только в пределах Владимирской губернии краевед и статистик А. В. Смирнов писал в очерке о ковровском разночинце Н. И. Шаганове, что у него «надолго сохранилась дружба со своими школьными товарищами, которые, едва достигнув отроческого возраста, задумали тогда составить какой-либо тайный союз. Замыслы тайных союзов тогда как будто носились в воздухе. Дело «декабристов» шепотом передавалось друг другу» [2].

Но скоро полиции стало известно о кружке: один из случайных членов этого кружка выдал его. Нагрянули жандармы, Шаганова арестовали. Только вмешательство его отца — богатого ковровского купца — позволило уладить дело. Позднее Шаганов некоторое время сотрудничал в газете «Губернские ведомости».

Полежаев писал в Коврове резкие, страстные стихи, эпиграммы. Сколько их было сочинено, никто не знает. Вот, например, строки из стихотворения «Четыре нации».

---

[1] И. Д. Воронин. А. И. Полежаев. Саранск, 1954.

[2] Смирнов А. Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Вып. 3, Владимир, 1898, стр. 100.

В России чтут
Царя и кнут;
В ней царь с кнутом,
Как поп с крестом.
Православный наш царь,
Николай-государь,
Ты болван наших рук,
Мы склеили тебя
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя.

Это стихотворение, как и «Ренегат», «Мир создал бог, а кто же создал бога?» нигде не было напечатано.

К сожалению, многие стихи Полежаева ковровского периода пропали. Покидая полюбившийся ему город, Полежаев передал свою тетрадь со стихами Шаганову. Судьба ее неизвестна. Очень может быть, что она хранится где-то в Коврове или его окрестностях. Хорошо бы ковровским следопытам поискать ее, вдруг и улыбнется счастье.

Многие стихи Полежаева молодые люди Коврова того времени знали наизусть. Их переписывали, передавали друг другу, тайно хранили.

Друзья, не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл,
Чуть светит
в непогоды,
Повесить нашего царя?
Тогда бы стал светить
луч пламенной
Свободы!

В. Юров, изучающий этот вопрос, утверждает[1], что стихи дошли до 1905 и 1917 годов и для многих ковровских большевиков (М. В. Наумова, А. А. Седова, И. К. Гунина, И. И. Николаева, И. Н. Рыжова, В. И. Бурцева, Д. Ф. Фролова) были действенным оружием в борьбе за Советскую власть. Более того, ковровские старожилы говорят, что тетради со стихами Полежаева видели в 1939 году.

Пребывание А. Н. Полежаева в Коврове не прошло для него бесследно. Знакомство с демократически настроенной молодежью, ее политической активностью, которая всюду чувствовалась в губернии, укрепляло демократические взгляды Полежаева. Когда он оказался снова в Москве, то очень скоро (в 1833 году) сошелся с

---

[1] «Призыв», 1965, 21 апреля.

Герценом и Огаревым. Знакомство перешло в дружбу. Полежаев читал им свои гневные антикрепостнические стихи, стихи о подневольной солдатской службе и получил их высокую оценку и одобрение.

Весной 1837 года, получив кратковременный отпуск, Полежаев снова оказался на Владимирской земле. На этот раз он приехал к своему университетскому товарищу Василию Алексеевичу Бурцеву, сыну губернского секретаря, имение которого находилось под Муромом. Приехал, чтобы подлечиться и отдохнуть. Здоровье Полежаева было очень плохое: он болел чахоткой. В имении Бурцева Полежаев написал поэму «Царь охоты», посвященную гостеприимному хозяину (Бурцев был страстным охотником). За шутливой формой изложения скрывался тот же глубокий революционный смысл. Автор проводил идею борьбы с деспотизмом, пропагандировал свободу для простого народа. Очень знаменательно, что части поэмы почти целиком совпадали с текстом листовок, найденных в 1830 году в окрестностях Мурома. Видимо, Полежаев был хорошо знаком с их содержанием. «Раб с поникшей головой, убитый властью роковой», — крестьянин, «Царь охоты» — самодержавие, Николай I. Вся поэма — аллегорическое выражение уверенности в том, что народ, наконец, обретет свободу, а крепостной строй и царизм будут уничтожены».

На... лоне муромских долин,
Среди болот непроходимых,
Между лесов необозримых,
Возник какой-то исполин...

Этот «исполин» — народ, точнее, русское крестьянство, накопившее горы ненависти к произволу самодержавия. Таким образом, поэма «Царь охоты», написанная на нашей Владимирской земле — «далеко не шуточное произведение». «Это самое глубокое и зрелое по мысли создание автора»[1].

После возвращения из Мурома Полежаев в состоянии психического расстройства оставил полк, но был найден посланными солдатами и избит до такой степени, что 16 января 1838 года, 32 лет от роду, умер в московском госпитале. Так погиб еще один талантливый представитель русского народа, самоотверженный борец за его счастье. «Свобода была его любимым словом, его любимою рифмою» (Белинский).

Когда Полежаев доживал свои последние дни, Герцен, вырвавшись из «ужасных», «мрачных» условий жизни в Вятке, из-под начала недалекого, снискавшего дурную славу губернатора Тюфляева, спешил во Владимир. Его радовало, что он попал в центр

---

[1] И. Д. Воронин. Полежаев. Саранск, 1954, стр. 210.

России, ближе к Москве, друзьям, книгам, невесте. Во Владимире он прожил несколько счастливых лет (от 2 января 1838 до марта 1840 года). Здесь обрел личное счастье, женившись на Н. Захарьиной. Здесь фактически получил амнистию и освободился от полицейского надзора, будучи назначенным 20 июня 1839 года чиновником особых поручений при губернаторе. Он полюбил город, его окрестности. Он писал своей невесте: «Я начинаю любить наш маленький Владимир»; «О, как прелестны окрестности маленького Владимира»; «...это уже не Вятка, мрачная, суровая, осененная елями и соснами. Владимир спит в садах и горах, разбросанный сам по горам» (письмо от 8 апреля 1838 года) «как голубая лента через плечо, льется Клязьма через равнину и упирается в Дмитриевский собор».

В письмах к Захарьиной Герцен описывает разлив Клязьмы, прелести вида, открывающегося с высокого кремлевского холма, окрестности Боголюбова, где он не раз бывал.

Не только в письмах Герцен повествует о красотах Владимира и его окрестностей. Владимиру посвящена целая глава в «Былом и думах» — «Владимир-на-Клязьме».

Но вот другая, общественно-политическая сторона его жизни во Владимире известна мало. Хотя надо отметить, что за последнее время предприняты попытки исследовать и ее. Хотелось бы из числа нескольких работ на эту тему назвать обстоятельную статью Н. Н. Баландиной «А. И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости» [1].

Деятельность Александра Ивановича в «Прибавлениях» к «Губернским ведомостям» занимала у него много времени. «Ведомости» начали издаваться 1 января 1838 года в двух частях: официальной, в которой помещались различные правительственные документы, и неофициальной — «Прибавлениях», где должны были печататься местные материалы. Редактором этой второй части «Ведомостей» губернатором Курутой был назначен А. И. Герцен. Курута быстро сообразил, какую находку для него представлял Герцен не только как человек весьма эрудированный, разносторонне образованный, с большими литературными способностями, но и опытный в журналистике: в Вятке он уже «поставил на ноги неофициальную часть «Ведомостей». Но Курута также понимал, что ссыльного Герцена поставить редактором «Прибавлений» нельзя. Поэтому формально Герцена назначили на должность помощника правителя канцелярии. Собственно, назначения на редакторское место так и не было, об этом упоминается только в формулярном списке Герцена.

---

[1] Ученые записки Владимирского государственного педагогического института. Владимир, 1958, стр. 133—166.

Редакторская деятельность Герцена в газете началась с № 10 (начало 1838 года) и продолжалось, видимо, до конца июля 1839 года. Основная цель, которую перед собой поставил Герцен, заключалась в том, чтобы попытаться превратить «Прибавления» из сборища описаний всяких происшествий, приемов и обедов в более или менее прогрессивный, боевой орган, призванный отражать интересы народа, показывать его тяжелую долю, привлечь внимание общественности к этому, дать сведения по истории края, об архитектурных памятниках, о состоянии крестьянского хозяйства, земледелия, ремесел, промышленности. Но все это пропустить через призму революционно-демократических взглядов и показать, что чувство любви к родине присуще не только привилегированной части общества, но и народу.

Надо сказать, что Герцену в известной мере это сделать удалось, хотя пришлось действовать очень осторожно, прибегать к различным приемам, не обнаруживая своего отношения к сообщаемым фактам: ведь газета была правительственным официозом.

Герцен выступил с обращением к читателям, в котором призывал сообщать сведения о крестьянском быте, о причинах обнищания и возвышения деревни, о судьбах народа, о ремеслах горожан и крестьян (сам он пишет заметки по этим вопросам). Его интересует история простого народа, крестьян, жителей городов. Он организует сбор произведений народного творчества: песен, описаний обрядов, праздников; стремится развить краеведение, печатает разнообразные статистические материалы городов, официальные отчеты, целенаправленно подбирает их, но не делает к ним никаких комментариев.

Вот некоторые сообщения из «Прибавлений» к «Ведомостям». «В г. Владимире за 1837 г. построен всего 1 каменный дом да 19 деревянных; в нем же имеется 2 книжные лавки, а число питейных домов, погребов, харчевен, трактиров доходит до полусотни».

О состоянии народного образования пытливый читатель мог сделать вывод из помещенной сметы расходов по Покровскому уезду:

«1. На содержание полиции, думы и магистра — 3429 р. 16 коп.
2. Содержание тюрм — 230 р.
3. Содержание приходского училища — 250 р.
4. Устройство дорог и мостов — 349 р.»

А вот вам охрана здоровья детей:

«В Суздале в 1837 г. в приюты поступило 43 младенца, умерло 40. В Юрьеве в 1838 г. —" — —" —48 —" — —" —36».

Урожаи хлебов в губернии были очень низкими. Своего хлеба крестьянам не хватало. Деревня бедствовала. Об этом сообщалось в «Ведомостях»:

«Урожай хлеба в 1838 г. был сам друг с небольшим превышением... Но как значительная часть жителей губернии отлучается по промыслам в разные места, а люди, находящиеся на фабриках и заводах, вообще продовольствуются хлебом покупным, привезенным в губернию из других хлебородных губерний, то сим и заменится недостаток хлеба собственного урожая»[1]. Комментарии к этому, как принято говорить, излишни.

В таких отчетах Герцен проводил только редакторскую правку, поэтому заподозрить его в пристрастном отношении было нельзя. Он расширил количество корреспондентов газеты, привлек к этому учителей. Заметки, носившие явно антикрепостнический характер, помещались без ограничения. Было напечатано «Путешествие по русским проселочным дорогам» Шелехова. Автор пишет: «Есть в деревнях этого края обычай пускать в избу зимой скотину: коров, телят, свиней, ягнят и кормить их в тепле (требуется корма меньше). Хорошая изба делается от этого не лучше стойла». Читатель невольно спрашивал себя: что же изменилось со времен Радищева?

Герцен сокращал материал о помещиках, купцах, когда его присылали в редакцию, зато организовал перепечатку статей из других газет, в которых говорилось о бедственном положении крестьян. Большое место заняла в газете публикация исторических материалов, касающихся Владимирского края, но и этот материал отбирался под определенным углом зрения. Мы находим заметки о подвиге народном при обороне Владимира от полчищ Батыя, о героизме горожан при защите Шуи от поляков, о народном ополчении, руководимом Дмитрием Пожарским. Герцен первый поставил вопрос об увековечении памяти Пожарского на Владимирской земле. К описанию Спасо-Евфимиевского монастыря Герцен добавляет слово от себя: «Но первая святыня Спасского монастыря — это прах спасителя России князя Пожарского, где памятник Пожарскому? — первый вопрос всякого, въезжающего в Суздаль. К стыду нашему, должны сказать, что не только нет ему здесь памятника, но даже не можешь показать места, где лежит прах его. Знаешь только из летописей, что здесь было родовое кладбище Пожарских и что здесь и он сам похоронен»[2].

Заметим, что памятник Пожарскому поставлен Советской

---

[1] «Прибавления к Владимирским губернским ведомостям». 1839, 27 мая, № 21.

[2] «Прибавления к Владимирским губернским ведомостям». 1833, 17 сентября, № 37.

властью в послевоенные годы, недалеко от стен Спасо-Евфимиевского монастыря. Законное желание Герцена-патриота нашло свое воплощение.

В описание материальных памятников Герцен всегда включал сведения о строителях их, народных мастерах-умельцах. Этот разбор статей, помещаемых в «Прибавлениях», можно было бы продолжить, но и приведенные материалы красноречиво свидетельствуют о том, что Герцена интересовало положение простого народа, его жизнь, неустанный труд во имя куска хлеба. Поэтому абсолютно неправ дореволюционный владимирский краевед Смирнов, который в своей книжке «Выдающиеся деятели Владимирской губернии» (выпуск III), посвященной характеристике сотрудников «Губернских ведомостей», пишет, что Герцен не оказал какого-то заметного влияния на газету (статья о Протопопове).

Смирнов не с тех позиций подошел к анализу: он сосчитал все статьи, перечислил их названия, авторов. Но не учел того, что Герцен подписывал не все свои статьи, не учел направления в подборе материала.

Работа в редакции «Губернских ведомостей» пришлась Герцену по душе и оказалась очень полезной. Он сам писал: «Я все еще редактор газеты, и она идет, кажется, недурно» (из письма Витбергу)[1]. Он приобрел большой опыт редакторской деятельности, еще больше утвердился на позициях революционного демократизма.

Освободившись от полицейского надзора, Герцен стал рваться из тихого Владимира в Петербург, начав ходатайство о переводе. Вскоре ему удалось это. Он получил назначение в Министерство внутренних дел.

Герцен писал Кетченеру: «Я счастлив, однако пора расстаться с провинцией: сердцу довольно, но хочется и для души деятельности». А вскоре владимирцы узнали об этом новом роде его деятельности. «Так вот он каков, наш-то ссыльный... ну не даром, значит, по ссылкам-то гоняли! Был раньше-то Герцен, а вот вдруг Искандером обернулся», — вспоминал писатель-владимирец Златовратский, современник Герцена.

Герцен во Владимире вел активную общественно-политическую жизнь. Он принял деятельное участие в работе первой губернской библиотеки, которая открылась 1 января 1834 года, состоял ее подписчиком, помогал подбирать книги. Известно, что он подарил несколько физических приборов только что созданному в губернской мужской гимназии (теперь средняя школа № 23) физическому кабинету. Очевидно, это было событие исключительное, так как

---

[1] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Т. II, стр. 237.

в «Прибавлениях» по этому поводу помещается довольно большая статья с перечнем всех приборов, имеющихся в кабинете и подаренных Герценом. Можно с уверенностью предположить, что Герцен неоднократно бывал в гимназии, ведь его помощником по «Прибавлениям» являлся учитель физики этой гимназии.

Герцену была близка судьба ссыльных, которые поступали во Владимирский централ, наверное, он знал о страданиях этих людей, иначе вряд ли могло бы появиться письмо Герцена Парфению — владимирскому архиерею, который являлся председателем «попечительного о тюрьмах комитета».

Вот текст этого письма:

> «Ваше высокопреосвященство,
> Милостивый государь и архипастырь!
> Желаю по мере возможности участвовать в деле облегчения судьбы тех несчастных... которые подверглись тюремному заключению; я покорнейше прошу Ваше высокопреосвященство принять от меня в распоряжение Владимирского тюремного комитета двадцать пять рублей ассигнациями, это пожертвование думаю я повторять ежегодно — если дозволят обстоятельства.
>
> г. Владимир, 1889 г., июнь, 13. А. Герцен».

В дате допущена ошибка, не восьмидесятый, а должен быть тридцатый год. В 1889 году Герцена не было уже в живых. Документ этот взят из книжки Е. Осетрова «Ветка Лауры». Осетров сообщает, что письмо недавно обнаружено в фондах Владимирского архива.

Александр Иванович имел тесные связи с местной владимирской интеллигенцией, поддерживал связь с друзьями по университету. В 1839 году к нему во Владимир приезжал самый его близкий друг Николай Платонович Огарев.

Прошло очень много лет с того времени, когда Герцен покинул полюбившиеся ему берега Клязьмы, а память о нем живет в сердцах владимирцев. Но они и в долгу перед ним.

17 января 1920 года Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина принял постановление по увековечиванию памяти Александра Ивановича Герцена; в нем есть такой пункт:

«Присвоить имя Герцена одной из трудовых школ 2-й ступени в городах: Вятке, Владимире, Новгороде, где он отбывал ссылку, а также в тех губернских и уездных городах, местные совдепы которых признают желательным ознаменовать память писателя».

9 Заказ 3757

Владимирский горисполком по каким-то причинам не воспользовался этим постановлением, и это надо сделать теперь.

Так история приоткрывает все новые страницы жизни и деятельности выдающихся сынов России. Не все еще документы найдены, не все имена известны, но и то, что мы знаем, бесследно не прошло.

Росло общественное движение, поддерживаемое крестьянскими восстаниями, вынудившими царизм освободить крестьян от крепостного права, началось развитие капитализма как в городе, так и в деревне. Сеть фабрик и заводов покрыла бывшую Владимирскую губернию, сложились крупные центры фабричной промышленности, а с ней возник и «его величество рабочий класс». Прошло немного времени и он мощно заявил о своем существовании и потребовал себе права на нормальную человеческую жизнь.

Закачались устои царизма и того строя, который его питал. А в 1917 году капиталисты и помещики вместе с царем были свергнуты. К власти пришли новые люди, настоящие хозяева земли и ее богатств — рабочие и крестьяне.

Из искры возгорелось пламя. В. И. Ленин в своей работе «О национальной гордости великороссов» писал о том, что декабристы сыграли большую роль в революционном движении России, что мы должны гордиться декабристами.

«Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов...» [1]

БЕРЕЧЬ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ

Вот и закончилось наше повествование с людях мужественных, героических, вписавших в историю Родины не одну замечательную страницу. Теперь возникает вопрос: все ли нам о них известно, все ли собрано и как мы бережем то, что уцелело, сохранилось?

Ведь чем дальше будет отодвигаться время, тем труднее будет восстановить в памяти людей отдельные события истории, их участников и место действия. Уже сейчас сбор документов,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 107.

фотографий и других материалов представляет большую трудность.

Время многое сохраняет из того, что будет нужно людям в последующие века, но оно и разрушает. Что же осталось в память нам и будущим поколениям о декабристах — этих первых крушителях царизма? Почти ничего! Сейчас трудно даже установить место жизни и рождения многих из них.

О Пестелевой общине (с. Станки Вязниковского района) знают немногие интересующиеся этим. Не все знают об этом даже в самих Станках.

О Калошиных (с. Смольнево Киржачского района) напоминает только надгробная плита на местном кладбище да двухшатровая церковь XVIII века.

Не в лучшем положении оказалась и Мухановская усадьба. Правда, само село Успено-Мухановское существует, именуется теперь поселком Мухановским.

Села Николаевского Юрьев-Польского района (усадьба Одоевского) нет даже на карте Владимирской области. Могила Шаховского затеряна. Более или менее сохранились два исторических памятника, связанных с движением декабристов: дом Басаргина (с. Липна Петушинского района) и дом Митькова (с. Варварино Юрьев-Польского района).

Очень хочется надеяться, что варваринцы вместе с Юрьев-Польским райисполкомом хорошо отремонтируют «крамольный домик» — «прелестную игрушечку», уберут от него тракторную стоянку, восстановят парк и сад, а в доме культуры и библиотеке создадут хорошую выставку, посвященную истории этой усадьбы. Знают ли ее варваринцы? Более чем уверен, что хорошо не знают.

А может быть, и Дому культуры следует присвоить имя декабриста М. Ф. Митькова, а библиотеке — имя И. С. Аксакова?

Надо спасти и восстановить дом Басаргина в Липне, сохранить все, что еще можно сохранить. А возможно, стоит подумать о создании в нем музея или выставки.

Наверное, настало время собрать все, что еще уцелело, как память об этих людях и предохранить от дальнейшего разрушения. Управлению культуры, Обществу по охране памятников пора взять все на учет и продумать меры по восстановлению этих памятников. Может быть, стоит открыть мемориальные доски на уцелевших зданиях или камни на месте бывших усадеб декабристов. Пора и музеям собрать хороший материал об этих людях.

Хочется обратиться к учащимся, следопытам, с призывом начать поиск документов, предметов, писем, фотографий, воспоминаний о декабристах, живших на территории нашей области и связанных с ней.

Все собранное будет бесценным вкладом в науку о замечательном революционном прошлом нашей любимой Родины, обогатит наши знания о «детях 14 декабря», как назвал первых революционеров М. И. Муравьев-Апостол.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., тт. 6, 21, 30.

Андронников И. Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., «Советский писатель», 1955.

Аксенов К. Северное общество декабристов. Л., 1951.

«Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии». Владимир, 1905.

Басаргин Н. Записки. П., изд. «Огни», 1917.

Басаргин Н. Записки. Девятнадцатый век. В журн.: «Исторический сборник», М., 1871.

Басаргин Н. Записка о развитии промышленности и торговли в Сибири. ЦГАОР, ф. 279, оп. I, № 176.

«Владимирское народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.» Сб. документов. Облархив, Владимир, 1963.

Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. I., П., 1886.

Воронин И. А. И. Полежаев. Саранск, 1954.

«Восстание декабристов». Материалы по истории, тт. 1, 2, 6, 8, М.—Л., 1925.

Герцен А. И. Кончина Басаргина. Собр. соч. в 30 т., т. 15.

Герцен А. И. Владимир-на-Клязьме. Собр. соч. в 9 т., т. 4.

Гессен А. Во глубине сибирских руд. М., 1965.

Голубев С. Н. Из искры — пламя. М., 1963.

Горбачевский И. И. Записки и письма декабриста. М., 1963.

Грибоедов А. С. П., 1911—1917.

Гусев Н. Лев Николаевич Толстой. М., изд. Академии наук СССР, 1957.

«Декабристы на каторге и в ссылке». М., Изд. политкаторжан, 1925.

«Декабристы. Сборник отрывков из первопечатников». М., Центроархив. 1925.

«Декабристы. Материал для характеристики». М., изд. Вензинова (частное), 1907.

«Декабристы и их время». Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Т. I, М., 1932.

«Декабристы в Москве». М., «Московский рабочий», 1932.

«Декабристы в Западной Сибири». Новосибирск, 1952.

«Декабристы в Западной Сибири. Очерки по официальным документам». Составитель Дмитриев-Мамонтов. М., 1895.

«Доклады Переславль-Залесского научного краеведческого общества». Переславль-Залесский, вып. 9, 1921.

«Декабристы и тайные общества в России». (Официальные документы), М., 1906.

«Дневник Елизаветы Александровны Шаховской». В журн.: «Голос минувшего». 1920—1921 гг.

«Из прошлого Владимирского края». Сб. I, Владимир, 1930.

«Избранные социально-политические и философские произведения декабристов». Т. 3, издание МГУ, 1951.

Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 60, кн. 1—2, М., 1956.

Майоров И. В. Крестьянские воспоминания о П. И. и Б. И. Пестель. В журн.: «Былое», 1906, май.

Модзалевский Б. Л. Декабристы на пути в Сибирь. М., 1925.

Нечкина М. В. Движение декабристов. Тт. 1—2, М., 1955.

Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947.

Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений и писем. М., изд. «Академия», 1934.

Пругавин А. С. Декабрист кн. Ф. И. Шаховской в Спас. Евфимьевском монастыре. В журн.: «Русское богатство», 1911, № 1.

Пущин П. И. Записки о Пушкине и письма. М., 1956.

Розен А. Е. Записки декабриста. СПб. 1907.

«Русское богатство», 1901, № 9.

«Русская старина», 1888, т. 60.

Смирнов А. Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Вып. 3, Владимир, 1898.

Солоухин В. Лирические повести. Ярославль, 1967.

Сиверс А. Материалы к родословию Мухановых. Изд. Н. Н. Муханова (частное), П., 1910.

Сироткин А. Н. А. И. Одоевский. В журн.: «Исторический вестник», 1883, май.

«Ученые записки Владимирского государственного педагогического института». Владимир, 1958.

Художественное наследство. Репин. Т. I, М., 1948.

Шаханов Н. Страничка прошлого. В журн.: «Наше хозяйство», Владимир, 1929, № 2.

Шаханов Н. Отклики во Владимирской губернии на восстание 14 декабря 1925 г. В журн.: «Спутник партийца», Владимир, 1926, № 8.

Штрайх. Провокации среди декабристов. П., 1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Георгий Иванович Черноі

ГЕРОИ 14 ДЕКАБРЯ

Редактор Л. Галкина
Художественный редактор В. Усов
Художник В. Петров
Технический редактор В. Панфилова
Корректор Н. Большухина

Сдано в набор 23 ноября 1972 года. Подписано к печати 13 февраля 1973 года. АК00651. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,6. Заказ 3757. Тираж 20 000. Цена 21 коп. Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглавполиграфпрома, ул. Чкалова, 8.

Цена 21 коп.